

№ 1
2009

КАЗАХСТАНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Журнал — лауреат высшей общенациональной премии
Академии журналистики Казахстана за 2007 год

Главный редактор **В. Р. ГУНДАРЕВ**

Редакционный совет:

Р. К. БЕГЕМБЕТОВА (зам. главного редактора), **Э. Г. ДЖИЛКИБАЕВ**
(г. Алматы), **Г. К. КУДАЙБЕРГЕНОВ**, (г. Астана), **В. Ф. МИХАЙЛОВ**
(г. Алматы), **Ю. Д. ПОМИНОВ** (г. Павлодар), **В. И. РЫЖКОВ**
(г. Караганда), **Т. И. СЫЗДЫКОВ** (г. Кокшетау), **А. Ю. ТАРАКОВ**
(г. Астана), **И. Б. ТЕТЕРИНА** (г. Астана), **А. М. ШВЫДКО** (г. Алматы),
В. Г. ШЕСТЕРИКОВ (г. Петропавловск).

В номере:

Проза

И. Казанцев. Последняя любовь. Повесть **3**
А. Олексюк. Четыре рассказа. (Он наблюдает...;
«Кришнаит»; А что, если...; Другое поколение) **47**

Поэзия

В. Колин. «За окном поют метели...». Стихи **40**
Т. Никитина. «Займётся радостью душа...». Стихи **60**

Документальная проза

Ю. Поминов. Хроника смутного времени. <i>Записки редактора. Книга вторая.</i>	66
---	-----------

Журнал «Арт» («Лад») — в «Ниве»

Г. Бутырева. В поисках гармонии	103
Н. Мирошниченко. «Дороге предшествует путь...». <i>Стихи</i>	105
Е. Габова. Беличья шкурка. <i>Рассказ</i>	111
А. Суворов. «Небосвод в вечерней позолоте...». <i>Стихи</i>	138
Т. Ломбина. Мёртвая невеста. <i>Побасёнка</i>	142
О. Власова. Художник «новой культуры»	146
Е. Шуктомова. Николай Мозымов: вопросы или ответы?	148

Культура. Общество. Личность

В. Бойко. Портреты и сюжеты. <i>Записки неопределённого жанра</i>	151
Л. Енисеева-Варшавская. Аристократ духа Яков Штейн	168

Наследие

Б. Канапьянов. Словарь столетий	175
--	------------

Публицистика

С. Горбунов. Система	187
-----------------------------------	------------

Критика и литературоведение

Е. Зейферт. Взаимообмену — больше взаимности	190
---	------------

*Изоальбом «Нивы»: из работ Петра Субботина-Пермяка и
Николая Мозымова.*

Иннокентий КАЗАНЦЕВ

Последняя любовь

Повесть

1.

Опять Матвея Ильича бессонница мучила. В последнее время всё чаще и чаще случалось это. Просыпался среди ночи, часа в два, в три — и всё. Сна — ни в одном глазу. И даже чувствовал себя вроде выспавшимся. Хотя когда выспаться-то: три часа, от силы — четыре, разве достаточно этого? Даже для такого старика, как он — явно мало. Хорошо, если под утро удаётся. А бывает, что и до самого утра, до восьми часов, заснуть так и не получается. И день тогда проходит как в тумане. Можно бы, конечно, и среди дня часок вздремнуть, а всё как-то не получается: до обеда хозяйственные дела разные — в магазин, на рынок за продуктами сходить, уборку в квартире сделать, а в последний год, когда жена совсем немощной стала — и обед приготовить, и об ужине побеспокоиться. Ну а после обеда приносят газеты — как же их оставить, не прочитав? А то вдруг потянет его давняя страсть — поэзия. Придёт вдруг яркая поэтическая строчка, и свербит, и свербит в мозгу, и никак от неё не избавишься. Бросает он тогда всё, плюхается в старенькое, продавленное кресло, хватается блокнот (он всегда лежит рядом, на выступе серванта), карандаш и быстренько, пока она не забылась, записывает эту нахальную строчку. Ну а дальше — пошло... Слово за слово, строчка за строчкой, строфа за строфой. Мучается, зачёркивает, стирает резинкой, пишет снова. Глядишь — через час-полтора что-то и получилось. Стих новый. Может, пока сырой ещё, несовершенный; ничего — пусть отлежится; потом, через день, через три, вернётся он к нему, отстругает, отгладит, посмотрит ещё раз, как бы со стороны, критически. Вроде бы ничего получилось, можно и начисто переписать в тетрадь. А при переписке ещё вдруг заменит какое-то словцо на более удачное, ещё какую-либо мелкую поправку сделает.

**Иннокентий
Михайлович
КАЗАНЦЕВ**

родился в 1927 году в городе Зырянском. По специальности инженер-геолог, около сорока лет проработал в Зырянской геологоразведочной экспедиции. После выхода на пенсию начал активно публиковаться в средствах массовой информации.

Стихи печатались в журналах "Восток" (г. Усть-Каменогорск), "Нива" (№ 5, 2005 г.), в альманахе "Сибирские Афины" (2004 г.). Проза — в журнале "Простор" (№№ 10, 12, 2005 г.), "Нива" (№ 8, 2006 г.), "Сибирские Афины" (2006 г.).

Стихи включены в восемь коллективных поэтических сборников (три — г. Зыряновск, пять — г. Томск), автор пяти книг, вышедших в Усть-Каменогорске и Томске).

Член литобъединения "Звено Алтая" (г. Усть-Каменогорск).

Лауреат областного конкурса к юбилею Победы (2005 г.).

Умер в 2008 году.

В общем, уснуть днём некогда. Вернее, жаль тратить на это драгоценное время. Вечером — телевизор: новости, сериалы, снова новости. Пораньше спать не ляжешь. Да и какой толк рано-то ложиться — раньше уснёшь, раньше и проснёшься, и мучайся потом всю ноченьку долгую. Нет, уж лучше действовать по выработанному режиму.

Не спится Матвею Ильичу, не спится. Ворочается с боку на спину, на другой бок, и обратно. Не найдёт никак позу удобную. Полежит минут пять в одном положении — одна нога другую давит; передвинет её немного — хорошо вроде. Не надолго только — опять то пятку давит, то носок, то косточку какую. Опять положение менять надобно — и так до бесконечности. Говорят, болезнь такая есть, так и называется: “болезнь беспокойных ног”. Наверно, она самая и у меня? — подумал он. Да это ещё бы ладно, ноги. Успокоил бы он их в конце концов. Мысли всякие, непрошенные, назойливые, покоя не дают. То о будущем, то о планах на ближайшие дни. Но чаще мучает прошлое. Воспоминания то о юности далёкой, то о ещё более далёком детстве...

И зачем всё это: ну прошло и прошло, прожито и прожито. Так ли, не так — ничего уже не исправишь, не переделаешь. И зачем теперь думать об этом, мучиться воспоминаниями, делами дней минувших, делами полузабытыми? Воскрешать в старицкой памяти, возродить, да ещё и переживать, если воспоминания не совсем приятные.

Восьмидесятый год ему. А всё или почти всё, помнится, даже детские годы. А помнить себя он стал, пожалуй, лет с трёх. Не всё, конечно, а какие-то отдельные, яркие моменты, почему-то врезавшиеся в память.

Потом эти разрозненные фрагменты соединялись вроде как в киноленту, длинную-длинную. Воспоминания благостно-приятные, невольно счастливую улыбку вызывающие, или, наоборот, не очень приятные, которые и забыть бы неплохо, да вот не забываются никак.

Одно из них — имя его. Матвей. Мотя — так дома звали его. Угрозидло же родителей такое имечко выбрать! Лучше найти не могли, что ли? Как же он стеснялся своего имени! Перед ребятами соседними, в школе, перед учениками, и особенно — ученицами.

Мотя... Бабское имя какое-то. Ребятишки переделали его в Матрёну. Вот и мучился он с именем таким почти всю жизнь, во всяком случае, всё детство и молодость, предпочитал, чтобы называли его полным именем — Матвей.

Возвратившись как-то в расстроенных чувствах из школы, Мотья демонстративно бросил сумку с учебниками на стол и чуть ли не со слезами от незаслуженной обиды предъявил претензии матери:

— Ну зачем вы такое имя мне дали! Лучше не могли придумать, что ли?

— А что? Имя как имя, чем плохое?

— Да задразнили меня уже с этим дурацким именем — Матрёной зовут! Да Матрёшкой ещё!

— А кого не дразнят-то? Иван-дурак. Мишка-медведь. Васька-кот. А Сергей, так и вовсе — Серя.

— Да уж лучше кот Васька, чем Матрёшка-то!

— Ну и что? Вот отца твоего в детстве дразнили Илья-пророк. Да ещё добавляли — наделал в творог! А Матвей — тоже пророк такой был. Он Евангелие написал. Так и называется — Евангелие от Матвея.

— Вот-вот. Ещё и пророком дразнить будут! — заключил Мотья. Чуть не плача от обиды.

Долго, очень долго, уже и взрослым став, стеснялся Матвей своего библейского имени. И лишь много позднее, когда приобрёл известный вес в обществе, уважение среди сослуживцев, да и у руководства — и своего, и смежных предприятий, с которыми общаться приходилось — тогда лишь перестал он стесняться своего имени. Когда уважительно его называть стали — Матвей Ильич. И воспринял он, как истину, известное издавна изречение: не имя красит человека, а человек имя.

А проработал он, без малого сорок лет, в одном проектно-институте с уклоном на геологические изыскания и горные работы. Прошёл по всей служебной лестнице, от ученика-лаборанта до старшего инженера, руководителя одной из наиболее значимых в институте групп, обретя заслуженную популярность как наиболее толкового, высокоэрудированного и необычайно работоспособного специалиста, которому поручали наиболее ответственные разработки. Работал и учился. Учился и работал. Заочно окончил сначала техникум, сократив срок учёбы на один год и получив диплом с отличием. Но жизнь постоянно опережала его. Работая уже руководителем группы, чувствовал, и довольно ощутимо, нехватку знаний, приходилось черпать недостающее из технической литературы. А потом, несмотря на солидный уже возраст, взял и окончил заочно институт. И только после этого, общаясь по деловым вопросам с видными специалистами и научными работниками, стал чувствовать себя “в своей тарелке”, наравне с ними.

И вот, уже двадцать лет — на пенсии.

... За окном лунный свет сменился вполне дневным, скоро и солнце взойдёт. Нет, не уснуть уже, — подумал Матвей Ильич, перевёртываясь на другой бок, — и стараться даже не надо. И вновь воспоминания овладели его сознанием, опять потекли, словно ручьи в половодье.

Нет, не приобрёл он на “заслуженном отдыхе” ни дачного участка, не увлекся ни рыбалкой, ни дворовыми доминошниками, ни, тем более, глупыми психоделками с пивом или чем-то покрепче. А вспомнил былое увлечение молодости — стихи. Когда-то, ещё в школьные годы, да и позже в первые годы работы, он серьёзно “переболел” этим недугом. Писал и обычные стихи, порой наивные, порой подражательные, даже обширные поэмы — и на модную тогда военную тему, и на “глубоко личную”, вдохновенно описывая объекты любви своей юношеской. Но публиковать их никогда не стремился, даже мало кому давал читать.

Правда, одну из этих поэм, именно на военную тему, послал весьма известному казахстанскому поэту, фронтовику бывшему. И, вопреки всякому ожиданию, получил ответ. Весьма даже благожелательный, несмотря на заслуженную критику. Было указано и на явные промахи, несуразности, и на излишние длинноты, но в то же время отмечены и достоинства поэмы, яркие фразы, сравнения, метафоры. А вот публиковать поэму он не советовал, мол, сыровата она, рано ещё. Надо, мол, поработать над собой, над словом, свой стиль найти.

Письмо это очень вдохновило тогда Матвея, но стремления к публикации, серьёзной работе над стихами не вызвало. Более того, обзаведясь семьёй, весь погрузившись в увлекательную и ответственную работу, прекратил баловаться рифмой — так только, изредка — поздравительные мадригалы по случаю дней рождения родных и знакомых да “стишки” для стенгазеты.

А теперь вот, в годы стариковские, вспомнил давнее увлечение, и оно захватило его целиком. Активно публиковался в городской и областной

газетах, постоянно посещал собрания литературного объединения, стал довольно известен “в узких кругах” города. Мало того, в последние годы публиковал, и довольно результативно, в “столичных” литературных журналах и стихи, и прозу, а в одном из сибирских городов вышли несколько коллективных сборников с его участием.

Однако, отмечал он про себя, если раньше каждая, даже малая, газетная публикация приносила ему радость неизъяснимую, на целый день улучшала настроение, то теперь, получив “толстый” журнал с его очередной повестью или стихами, воспринимал это как должное. Только и всего. Приятно, конечно, видеть свою фамилию, даже имя ненавистное когда-то, на страницах журнала, но эйфории это уже не вызывало.

А сейчас, в предутреннем тумане, вспомнив об этом, решил, что надо подобрать с десятков наиболее удачных, с его точки зрения, стихов и отослать в один из журналов.

Мысль эта пришла, когда, наконец-то, несмотря на начинавшийся день, дремота начала обволакивать его утомлённое сознание, словно ватой, мягкой и нежной, обкладывая его. И он незаметно для себя провалился в глубокий, облегчающий утренний сон.

2.

И на следующую ночь вновь проснулся Матвей Ильич в свой “критический” час. Плянул в тусклом свете луны на стоявший рядом, на тумбочке, будильник — начало третьего.

“Всё, опять не уснуть до утра”, — подумал он по привычке. Но на этот раз почему-то не огорчился. Почему? Да потому, что в зрительной памяти, как наяву, эта девушка возникла. Или женщина? Да какое это имеет значение? Ну, мелькнула перед ним она — случайная встреча, рядовой эпизод. За день таких встреч до десятка может быть! Так что? А эта-то чего запомнилась, в память врезалась, как гравюра на мягком дереве?

Ну, симпатичная девушка. Пожалуй, красивая даже, но не настолько же, чтобы воображение поразить, не королева красоты. И много лучше есть, чем эта худенькая блондиночка.

А где же он увидел-то её? Неужели забыл уже? Ах, да-да, компьютерщица, та, что ксерокопии ему делала. Недавно появилась она со своими компьютерами-ксероксами на втором этаже магазина быттехники — он почти рядом с домом находится, через дорогу перейти только. Удобно очень, — подумал тогда Матвей Ильич, — не надо ходить куда-то, чтобы ксерокопии снять со своих стихов.

Да... подал он тогда ей свои листочки, она быстренько отшлёпала их на ксероксе. Расплатился — и пошёл. Вот и вся встреча. Правда, отметил он тогда, пока она листочки закладывала в ксерокс, очень симпатичная девчонка, очень привлекательная даже — и всё. Мелькнула, как в кино. Даже лишним словом не перекинулись. О чём говорить-то?

Почему же сейчас-то она вспомнилась? Светлые, довольно коротко подстриженные, слегка волнистые волосы, чистая, матово-бледная кожа лица, чуть-чуть подкрашенные губы.

А глаза? Какого же цвета у неё глаза? Не рассмотрел, не запомнил. Ах, оплошность-то какая! А вот выражение глаз этих, да и всего лица — запомнил. Детскость какая-то в этом взгляде, чистая, невинная такая детскость.

Сколько же ей лет? Пожалуй, двадцать пять, не больше. Интересно, замужем она или нет?

“Господи, да тебе-то какое до этого дело? — укорил его вдруг какой-то внутренний голос, голос разума, что ли? — нашёл о чём думать, дуралей старый!”.

Вняв этому голосу, Матвей Ильич постарался переключить мысли на что-нибудь другое. Что, например, завтра предстоит сделать, что в ближайшие дни. Но опять куда-то в прошлое мысли устремились, то в недавнее, то многими годами отдалённое, десятилетиями даже. Замелькали кадры, как в чёрно-белом документальном фильме.

Но опять, и не раз, и не два, ход мыслей прерывался вдруг, словно стоп-кадром, невесть откуда и зачем появившимся образом этой блондиночки.

“Ну что за наваждение такое, — с некоторой досадой подумал Матвей Ильич, — что это, зачем она мне?”.

Но досада быстро сменялась таким тёплым чувством, умилением, что ли, любованием чистотой и свежестью этого, можно сказать, ангельского создания.

С этим сладостным чувством и уснул он незаметно, и улыбка счастливая, тоже почти детская, блуждала на его умиротворённом лице...

А утром, едва проснувшись, первым же делом он вспомнил ЕЁ.

“Да почему всё это, что за напасть такая, зачем она мне?” — с некоторым, может быть неискренним, деланным раздражением, подумал Матвей Ильич. А может, это опять внутренний голос укорил его?

Потом обычная сутолока утра и начавшегося дня оттеснила это воспоминание в дальний угол сознания, и оно вроде забылось. Ну и ладно!

Ладно, да не совсем. Через некоторое время, под вечер уже, он опять, безо всякой связи с реальностью, вспомнил ЕЁ. Нет, даже не просто вспомнил — захотелось вспомнить! И чуть не со страхом обнаружил, что вспомнить-то и не может! В памяти что-то такое возникало, светлое что-то, неведомое, неопределённое. Но черты лица, облик её привлекательный, милый такой — вспомнить не мог.

Как ни старался, как ни напрягал память — ничего не получалось.

“Ах, Матвей Ильич, старичок ты мой дорогой, что это с тобой? Рассудок, что ли, твой сдвинулся по фазе, набекрень стал? Да в своём ли ты уме? Она же во внучки тебе годится, и чего это ты, куда рыпнулся? Перекрестись, опомнись, выбрось всё из головы!” — всё тот же внутренний голос, голос разума укорял его.

Выбросил бы, да не получается... Не волен он уже сделать это.

Бессонной ночью опять не раз силился он вспомнить её, мучительно восстанавливал её облик — ничего не получалось. Так, неопределённое что-то, как в дымке утренней. А вспомнить так хотелось! Нет-нет, завтра он обязательно должен увидеть ЕЁ.

Уснуть он уже не мог до утра. Было такое ребячье чувство, словно любимую игрушку отняли, без которой жизнь теряет свой смысл.

На следующий день, едва дождавшись десяти часов, когда магазин открывается, решил сходить, увидеть снова ЕЁ.

Но надо же заделье какое-то найти — не просто прийти и глазеть! Порылся в своих дискетах, обнаружил одну неподписанную. Да знал он, прекрасно знал, что записан на ней сборник его стихов, изданный в прошлом году. Но заделье-то найдено, и вроде совсем неплохое.

Сунул дискету в карман пиджака, поднялся по скользким ступеням лестницы на второй этаж, прошёл в уголок, куда указывала стрелка на стене: “ксерокс на право”. Именно так, с ошибкой — “на право”.

ОНА была на месте. Склонившись над компьютером, набирала, видимо, что-то. Подойдя к прилавочку, отделявшему ЕЁ уголок от общего зала, Матвей Ильич нерешительно промолвил:

— Могу я на минуточку оторвать вас от дела?

— Конечно. Вам ещё ксерокопии?

“Узнала. Запомнила, что приходил уже к ней”, — с удовлетворением отметил про себя Матвей Ильич.

— Нет.. Видите ли, обнаружил у себя неподписанную дискету, а что на ней, убейте, не помню. Не могли бы вы посмотреть, что на ней записано?

— Конечно.

На дисплее высветилось название сборника стихов, потом начали “листаться” его страницы.

— Всё, всё ясно. Сборник это. Теперь я вспомнил.

— Ваши стихи? У вас их так много?

— Жизнь-то долгая. Накопилось, — почему-то смущённо ответил Матвей Ильич, — сколько я обязан вам за услугу?

— Что вы, что вы! Какая услуга! Я же ничего не сделала. Не надо ничего.

— Ну спасибо вам тогда большое, — и, помолчав, спросил вдруг, неожиданно для себя, и не очень решительно:

— А можно узнать, как ваше имя?

Девушка удивлённо вскинула на посетителя широко открытые глаза. Очень, очень удивлённые глаза, по-детски наивные:

— Зачем вам это?

— Я думаю, что мне не раз ещё придётся обращаться к вам. По имени называть как-то удобнее.

А глаза-то у неё серые. Серые, конечно. И такие широко открытые, удивлённые. Как у ребёнка, встретившегося с какой-то неожиданностью. Даже чуть-чуть испуганные, — молниеносно отметил про себя Матвей Ильич, — такие милые, наивные глаза...

— Любой меня зовут... — всё ещё не скрывая удивления, ответила она.

— Ну вот и хорошо. Буду знать теперь, как обратиться к вам, при случае.

И пошёл было обратно, но вдруг, опять неожиданно для себя, резко повернулся:

— А скажите, Люба, стихи вы любите? Читаете?

И опять эти удивлённые, широко открытые, серые глаза.

— Не сказать чтобы люблю. Но иногда читаю. Если хорошие — то с удовольствием. А вот дочка моя увлекается.

— У вас дочка такая большая? — теперь уже удивился Матвей Ильич. — Сколько же ей?

— Четырнадцать.

— Такая большая? — и чуть было не ляпнул: — а вам-то сколько лет? — но вовремя спохватился.

Люба смущённо улыбнулась в ответ.

— А знаете что? — опять же совершенно неожиданно для себя произнёс он, с воодушевлением даже. — Хотите я вам подарю свой последний сборник?

— Рада буду. Конечно, рада, — опять смущённо от неожиданности сказала Люба. И снова эти огромные, прекрасные серые глаза!

Что ещё сказать, не нашёлся более Матвей Ильич — словно язык присох к нёбу.

— До свидания. Принесу завтра, — как-то торопливо сказал Матвей Ильич и, резко повернувшись, пошёл к выходу.

3.

“Значит, Любой её зовут.. Люба... Любушка... Любовь... Любовь? — прислушавшись к звукам этого имени, казавшегося ему таким милым, с удивлением открыл Матвей Ильич другой, сокровенный смысл этого слова. — Любовь? Неужели это любовь? Какая любовь, прости, Господи, в восемьдесят-то лет?”.

От неожиданности этого “открытия” Матвей Ильич даже на другой бок рывком перевернулся — и голова слегка закружилась от резкого движения.

“Да неужели же я, как юнец несмышлёный, влюбился в эту женщину, едва знакомую, в Любу? Да быть такого не может! А почему же тогда она всегда перед моими глазами маячит неотступно, почему я постоянно думаю о ней?..

А что? Не зря же говорится: “Любви все возрасты покорны”. А что, если и со мной это приключилось, так вот вдруг, без предупреждения? Любовь с первого взгляда? Нежданно-негаданно? Да мне о “том свете” пора подумать, а тут вдруг, ни с того ни с сего, любовь? Да и в кого, во внуку, можно сказать, влюбился! Да в своём ли ты уме, Мотя-Матрёна, не спятил ли?”.

На все лады упрекал себя Матвей Ильич, корил всякими непотребными словами, но тёплое, радостное чувство не покидало его, согревая стариковскую душу.

Почему стариковскую-то? Выходит, молода она ещё, душа-то, раз на такое чувство способна? Это тело одряхлело малость, а душа-то — ого! — ещё как молода!

Матвей Ильич и в самом деле начинал чувствовать себя помолодевшим, ну не как юноша, конечно, но всё же...

А за окном уже рассвет начинался. Послышались тарахтенье и гудки подъезжавших и отъезжавших от дома машин, громкий говор перекликавшихся “собачников”, выведших на прогулку своих ненаглядных питомцев, и вдохновенный их лай.

Матвей Ильич всё восстанавливал в памяти подробности вчерашней встречи — что сказал он, как отреагировала Люба; особенно приводил его в восхищение удивлённый взгляд её широко открытых серых глаз, такой беззащитный взгляд, и такая же беззащитная, застенчивая, почти детская улыбка.

И вдруг одно сопоставление, озарение, что ли, неведомо каким образом возникшее в его утомлённом ночным бдением мозгу, поразило его.

“Да это же совсем как тогда... В ранней юности, в отрочестве, как сказали бы в позапрошлом веке. Да, и тогда точно так же было.

Галя... Галя, его самая первая, чистая, безответная мальчишеская любовь. К двенадцатилетней девчонке”.

И воспоминания, полузабытые впечатления тех лет захватили воображение Матвея Ильича.

Да, это было в первый год той Великой войны. Учился он, мальчишка на четырнадцатом году жизни, в шестом классе. А в пятом училась она, Галя. Классы их находились рядом, через стенку, и на переменах, не особенно обращая внимание на возраст и пол, ученики того и другого класса, перемешавшись, затевали шумные игры, весело и безобидно “разыгрывали” друг друга.

Мотя хорошо знал эту девчонку, но и только. Никакого внимания на неё не обращал. Пока...

А случилось это в предновогодний вечер, на ёлке, установленной в широком школьном коридоре. Тусклое освещение от малоомощных лампочек под потолком, свечи на ёлке, патефонная негромкая музыка, ребячьи хороводы создавали особую, праздничную и какую-то трудно объяснимую тёплую атмосферу, когда всё и все казались такими хорошими, такими милыми. А ещё новогодние маскарадные костюмы девчонок и — редко — мальчишек, бесхитростные, наивные.

И тут он увидел её. Увидел, как впервые. Её, Галку. В новом матросском костюмчике, с синим широким воротником с белыми полосками по краям, коротенькой, синей же, юбочке, с огромным белым бантом на голове, так контрастировавшем с её тёмными волосами и такими же тёмно-карими глазами.

Она кружилась в общем хороводе вокруг ёлки, с воодушевлением пела про ёлочку, которая в лесу родилась; временами, закинув голову вверх, озорно смеялась.

И Мотя внезапно поразился её красоте, ему казалось, что красивее её никого нет в этом зале, и он невольно следил за ней взглядом, а когда вдруг терял её в толпе, искал, с беспокойством переходя с места на место. И сам не понимал, зачем он это делает.

Никогда не любил он эти “глупые” хороводы, не участвовал в них, как и большинство мальчишек, жался с друзьями к стенке. А тут вдруг, ни с того ни с сего, дождавшись, когда Галинка поравняется с ним, решительно шагнул к хороводу, разомкнул круг, встав между ней и впереди стоявшей девчонкой.

Он держал тёплую, мягкую Галину руку, и казалось, явственно ощущал, как от неё исходят какие-то токи. В другой руке была ладонь другой девчонки, но он её не замечал даже — её просто не было, не существовало. А вот Галя...

Сердце его бешено стучало от неизъяснимой, не испытанной прежде радости, и шёл он в хороводе, почти не видя никого и ничего вокруг, как лунатик, и только одно держалось в мыслях — продлить бы, как можно дольше продлить это волнующее ощущение.

Но... Музыка быстро кончилась, кончилась и песенка новогодняя, хоровод распался на отдельные кучки, Галя оказалась где-то в глубине одной из них, а он, Мотя, один — один, словно в пустыне безлюдной.

Ещё не раз предпринимал он попытки как-то приблизиться к Гале, хотя бы рядом постоять, — но не получалось. А потом вечер закончился, и все разошлись по домам.

Долго не мог заснуть в ту ночь Матвейка. Ворочался с боку на бок, вздыхал, а перед глазами всё она — Галя, Галинка. Такая красивая! И почему он раньше этого не видел, не замечал? Улыбка, озорные карие глаза, залихватский смех. Что ещё? Да всё увиденное вдруг в Гале, навсегда, пожалуй, осталось, зафиксировалось в памяти его, её образ всё время стоял перед глазами.

А утром, едва проснувшись, он вновь представил её миленькое личико, и вдруг шалая, внезапная мысль поразила его: да он же влюблён! Так вот она какая, таинственная, сладостно-волнующая, и в то же время тревожная — любовь! И он любит, любит её! А что же дальше? Как быть ему теперь, как жить с этим новым, неизведанным чувством?

Едва дождался он окончания каникул. На переменах теперь он старался держаться поближе к пятому “А” классу, чтобы вновь и вновь увидеть, услышать её, в шумных ребячьих играх как бы невзначай прикоснуться к её плечу, руке.

Он не знал, что делать дальше. Как дать знать ей о своих чувствах? Вот так, взять подойти и сказать: люблю, мол, я тебя — такое казалось ему совершенно несбыточным, да никогда он не решится на такое, да и как она отреагирует на эту наглость?

И после долгих ночных размышлений сочинил он стихотворение, посвящённое Гале, с изъяснением своих чувств. Другое стихотворение, подходящее, по его мнению, к случаю, нашёл он в томике Лермонтова, и слегка переделал его. Здорово! А как же подписать стихи-то эти? Своей фамилией, именем? А вдруг кто-то перехватит записку, что тогда будет? Засмеют же мальчишки, задразнят.

И он вместо подписи проставил внизу, под текстом, точки — по числу букв в имени и фамилии, объяснив при этом, что эти точки означают. Вот уж поистине — “В каждой строчке только точки, догадайся, мол, сама”.

Дурак, форменный дурак! И как это можно догадаться? Число точек, число букв... Хотя бы первые буквы имени и фамилии проставил. Как же глупо всё это было!

Потом новая задача возникла — как передать листок? Вот так подойти и отдать? А если хоть кто-то увидит — отберут, засмеют обоих. Жених да невеста! Да никогда не решится он на такое!

Долго носил он эту записку в кармане, всё выжидал подходящего случая. И случай этот, наконец, представился: в библиотеке, рассматривая какой-то журнал, склонилась над столом стайка девчонок, и среди них Галья.

Матвей с замиранием сердца подошёл сзади, за спиной Гали, как бы разглядывая через её плечо журнал, и опустил записку в карман пальто.

Что было потом? А ничего. Напрасно ждал Матвей хоть какой-то реакции со стороны Гали — ничего такого не замечалось.

Да и прочитала ли Галья эту записку, или случайно выбросила её, как ненужную бумажку? Да если и прочитала, то что? Мучалась бы, разгадывая эту шараду с точками? Глупо всё это, ах как глупо! А скорее всего, если и прочитала, то показала подружкам, да и посмеялись вместе — и всё.

Больше никаких попыток к сближению Матвей не предпринимал, любил молча, страдал молча, хранил свою тайну, строил всякие фантастические, несбыточные планы, да что толку?

А небольшой и отрадный случай всё же представился. На следующий год, уже после окончания седьмого класса. В сентябре, с начала нового учебного года, оба их класса направили на уборку урожая в один колхоз. Работали вместе, в одной бригаде, спали на полевом стане — девчонки в одной комнате, мальчишки — в другой. Днём работали на молотилке, снопы обмолачивали. А вечером на лужайке возле полевого стана разводили костёр из соломы и сухого кустарника. Сидели, рассказывали разные “страшные” истории, с ведьмами и оборотнями, песни пели.

И как-то оказалось (случайно ли?), что Матвей сел рядом с Галей. Уже совершенно стемнело, холодок сентябрьский пробирать стал. Матвей сидел рядом с Галей, как бы нечаянно прижавшись плечом к её плечу.

— Холодно что-то, — тихонько проговорила она.

Ничего не ответив, Матвей укрыл её плечи полкой своего пиджака, и так сидели они, тесно прижавшись друг к другу. А в груди Матвейки всё трепетало от счастья.

Один из мальчишек, прервав очередную историю, вдруг обратил на них внимание:

— Смотрите-ка, Матвей-то наш, тихоня-тихоня, а вон как прижимает Галку-то!

Никто почему-то не отреагировал на эту реплику, и Галя даже не отстранилась, не слышала вроде.

И всё. Недолгим было Матвеево счастье. Костёр догорел, все пошли по своим комнатам спать.

А Галя? Бог её знает. Матвей, во всяком случае, ничего не знал о том, как она относится к нему, чувствует ли к нему хоть малейшее расположение.

“Лопух, совершенный лопух”, — не раз упрекал он себя за свою нерешительность, но перебороть себя не мог. А любовь его постепенно затухать стала — как костёр без подпитки хворостом. Тем более что после окончания восьмого класса Галка бросила школу, говорили, что устроилась на работу ученицей продавца, куда-то в деревню.

И разошлись их пути, разошлись навсегда. Хотя и сейчас, многие десятилетия спустя, нет-нет да и вспоминал Матвей Ильич это милое личико, эту кареглазую девчонку, так волновавшую его в далёкой юности, и тёплая волна прилиwała к его сердцу, и горькое чувство неподдельного сожаления охватывало его. Нет, никак не забылась эта полудетская несбывшаяся любовь, и воспоминание о ней сладкой истомой щемило его стариковское сердце.

4.

На следующее утро Матвей Ильич, собравшись в магазин за хлебом, достал из шкафа оставшийся предпоследний экземпляр своего сборника и тайком, чтобы жена не увидела, сунул его в сумку — не хотелось ему объясняться, куда это он книжку понёс. Сделав небольшой крюк, зашёл в магазин быт-техники. Когда по лестнице поднимался, сердце отчаянно заколотилось.

“Надо же, уже и по лестнице трудно подниматься стало”, — с огорчением подумал Матвей Ильич.

Ох, лукавишь ты немного, дорогой мой старичок. От преклонного ли возраста забилося твоё сердечко, а не от чего-то другого? А, Матвей Ильич? Поднялся. С замиранием сердца повернул направо.

Любы не было!

Спросил у уборщицы, протиравшей пол неподалёку.

— Не знаю. Не было её сегодня. Заболела, может быть.

Не было Любы и на второй день. И на третий.

Наконец на четвёртый день уже Матвей Ильич увидел её на своём месте.

От радости ли, от неожиданности ли, Матвей Ильич воскликнул довольно громко:

— Наконец-то! Ты что, приболела?

И вдруг спохватился:

— Надо же, от радости я вдруг на “ты” перешёл. Это ничего?

— Да ничего, конечно. Учитывая разницу в возрасте.

“Ну надо же, — про себя отметил Матвей Ильич, — сразу же и разницей в возрасте укорила”. А вслух произнёс:

— А я вот своё обещание выполняю. По пословице — обещанное три года ждут, а это — три дня только. И то не по моей вине.

— Ой, спасибо, Матвей Ильич, да что вы так беспокоитесь!

Матвей Ильич лихорадочно соображал, что бы сказать ещё, и не находил подходящей темы. Выручил его приход кого-то из клиентов Любы — не то по поводу ксерокопий, не то набора.

Матвей Ильич торопливо попрощался и отправился домой, слегка досадуя, что хорошего разговора не получилось.

В этот же день засел Матвей Ильич за окончание давно начатой повести. Бросил он своё повествование где-то месяца два назад, увлѣкшись составлением и перепиской начисто нового стихотворного сборника. А сейчас решил всё-таки закончить застопорившуюся на полуслове повесть. И она вдруг пошла, пошла так легко, страница за страницей, глава за главой.

Он не замечал времени, пропустил передачу новостей, и вдруг...

Опять перед глазами, непрошено-негаданно, образ Любы возник, её милое личико, прекрасные глаза, обезоруживающая улыбка...

«Сколько же, всё-таки, ей лет? Не двадцать же пять, как решил вначале. Если дочери четырнадцать, то ей должно быть что-то около тридцати пяти, — рассуждал Матвей Ильич, — это что же, я более чем в два раза старше её? И вправду — во внучки она мне годится. А я о какой-то любви размышлялся. Совсем умом тронулся, что ли? Выбросить, выбросить эту дурь из головы, и поскорее...».

И он всё свободное от домашних хлопот и ходьбы по магазинам и рынкам время посвятил завершению повести.

Матвей Ильич ещё раз заново перечитал её, на ходу внося мелкие поправки, и остался вполне удовлетворён. Теперь переписать начисто, отдать в набор — и можно в какой-либо журнал посылать.

Отдать в набор... Это же, конечно, к Любушке надо идти. Матвей Ильич внутренне даже обрадовался — есть теперь причина вновь увидеть её, услышать её милый голосок.

Нет, как ни старался Матвей Ильич забыть её за эти три-четыре недели, ничего не получилось. Часто и днём, и среди ночи проснувшись, Матвей Ильич непроизвольно, против желания, вспоминал Любу, её глаза, её улыбку. И так радостно и светло на душе становилось.

Это было совершенно так же, с удивлением отмечал Матвей Ильич, как и тогда, в далёком отрочестве, когда он неожиданно для себя понял, что влюблён в ту девочку Галю. Так это было похоже!

И сейчас такое же! Это через шестьдесят пять лет-то! Вот уж правда — история идёт по спирали. Один раз — как событие, второй раз — как фарс. Ну скажите на милость, какая любовь в почти восемьдесят-то лет! Ну не смешно ли? Смешно и глупо.

И пришло вдруг Матвею Ильичу в голову сравнение. А представил он вот что: если бы тогда, когда он был тридцатипятилетним, объяснилась бы ему в любви восьмидесятилетняя старуха, пусть даже сохранившая следы былой красоты и даже вполне интеллигентного вида.

«Как бы ты отреагировал на это, Матвей Ильич? — заговорил опять внутренний голос. — Небось скорчил бы брезгливую гримасу и поспешил ретироваться? Или пробормотал бы перед этим что-нибудь вежливо-невразумительное?».

А сейчас не в таком ли положении он оказывается?

И снова зашептал язвительно внутренний голос:

«Ох, Матвей Ильич, Мотя-Матрёна, да забудь ты, и как можно скорее, эту страсть свою, ну куда ты суёшься со своей любовью! Забудь, если хочешь сохранить это хрупкое, вежливо-благосклонное отношение к тебе со стороны этой симпатичной женщины, даже неосторожным намёком не дай ей догадаться о своих чувствах. Прояви ты благоразумие, из ума

выжившим стариком не представься, что-то вроде мифологического фавна или сатира сладострастного!

Да понимаешь ли ты, Матюша, что любовь твоя выглядит пошло, аморально даже, ну какой из тебя любовник, старая ты перечница!”

“А что тут аморального-то? — возмущался Матвей Ильич. — Любовь-то моя чистая, как стёклышко, любовь платоническая, ничем не замаранная, ни делами, ни помыслами. Ни о какой взаимности я и мечтать не смею, даже в мыслях не держу. Мне нужно только с её стороны дружеское общение, на большее я и не рассчитываю”.

“А ты способен на “большее”-то, Тюха-Матюха?”.

“Да катись ты ко всем чертям со своими подковырками”, — оборвал в сердцах Матвей Ильич этот неприятный диалог.

5.

Придя к такому неутешительному умозаключению, Матвей Ильич как-то успокоился даже. Усмехнулся вымученно, вздохнул тяжело, перевернулся на другой бок и снова в воспоминания далёкой молодости углубился.

Нет, конечно же, не была та полудетская, наивная, безответная любовь к Гале первой и последней его любовью. Были ещё, по крайней мере две, так сказать, судьбоносные, оставившие неизгладимый след в его жизни.

Перевалило ему уже за двадцать, когда появилась в их проектном институте эффектная геологиня, приехавшая по направлению после защиты диплома, с не совсем обычным именем Лика. Буквально с первых же дней работы произвела фурор среди неженатых, да и женатых тоже, молодых специалистов института.

Довольно высокая, стройная блондинка, с длинной косой, с античным эллинским или римским профилем лица и довольно строптивым характером, она сразу оказалась в кругу многочисленных поклонников. Из числа их сформировалась постоянная свита из четырёх-пяти человек, сопровождавших Лику — все вместе или по очереди, в походах в кино, на танцы, провожавших её до дому.

В числе её поклонников и Матвей оказался, но, к сожалению его, далеко не на первых ролях, а, так сказать, в качестве запасного игрока.

Лика не особенно баловала его своим вниманием, но и “отчислять” из свиты не спешила, подавая иногда слабые знаки надежды. А Матвей “втюрился” в неё по-настоящему, чуть не боготворил её, прощая ей флирт с другими, более удачливыми членами команды. А соперники у Матвея были весьма и весьма серьёзные: уже отслужившие в армии парни с офицерскими званиями, один художник, а ещё один, хотя и без чинов, но жгучий такой брюнет-красавец. Тягаться с такими соперниками Матвею тяжело было, но и отшатнуться от Лики он был не в силах, настолько поразила его сердце красота этой “римлянки”.

И он, несмотря на отсутствие каких-либо надежд, продолжал оставаться в рядах её свиты, выжидая счастливого момента.

И такой момент представился, но далеко не сразу, а спустя так года два с небольшим.

Постепенно ряды Ликиной свиты начали редеть. Даже её “первые номера” куда-то исчезали из поля зрения недоступной “патронессы”: кто-то счастливо женился, кто-то просто уехал.

И мало-помалу оказался Матвей её единственным поклонником. Разумеется, внимание Лики к нему существенно возросло. Настолько возросло, что однажды, когда он провожал её до дому с какой-то “корпоративной”, как сказали бы сейчас, вечеринки, услышал он неожиданное и повергшее его почти в невменяемое состояние, предложение Лики:

— Знаешь что, Матвеюшка, сколько нам ходить ещё без толку, давай-ка поженимся!

Это предложение, совершенно неожиданное, внезапное, бросило Матвея буквально в “ступор”. Нет, не готов он был, совершенно не готов к такому обороту событий. Было ему уже двадцать два года, возраст для женитьбы весьма благоприятный, да жизненные обстоятельства Матвея не очень располагали к этому.

А дело было в том, что на мизерную зарплату “начинающего” не успел он даже сколько-нибудь прилично приодеться; да это ещё полбеды, беда в том была, что жил он с матерью, более чем пожилой женщиной, в маленьком домишке, в одной комнатке площадью не более двенадцати квадратных метров, значительную часть которой русская печь занимала.

А Лика, тоже со старушкой-матерью, жила почти в такой же комнатке, в доме барачного типа.

Оправившись от первоначального шока, изложил Матвей эти обстоятельства своей неожиданно объявившейся невесте:

— Где ж мы жить будем, ты подумала, Лика? И куда матерей своих деваем? Ты свою вряд ли оставишь. Я тоже не могу этого сделать. Жить всем вместе? Вчетвером в маленькой комнатке? А ты знаешь, что два медведя в одной берлоге не уживутся? Давай подождём ещё годик хотя бы. Может, с квартирой как-то уладится?

Но не стала ждать Лика. Вспылив, выдернула свою руку из руки Матвея и, не прощаясь, убежала, скрылась в ночных сумерках. А спустя недолгое время уволилась и переехала в какую-то отдалённую геологическую партию, и следы её затерялись в вечности...

И была ещё одна любовь у Матвея. Не сразу, конечно, а года через полтора после отъезда Лики, когда любовь к ней совершенно остыла во впечатлительной душе Матвея.

Это опять же была вновь прибывшая на работу молодой специалист-геолог Верочка. Не такая эффектная красавица, как Лика, но весьма симпатичная, умная, рассудительная девушка, на год моложе Матвея. Не сразу обратил внимание на неё Матвей, но обратив, полюбил навсегда.

И любовь их развивалась по “классическим” правилам: знакомство, длительное ухаживание, несмелое признание в любви, первый неумелый поцелуй.

А потом... А потом события начали развиваться стремительно. Словно какой-то водоворот захватил их, они, пожалуй, плохо представляли развитие своих отношений, не отдавая отчёта в действиях, не задумываясь о последствиях. Так или иначе, но месяца через два оказались они в одной постели.

Ну а дальше события опять стали развиваться по классическим правилам: помолвка, сватовство с участием матери Матвея, шумная свадьба с двухдневной гулянкой родственников, знакомых и сослуживцев.

И не смутило их уже проживание в тесной, ветхой избушке Матвея — правда, втроём только, поскольку родители Веры жили далеко, в Курской области, да она даже и не поставила их пока в известность о своём замужестве.

А свадьбу справляли не в комнатухе Матвеевой, конечно, где и втроём-то не очень развернёшься. Выпросились в довольно просторном доме соседей, которые охотно предоставили его для пиршества, поскольку и им кое-что перепало от свадьбы этой.

Но зато директор института, тоже приглашённый на свадьбу и весьма благосклонно принявший это приглашение, увидев Матвееву халупу, искренне удивился:

— Это что же, вы здесь и жить собираетесь? Ну нет уж, так не пойдёт, ребятки. Дарю вам на свадьбу ордер на двухкомнатную квартиру — дом у нас через месяц-два сдаётся. Можете выбирать любую — на ваш вкус!

И выполнил обещание.

Далее события продолжали развиваться тоже по “классическому” варианту: через девять месяцев сын родился, через три года — дочь. После чего квартиру большую, трёхкомнатную получили. И по служебной лестнице довольно быстро оба продвигались, заняв через не так уж продолжительное время высокие инженерные должности. Росли и зарплаты.

В общем, довольно благополучная семья сложилась, основанная на взаимной любви и уважении. На зависть многим...

Матвей Ильич перевернулся со спины на бок — остановившись на столь благостных воспоминаниях, пора бы утешиться этим да и заснуть спокойно, а то уже рассвет начал пробиваться сквозь хмурое небо.

Но сон никак не шёл. Воспоминания не хотели оставить его. Уже не столь давние и не столь благостные.

Выросли и выучились дети, своими семьями обзавелись, жили в далёких российских городах. Письмами не баловали, ограничиваясь телефонными разговорами по “знаменательным” датам. Да изредка радовали своими приездами, с детьми, конечно. А Матвей Ильич с Верой Ивановной давно уже на так называемом “заслуженном отдыхе”. Одинок и грустно. Вера Ивановна “ударилась” в общественную работу: председателем совета ветеранов своего предприятия стала, сотрудничала в городском и областном советах ветеранов, в отделе соцобеспечения.

А Матвей Ильич вспомнил давнее увлечение молодости: вновь поэзией увлёкся, да и не только стихами, но и прозой тоже. Да так увлёкся, что без этого даже не мыслил дальнейшей жизни своей.

А что — плохо разве? И жизнь наполнилась каким-то содержанием, и для грусти-тоски времени меньше оставалось, да и успехи кое-какие радовали. Но время-то, как всегда, неумолимо. У Веры Ивановны поясница и ноги болеть стали, и чем дальше, тем сильнее, уже и по комнате передвигаться трудновато стало. Какая уж тут общественная работа — постепенно от всего отказаться пришлось.

Да и сам он, Матвей Ильич, былым здоровьем похвастаться не мог — сердце часто прихватывать стало, и тоже чем дальше, тем больше, а периоды усиленного лечения помогали мало. Да и бессонница постоянная мучила его долгими ночами, изматывала так, что утром, почти до самого обеда, чувствовал себя как с глубокого похмелья.

6.

Закончив, наконец, кропотливую работу с рукописью, с замиранием сердца понес её Матвей Ильич в набор. К ней, конечно. К Любе. И радовался, что после долгого перерыва вновь увидит её.

И увидел. И голосок её милый услышал. И встретились тепло, радушно, как старые знакомые, друзья почти. Если на разницу в возрасте внимания не обращать, конечно.

Матвей Ильич показал рукопись, разъяснил как и что расположить, в неясных местах вместе разобрались.

Люба вдруг о подаренном сборнике вспомнила:

— Знаете, мне так ваши стихи понравились, с удовольствием все прочитала. Особенно вот эти мне по душе пришлись, — она назвала два-три стихотворения. — А вот дочка моя так увлеклась, что на два раза все перечитала.

Поговорив о том о сём, Матвей Ильич распрощался, на всякий случай телефон свой оставил, и с облегчённой душой отправился домой.

Через неделю, к вечеру уже, звонок:

— Матвей Ильич, я закончила набирать вашу повесть. Проверила даже. Только у меня много неясных мест осталось — вместе бы разобраться надо. Вы можете прийти?

— Конечно-конечно, Люба. Через пять минут буду.

Люба была одна. Отодвинула тумбочку, закрывавшую вход в её “резиденцию”:

— Заходите, Матвей Ильич, присаживайтесь, вопросы кое-какие у меня накопились, без вас не решаюсь.

Матвей Ильич прошёл к предложенному стулу, рядом с Любой, сел перед светящимся дисплеем компьютера.

“Офис” Любы больше на ученический пенал походил: узкий, метра полтора шириной, закуток, отделённый “прилавком” из застеклённой витрины от общего торгового зала. По одной стороне “пенала” — ксерокс и всякие компьютерные принадлежности, Матвей Ильич слабо разбирался в этом — где принтер, где модем, где ещё там что-то. По другую сторону — полки со всякими канцелярскими принадлежностями и товарами. А между ними узенький проход, где двоим затруднительно разойтись, не задев друг друга, и где перед компьютером два стула стояло, рядом, почти вплоты.

Матвей Ильич сел. На экране высвечивались страница за страницей. Неясные слова были подчёркнуты или красным цветом выделены. А неясности были разные — где-то из-за не очень разборчивого почерка, где просто случайные описки, пропуски знаков препинания или, наоборот, лишние. Иногда незнакомые термины, в значении которых надо разобраться — в общем, полный набор разнообразных случаев.

Вот, и сидели они, разбирая каждый из них, приходя к общему согласию. Иногда Люба указывала на явные ошибки Матвея Ильича, доказывая свою правоту, а Матвей Ильич с удовлетворением отмечал, про себя, конечно:

“А грамотная Любушка-то. И внимательная, очень внимательная. После неё ещё раз и проверять не надо”.

Однако и её изловил Матвей Ильич. Узрев, что в тексте целая строка пропущена.

Любушка, вся вспыхнув, как цвет маковый, прижала сжатые кулачки к своим разругившимся щекам, совсем как первоклашка, уличённая в своём промахе:

— Ну надо же! Как это я не заметила, ведь читала же! Ах как досадно! Сейчас, сейчас втисну эту строчку, всё в порядке будет.

И опять сидели они, листая страницу за страницей, рядом, почти касаясь друг друга плечами. Матвею Ильичу временами казалось, что он

ощущает теплоту её тела, слабый, нежный запах её духов. А однажды, склонившись одновременно к экрану компьютера, они почти коснулись друг друга головами; при этом прядь волос Любы чиркнула Матвея Ильича по щеке. И это прикосновение мимолётное электрическим разрядом пробежало по всему его телу, вызвав волнующее оцепенение. Так хотелось продлить это прикосновение, но Люба быстро выпрямилась, кажется даже и не заметив этого прикосновения или сделав вид, что не заметила.

А Матвей Ильич сидел, склонившись, и мысленно желал, чтобы такое прикосновение повторилось ещё хоть разок. И плохо соображал уже, что там высвечивалось на экране, машинально во всём соглашаясь с Любой.

Наконец всё было проверено и согласовано. Люба встала:

— Ну что, можно распечатывать?

— Можно, конечно, можно. И на дискеточку всё это перенести, потребоваться может.

Через несколько минут Люба вручила распечатку повести и дискету. Матвей Ильич как-то слишком торопливо и неловко спросил:

— Сколько с меня за всё про всё причитается?

— Сейчас подсчитаю. Я вообще-то за страницу беру столько-то, — она назвала стоимость. — Но с вас я поменьше возьму, учитывая ваш пенсионный возраст, да и вообще...

Что “вообще” — она не уточнила, а Матвей Ильич опять с неудовольствием отметил про себя: “Ну вот, опять возраст мой отметила, а я-то...”. Что дальше, он даже и про себя недоговорил.

— Желаю вам успеха, — на прощание сказала Люба. — Если ещё что понадобится, приходите!

— Приду, обязательно приду, — пообещал Матвей Ильич, подумав про неоконченный сборник стихов.

А бессонной ночью опять восстанавливал подробности этой встречи, это действительно “тесное” общение с Любой. Вспоминал невольное, мимолётное прикосновение Любиных волос к его щеке и непроизвольно улыбался в сумеречном свете наступающего утра такой счастливой, тоже почти детской улыбкой. С этими приятными воспоминаниями он незаметно для себя наконец-то заснул. И снились ему радужные, приятные, счастливые сны, и во сне он продолжал улыбаться такой же безмятежной улыбкой.

А наутро опять невесёлые мысли начали преследовать его.

“Ну почему я всё время думаю о ней? Да что она мне, что я для неё? Старик дряхлый. Так на что я надеюсь, на какую взаимность могу рассчитывать? Как нам общаться — даже темы-то, интересной для неё, не могу придумать. Господи, и зачем мне всё это! А ну как догадается она о моих чувствах к ней? Ведь и догадаться несложно. Как робею перед ней, как с восхищением гляжу на неё, как пытаюсь иногда говорить какие-то комплименты, какие-то полунамёки. Ах как нехорошо, как стыдно будет, если она поймёт всё это. Ведь видеть тогда она меня не захочет, сразу же отстранится от меня, даст понять, что и дружбы никакой между нами быть не может”.

И тут опять, словно проснувшись, голос разума заговорил:

“А ещё и жена твоя больная тоже всё понять может: что это, мол, зачистил муженёк-то к компьютерщице этой, что это заводит частенько разговоры о ней, почему так беспричинно улыбается, глядя невидящим взглядом в пространство? Женский ум ведь такой чуткий, по малейшим признакам понять может твоё состояние-то”.

“Да забыть я её не могу уже! — это голос чувства возразить пытается. — Я всё время о ней думаю и всегда она у меня перед глазами. Мысленно разговариваю с ней, строю воображаемые диалоги какие-то, которых в действительности и вести не буду никогда, не посмею даже. Как же мне дальше-то держаться, как быть?”

“Ну и что ты тогда морочишь ей голову? Твоя-то уже заморочена, и как спасти её — не решишь, не придумашь”.

“Да разве я морочу? Пойми ты, наконец, что любовь-то моя особенная, не обыкновенная. Не телесная она, чистая, платоническая”.

“А разве бывает такая? Что-то сомневаюсь я, давненько о такой не слышал”.

“Сейчас, может быть, и не бывает. Я о современной молодёжи говорю, о юнцах, о девицах, едва совершеннолетия достигших, а порой и не достигших. Мне кажется, что и любить-то по-настоящему они не могут, они только “занимаются любовью”, где попало и с кем попало. А потом разбегаются побыстрому, в поисках новых приключений. А мне... А мне ничего от неё не надо, пойми ты это. Никакой взаимности мне от неё не надо, мне бы только сложившиеся дружеские отношения с ней сохранить. Только видеть, только слышать её. Ничего мне больше не нужно. Я даже к мужу её не ревную!”.

“Ой, лукавишь, Мотенька. Бывает, бывает, признайся. Не раз я ловил тебя на этом — ещё как ревнуешь-то!”.

“Ну иногда, может... Когда представлю это...”.

Матвей Ильич, оборвав на полуслове диалог этот между Чувством и Разумом, вновь углубился в давние воспоминания.

Это же как тогда, в детстве, когда в Галю влюбился. Нет, сейчас даже сильнее.

Нет, бросить всё это надо, пока не поздно. Не увижу я больше её, постараюсь не увидеть, не встречаться. Тогда и забуду, может быть. Пусть останется приятным воспоминанием.

Нет, не понесёт он рукопись сборника к ней. Попросит сделать набор кого-то другого. Что, на Любе белый свет клином сошёлся?

Казалось Матвею Ильичу, что принял он единственно верное решение, что так и поступит.

7.

Вечер... Люба заканчивала работу в своём уголке-“офисе”. Выключила всё, накрыла накидками, прибрала в шкафы всё лишнее. Домой в последнее время она предпочитала пешком ходить: не так далеко, каких-нибудь двадцать минут ходьбы. И для здоровья полезно, и, главное, фигуру свою сохранить, не дать лишнему жирку отложиться. Хотя какой тут жирок-то? Как говорится, всё на месте, всё при ней. Фигурка — что надо. Стройная, изящная. Вот такой пусть и остаётся. Сбросить лишние калории, что набрала за день сидячей работы.

Шла неспешно по тихой, малолюдной улочке, до драмтеатра, потом через примыкающий к нему парк. Хороша прогулка на вечернем воздухе. Жара уже спала, ветерок прохладный с Иртыша приятно овеивает лицо и шею.

Люба шла вдоль аллейки, по сторонам которой только-только начали распускаться розы. Тюльпаны уже отцвели, благоухали ирисы да звёздочками разноцветными переливались всякие мелкие цветочки возле самой дорожки, вымощенной плитками.

Шла и перебирала в памяти события завершившегося дня:

“Ничего примечательного вроде и не было. Разве вот этот старичок интеллигентного вида, что не в первый раз приходит: то на ксероксе что-то ему распечатать, то дискету посмотреть, то набор стихов сделать. Вот недавно довольно большую повесть набирать закончила. А имя у него какое-то странное, старомодное — Матвей. Редко сейчас человека с таким именем встретишь.

Да не только имя странное, всё поведение его какое-то необычное — вроде как стесняется, что ли. И всегда почему-то так смотрит на меня, так смотрит, просто обволакивает взглядом, а иногда даже что-то вроде восхищения чувствуется в этом взгляде, прямо не по себе становится, сама робеть перед ним начинаю.

А с чего это он вдруг сборник стихов своих подарил мне? По какому такому случаю? И взять вроде неудобно было, и отказаться — ещё неудобнее. А как он смутился при этом, будто мальчишка! Сунул мне в руки, пробормотал что-то невнятное и — убежал.

А стихи, надо сказать, неплохие — особенно Маринке моей понравились. Чувствительные, всё больше с личными переживаниями — словно вся жизнь его отражена в них”.

Люба вышла уже из парка, мимо музея искусств прошла, мимо “китайки” — самостийного рынка, где торговки различных возрастов и национальностей в страшной тесноте увлечённо торговали китайским ширпотребом.

“Непонятно, почему, зачем подарил. Мне подарил, не кому-то. Ведь речи о том даже не заходило. И вот на тебе...”

И вдруг суматошная мысль мелькнула в её голове, вроде озарение какое-то:

“Да он что, полюбил меня, что ли? Влюбился дед? Вот этого ещё мне не хватало! А что, очень даже на то похоже. Всё его поведение говорит об этом. Ай да Матвей Ильич, ай да старичок! Это в восемьдесят лет-то? Ой, как похоже, как похоже на то... И познакомиться пожелал чуть ли не с первой встречи, и ходит постоянно, по делу и без дела, и смотрит на меня так, словно Венерой Милосской любит. Или Джокондой. А как напряжённо сидел, когда вместе повесть корректировали — и бледнел, и краснел, аж мне передалось это.

А мне-то что теперь делать? Как себя вести? Сделать вид, что не замечаю ничего? Или дать понять, что ничего между нами быть не может, абсурдно всё это, пусть остынет, успокоит свой пыл стариковский.

Так никаких намёков на свои чувства он не делал даже. А вдруг ошибаюсь я? Вдруг это просто вежливость, учтивость к даме с его стороны. И ничего больше.

Это я-то дама? Девчонка вчерашняя, да что во мне привлекательного-то? Может, я всё это выдумала? Подумаешь, красавица писаная, даже старцы восьмидесятилетние влюбляются в неё! Выбрось, Любочка, всё это из головки своей.

А как же быть с ним-то, с Матвеем Ильичом? Что дальше?

А ничего. Делай вид, что ничего не случилось, что не догадываешься ни о чём. И пусть всё идёт, как шло. Ну подурит дедок, да и успокоится — какая ещё любовь ему, зачем? Всё само собой утрясётся, всё забудется”.

Успокоенная таким умозаключением, Люба вышла к набережной Ульбы, повернула к своему дому.

8.

Наконец-то, с горем пополам, закончил Матвей Ильич эту кропотливую и нудную работу — подготовку сборника стихов к набору.

А вот кто набирать-то будет? Как кто — нашёл о чём думать! Он же принял твёрдое решение — к Любе не пойдёт. К любому другому, но не к ней.

Матвей Ильич собрал все листочки, проверил ещё раз, сложил всё в папку, оделся и пошёл. Конечно же, по направлению к магазину быттехники. Ноги сами понесли, не подчинялись никакому рассудку. По скользкой лестнице поднялся на второй этаж, привычно повернул направо и... И сердце оборвалось! Угол, где размещались все компьютерные причиндалы, — был пуст! Ни витрин, ни шкафов с канцелярскими принадлежностями — ничего!

Матвей Ильич в растерянности подошёл к одному из продавцов, пареньку в синей униформе:

— Не скажете, куда девалась девушка, на компьютере она работала?

— Понятия не имею. Дня три её уже нет. Переехала куда-то, что ли.

— Куда переехала? Вы знаете? Скажите!

— Да откуда мне знать! Не докладывалась она мне. Собрала свои вещички, муж ей, что ли, помогал, да и уехали.

Это было ударом для Матвея Ильича, как гром с ясного неба грянул. Уехала... Как, где теперь её искать?

А ехиднёный внутренний голос зашептал издевательски:

“А зачем искать-то? Ты же не хотел её видеть больше. Пошёл же нового компьютерщика искать”.

Матвей Ильич даже крикнул с досады, подавляя этот подленький голосок. Ему стало не по себе. Жуткая досада сдавила грудь, сердцу тесно стало, забилося оно беспомощно, как птенец в кулаке сдавленный. Тоска тягучая навалилась.

“Не увижу я её. Не увижу больше. Всё...”.

А тот же голос проверещал опять:

“Ну и радуйся. Ты же не хотел её видеть. Сбылось твоё желание, сбылось...”.

Постояв несколько минут в нерешительности, побрёл он неуверенной походкой к выходу.

На улице лёгкий ветерок освежил его, мысль заработала лихорадочно: найти. Разыскать во что бы то ни стало.

Зачем разыскать, для чего — он не отдавал себе отчёта. Ноги сами понесли его вверх по улице, в сторону Центрального рынка.

Шёл медленно, озираясь по сторонам, разглядывая вывески возле входов, наклейки с объявлениями, боясь пропустить нужное.

Встретив надпись: “набор текста” или “ксерокопии”, “сканирование” — заходил в помещение. Работали незнакомые люди. Любы там не было.

Он прошёл улицу почти до конца, побывал на соседних — ничего утешительного. Проходив так несколько часов, устав так, что еле ноги волочил, возвратился домой.

Жена встретила не приветливо:

— Где это ты шатался чуть не весь день? Что за надобность?

А что ей скажешь? Промолчал, конечно. И на дальнейшие расспросы отвечал что-то невразумительное.

Настроение окончательно испортилось. Ночью почти не спал. Утром, нехотя позавтракав и выпив крепчайшего кофе, вновь отправился на поиски, в другой район города.

Теперь он для экономии времени сел в автобус, чтобы доехать до исходной точки намеченного маршрута. Дальше пошёл по проспекту. Если на одной стороне улицы все вывески и надписи прочитать можно, то на другой не разглядеть ничего. Придётся на обратном пути пройти по другой стороне улицы.

Проходив так несколько часов, утомившись так, что ноги гудели и пятки болели, возвратился Матвей Ильич, несолоно хлебавши, домой. Плюхнулся молча на диван, сделал вид, что задремал — чтобы избежать ненужных расспросов.

А ночь опять была бессонная.

А утром дождь накрапывать начал. Куда по дождю пойдёшь?

Часам к десяти дождь вроде прекратился, просветы в небе появились, и Матвей Ильич засобирался в очередной поход.

— Ну куда, куда ты опять собрался, — с досадой заговорила жена, — куда по грязи, по дождю-то? Возьми хоть зонтик.

— Никакого дождя уже нет. Пойду потихоньку.

— Зачем, куда пойду?

— Да надо мне отдать рукопись в набор. А везде, куда ни заходил, компьютерщики отказываются — работы, мол, у них много — студенты курсовыми да дипломными работами завалили.

И опять побрёл Матвей Ильич на поиски любви своей.

А дождь то переставал, то вновь моросить начинал. Как ни пытался Матвей Ильич прятаться от него в подъездах домов или в магазинах, а вымок в конце концов. Но следов Любы нигде не находилось.

Временами начинало ныть сердце, покалывало в левом боку. Он останавливался, чтобы унять боль, стоял несколько минут, делая вид, что разглядывает какую-то вывеску или афишу. Когда сердце успокаивалось немного — брёл потихоньку дальше. А через какое-то время боль в сердце возобновлялась, не на шутку встревожив Матвея Ильича.

Наконец бросил он свои безрезультатные поиски, сел в подвернувшийся автобус и поехал домой.

Дома жена Вера захлопотала:

— Да где же ты шатался-то! Вымок ведь весь! Раздевайся, сушить надо всё. Ох, горе ты моё!

— Не беда. Высохнет. Вот сердце что-то пошаливает, — как можно миролюбивее отвечал Матвей Ильич, отыскивая в шкафчике таблетку нитроглицерина. — Ничего, пройдет сейчас. Прилягу, отдохну.

Полежал, сердце понемногу успокоилось, вздремнул даже. Потом до вечера, стараясь избавиться от назойливых и мрачных мыслей, читал свежие газеты, смотрел вместе с женой какие-то сериалы, разговаривал с ней на всякие житейские темы, стараясь быть как можно ласковей, словено чувствуя свою вину перед ней.

Утром отправился он в магазинчик, что был на другой стороне улицы, купить хлеба, кое-что из продуктов — пополнить запасы в холодильнике. Ещё издали, подходя к магазину, заметил на дверях свежее объявление:

“Ксерокс. Набор текста. Распечатка” — крупными, хорошо читаемыми буквами. Сердце ёкнуло от сладкого предчувствия. Зашёл в вестибюльчик,

повернул налево — раньше там парикмахерская была — заглянул в открытую настежь дверь, и — Боже ты мой! — за столом возле компьютера сидела она — Люба! А в отдалении раскладывал что-то по полкам незнакомый мужчина, солидного возраста уже.

Непроизвольно, вне себя от радости и не обращая внимания на постороннего, он почти вскрикнул:

— Люба? Ты? Хотя и сбежала от меня, но я всё-таки нашёл тебя! — в величайшем волнении, неожиданно для себя, воскликнул он.

Потом Матвей Ильич сбивчиво стал объяснять, зачем искал её, что надо набрать сборник стихов, а в других местах не берут, всё, мол, забито студентами, а ему срочно надо.

Люба приветливо ответила:

— Несите. Я сейчас без работы почти. С этим переездом всех своих клиентов растеряла. Так что вы кстати.

Через десять минут Матвей Ильич уже сидел за столом, рядом с Любой, разъяснял ей, как и что нужно набирать, каким шрифтом выделить заголовки, титульный лист, названия разделов, не замечая совершенно, что пожилой мужчина за его спиной с любопытством разглядывал его, прислушивался к разговору — что это, мол, за старикан так вольно обращается с его женой, словно друг старый или родственник какой.

9.

Недели через две набор был готов. По договорённости с Любой Матвей Ильич пришёл к концу дня, когда не мешали посетители, чтобы проверить набранный текст. Люба заявила, что она проверила уже всё сама, осталось только согласовать неясные места.

И опять наступили самые сладостные минуты общения с Любой — сидеть рядом с ней, плечом к плечу, слышать её дыхание, ощущать слабый аромат её волос. Жаль только, что минуты эти слишком короткими оказались — текст-то проверен уже, а неясных мест не так уж много оказалось.

— Ну что, Матвей Ильич, можно распечатывать?

Принимая готовый материал, Матвей Ильич, как можно небрежно, поинтересовался, сколько он должен.

— Ну... — в смущении заговорила Люба, — раньше я с вас по двадцать пять брала. А сейчас — стихи же. Страницы-то наполовину, а то и больше, пустые. По двенадцать тенге пойдёт?

— Люба, зачем ты так? Ты же в ущерб себе работаешь! Нет, не надо мне таких поблажек. Давай, я заплачу тебе по восемнадцать — и ни меньше. Никаких отговорок!

Расплатившись и поблагодарив, Матвей Ильич сходил в ближайший гастроном, купил большой торт:

— Это дополнительная оплата тебе. За досрочное окончание и за качество.

Люба, хотя и смущённо, но подарок приняла.

— А как только я издам этот сборник, первый же экземпляр — тебе, Люба!

Вернувшись домой, Матвей Ильич ещё раз прочёл набранное. Можно и не читать было — ни одной ошибочки, ни одной пропущенной запятой!

— Вот, Вера, — обратился он к жене, — не зря же я столько искал её, Любу то есть. Как замечательно работает! Быстро, безошибочно. Прежде

чем отдать работу, сама всё прочитает, проверит, а потом ещё с автором неясные места уточняет. Просто молодец, другую такую не найдёшь, — восхищённо доказывал он жене.

Вообще в последнее время он частенько заводил разговор с женой о Любе. Почему-то появлялась у него потребность говорить и говорить о ней. Но не будешь же рассказывать жене о своих чувствах к этой женщине (хотя мучительно хотелось иногда и об этом сказать), потому и ограничивался тем, что расхваливал её деловые качества.

— Что это за Люба такая, почему ты постоянно говоришь о ней? Не влюбился ли? Да шучу я, шучу, конечно. Хоть бы посмотреть на неё. Ты бы взял да пригласил её к нам, пообедать.

— А что? Замечательная идея! Я, пожалуй, так и сделаю! — с готовностью поддержал он это предложение. — А пока давай-ка, Веронька, пойдем прогуляемся! Одевайся, а я коляску вниз спущу.

В последние полтора-два года здоровье Веры резко ухудшилось. Кроме привычного уже диабета обострились старые болезни — радикулит позвоночника, боли в ноге, из-за чего она с трудом, хромая и волоча больную ногу, передвигалась по комнате, а на улице самостоятельно пройти могла не более нескольких десятков метров. Вот и приобрёл Матвей Ильич для неё инвалидную коляску и регулярно, раз или два в неделю (как позволяли дела и погода), вывозил её на прогулку — в расположенный поблизости парк или в сквер с фонтанами, а изредка и в более длинные рейсы — на набережную Иртыша, где особенно нравилось бывать Вере. Ещё бы — свежий, влажный от близости к реке, воздух, тенистая аллея вдоль всего пути, скамеечки через каждую сотню метров, где всегда можно посидеть, отдохнуть, полюбоваться могучим Иртышом и островом, поросшим деревьями и кустарником.

— Карета подана, — шутливо сказал Матвей Ильич, когда Вера с трудом спустилась со второго этажа. Последний пролёт он помог ей, подстраховывая от нечаянного падения.

— Куда прикажете доставить вас?

— Сегодня далеко не поедem — обед уже скоро, не успеем. Давай в парк, — проговорила она, усаживаясь в коляску.

— Хорошо, в парк так в парк.

Там выбрали они тенистое и малолюдное местечко возле небольшого фонтанчика, отдохнули. Потом проехали по всем аллеям парка, любясь клумбами самых различных цветов.

— Хочешь проехаться вдоль этнографической деревни? — предложил Матвей Ильич.

— Да мы же в прошлом году там были.

— Ну и что? Тогда мы наскоро проехали, почти и не рассмотрев ничего.

Матвей Ильич купил билеты, и они двинулись по улочке между домами: дом зажиточного казаха с надворными постройками, дома кержаков-староверов позапрошлого века, казачья усадьба; дом Бажова, перевезённый сюда с окраины города, и много ещё чего можно было увидеть там.

Проехав вдоль всей “деревни”, выбрали вновь на центральную аллею.

— Мороженого хочешь?

— Да нельзя же мне — сахар! А вообще-то хочется. Может, иногда можно? Побаловаться? — не выдержав искушения, согласилась Вера.

Снова сели на скамеечку, лакомясь мороженым.

— Балуешь ты меня, Матвеюшка. Я так благодарна тебе за эту коляску, за эти прогулки. Я же снова свет увидела, а то всё в опостылевших четырёх стенах сидела. Спасибо тебе! Такой ты заботливый, такой внимательный. Что бы я без тебя делала? Сам Бог мне тебя послал. Только тяжело же тебе меня возить-то?

Она всегда по-детски радовалась таким прогулкам, бесконечно благодарила мужа, и Матвею Ильичу хорошо было от того, что доставил он такое удовольствие жене, и чувство нежности охватывало его в такие минуты, он готов был не то что везти её, но и на руках носить, и прежняя любовь к жене вспыхивала с новой силой, как в те молодые годы. И возникшее острое, щемящее чувство к Любе нисколько не мешало этой любви и нежности. К своей постаревшей и больной жене. Оба этих чувства мирно уживались в душе Матвея, и никакое ощущение вины перед женой не появлялось. Да разве изменял он ей, разве мог изменить? Всё это казалось ему вполне естественным, вполне совместимым.

10.

Дней через десять новый сборник стихов Матвея Ильича был готов. Аж двадцать экземпляров! На хорошей бумаге, в светлой обложке с фотографией автора, с его же рисунками на свободных местах. Загляденье, душа поёт и радуется! А главное — сравнительно недорого, не очень обременительно для их семейного пенсионного бюджета.

Сложив все книжки в сумку, не заходя домой, направился Матвей Ильич прямо к Любе.

— Так, Люба. Выполняю своё обещание — первый сборник тебе! Ты же, можно сказать, мой соавтор!

Оставил автограф на титульном листе, что-то такое возвышенное, благодарное, подал книгу Любе:

— Вот, тёпленькая ещё, свеженькая!

Выслушав благодарность Любы, поговорив о том о сём, обменявшись новостями, Матвей Ильич вдруг спросил:

— Люба, а ты завтра как — работаешь, нет?

— А что?

— Хочу пригласить тебя завтра пообедать с нами.

— Как, у вас? А удобно это?

— Удобно, удобно. Жена моя хочет тебя видеть, познакомиться. Так что и от её имени приглашение.

— Ну ладно... — в нерешительности и лёгкой растерянности проговорила Люба, — можно, пожалуй. Согласна.

— Вот и хорошо. Когда за тобой прийти? К двум?

— Можно чуть пораньше. К половине второго.

На следующий день Матвей Ильич весь был в приятных хлопотах. Приготовил фаршированные мясом перцы, обжарил и потушил их в сметанном соусе; салат из свежих помидоров и огурцов с зелёным луком сделал, что-то ещё из закусок сообразил, поставил на стол бутылку шампанского. К половине второго всё было готово. Ещё раз критически оглядев стол, обратился к жене:

— Ну, Вера, пошёл я. А ты, пока я хожу, приоденься тут, чтобы на высоте была!

Люба была не одна. Помогал наводить порядок тот самый, не очень молодой уже мужчина.

На этот раз Люба представила его:

— Это мой муж, Евгений. Порядок навести тут решил, помогает мне.

Познакомились, руки пожали. Матвей Ильич, несколько смущённо, посвятил в свои планы Евгения:

— А я вот хочу похитить вашу жену.

— Ну, если не насовсем, то я не возражаю, — и, уже к жене обращаясь, — Люба, ты тут закрой всё и можешь идти. Недолго только! А мне ещё кое-куда по делам сходить надо.

Пока Люба закрывала двери на замок, Матвей Ильич опомнился:

— Люба, какую оплошность я совершил! Надо же было пригласить Евгения-то...

— Да не пошёл бы он всё равно. Дел у него всяких по горло.

— Неловко как-то получилось...

— Ничего, в следующий раз исправитесь.

Ага, она и против следующего раза не возражает, — с удовлетворением подумал Матвей Ильич, ведя Любушку к своему дому. Рядом совсем — улицу перейти да через двор пройти.

Войдя в комнату, представил её жене:

— Знакомьтесь. Это Люба, о которой я тебе рассказывал, а это — жена моя, Вера Ивановна.

— Проходите, Люба, садитесь вот сюда, — захлопотала Вера, подводя Любу к столу и заботливо усаживая.

— Что это, с выпивкой ещё? — увидела Люба бутылку шампанского.

— А как же. Обмыть сборник-то надо.

— А я не рассчитывала на это.

— Ну и хорошо. Вроде сюрприза будет.

Вера Ивановна взяла с тумбочки один сборник, подала Любе:

— Это вам.

— Спасибо. Только Матвей Ильич уже подарил мне.

— Когда успел?

Обед получился на славу. После первого же бокала шампанского Люба оживилась, раздурманилась, вся неловкость её улетучилась, она говорила и говорила, смеялась заразительно. Рассказала чуть ли не всю свою биографию, с детства безмятежного начиная. И где училась, и про родителей, и про семью свою. Узнал Матвей Ильич, что по специальности она — техник молочного производства, а муж — по мукомольному делу специалист, на элеваторе работает, а кроме того кое-каким бизнесом занимается. В селе жить не захотели, три года назад сюда перебрались из Алтайского края. А так как по специальности работать ей здесь негде, то и освоила компьютер, и работает вполне успешно, не жалеет об этом нисколько.

Узнали хозяева, что это у неё второй брак, первый муж ещё в молодые годы умер, осталась от него дочь Марина, теперь ей четырнадцать лет уже, и что привязана она очень к новому папе. И что папа этот намного старше Любы.

На этот счёт Люба даже пошутила:

— Если доживём до золотой свадьбы, ему девяносто пять уже будет.

Матвей Ильич быстро в уме приброесил: если девяносто пять, значит, женился он на Любе в сорок пять, а ей тогда лет двадцать пять было. Ничего себе — на двадцать лет старше! — почему-то с удовлетворением отметил он.

А ещё Люба проговорила, что недавно её день рождения отмечали, тридцать два года исполнилось!

— Что ж ты не сказала мне, я бы хоть цветы подарил.

— А вы и так подарили. Торт-то, помните?

— Так это тогда было? Надо же, совпадение какое. Я-то ведь не знал ничего.

— А у него тоже скоро день рождения, — выдала секрет Вера Ивановна.

— Когда?

— Третьего июля. Чуть больше недели осталось.

Ничего не сказала Люба, но дату, очевидно, запомнила.

Матвей Ильич о себе рассказывал, что у них с Верой Ивановной золотая свадьба уже была, что она — первая настоящая любовь у него, и живут они душа в душу уже больше полвека.

Вера Ивановна с удовлетворением, про себя, отметила:

“Первая любовь говорит. А та, что ранее была — не настоящая, значит?” — и даже покраснела от удовольствия.

Долго ещё сидели за столом. Уже и шампанское допили, и чаю попили. Люба всё ещё оживлённо болтала и болтала, о том о сём. Обед и общение с хозяевами ей явно понравились.

Наконец Вера Ивановна проговорила:

— Извините, устала я что-то. Пойду, прилягу. А вы сидите, беседуйте.

Тут и Любушка подхватила:

— Ой, что же это я, засиделась так. Хозяйку уморила. Своими разговорами. Да и муж меня потерял, наверное, — и засобиралась домой.

11.

Быстро пролетело время до дня рождения Матвея Ильича, да и сам этот день. И вот — восьмидесятый год ему пошёл. На скромном торжестве была только самая близкая подруга Веры Ивановны, постоянная участница их семейных застолий по любому поводу. Хорошо посидели, Матвей Ильич весьма доволен остался.

А на следующий день, уже к вечеру — сюрприз! Совершенно неожиданно — звонок в дверь. Матвей Ильич как копошился на кухне в домашней одежде и в Верином фартуке, так в этом облачении и открыл дверь. И хоть стой, хоть падай — на пороге, с огромным букетом лилий, стояла Люба. А рядом — муж её, Евгений, с коробкой конфет внушительных размеров.

Вручив подарки, неожиданные гости поздравили Матвея Ильича с днём рождения. А он настолько растерялся, что не нашёл, как поблагодарить их, не догадался даже пригласить в комнату. Бормотал что-то невнятное про свою искреннюю благодарность за проявленное внимание к нему. Так что гости, не задерживаясь, быстро удалились.

Ах как упрекал себя Матвей Ильич, устанавливая букет в вазу и приставив рядом красочную поздравительную открытку, за свою растерянность! Вот, всегда так бывает — в самый нужный момент он теряется. Надо же было пригласить их! Правда, угостить-то нечем было, но хотя бы так немного посидели, поговорили. Как же нехорошо получилось, стыдобушка просто!

На следующий день он зашёл к Любе извиниться за свою оплошность:

— Наверно, очень глупо я вчера выглядел, правда? Так я растерялся, что дар речи чуть не потерял и разумное поведение тоже.

— Да нет, что вы, всё нормально, не переживайте из-за пустяков.

Матвей Ильич был, что называется, на седьмом небе от столь удачно складывавшихся дружеских отношений с Любой, они вполне компенсировали его любовь к ней, он радовался новым встречам. Когда шёл в магазин за хлебом или за продуктами, обязательно, если у Любы не толпились посетители, заходил к ней. Хотя бы минут на пять-десять, и они оживлённо делились всякими новостями. И Люба, казалось, не тяготилась этими встречами, охотно поддерживала разговор. Матвей Ильич вроде помолодел даже. Зато, если из-за нашествия клиентов ожидаемая встреча не состоялась — настроение его портилось настолько, что он терял аппетит и сон.

Но со временем и этого общения ему становилось мало, ему хотелось снова и снова видеть её у себя дома — вот ненасытность человеческая! Вспомнил он, что во время прошлого прихода она выразила желание посмотреть, почитать книги сына Матвея Ильича, видного российского писателя. И напомнил ей об этом.

— Хорошо. Можно, я сегодня зайду? После работы, конечно. Не поздно будет?

— Приходи. Я всё тебе подготовлю, покажу и расскажу.

Пришла. Матвей Ильич стал показывать разложенные по датам издания сборники стихов и книги прозы, журналы, рассказывал о них. Беседа была оживлённой. Люба одну из книг попросила взять с собой, почитать на досуге.

Вера Ивановна в разговор их на этот раз не вмешивалась, сидела в кресле, читала газеты. Матвею Ильичу показалось даже, что недовольна она приходом молодой и привлекательной гостьи, уж не начала ли она ревновать?

И перед Любой неудобно было, что жена не проявила к ней должного внимания.

Однако когда Люба засобиравлась уходить, неловкость эта была сплажена.

Вера Ивановна, до этого, казалось, не обращавшая никакого внимания на гостью, отложила газету и заинтересованно оглядела Любу:

— Ой, какое платье на вас красивое! Подойдите поближе, пожалуйста, я рассмотрю как следует.

Люба подошла. Вера Ивановна покрутила её так и сяк, разглядывая фасон, пощупала материю:

— Красивое платье. Сами шили или готовое покупали?

— Покупала, конечно. Шить-то я не умею.

— Удачно. Очень удачно. Как на заказ сшито.

Матвей Ильич был доволен. Да и Люба, кажется, тоже. И после её ухода Вера ещё раз похвалила:

— Славная женщина. Молодая, красивая. Не то что я.

12.

Ещё в июне, как была закончена работа над сборником и он увидел свет, Матвей Ильич начал новую повесть. Тема её пришла неожиданно. Конечно же, это было повествование о внезапно зародившейся любви старого человека к молодой, цветущей женщине, развитие этих отношений, надежды и сомнения, эйфорические ожидания и разочарования — в общем, то, как всё было на самом деле, тут и придумывать-то почти ничего не надо было, знай пиши и пиши.

При встречах с Любой рассказал ей, конечно, что работает над новой повестью, вот только о чём она — умолчал благоразумно — зачем раньше времени выдавать себя. Говорил, что закончит повесть осенью, где-то в октябре-ноябре, и принесёт в набор ей. Люба не возражала.

А когда уже в середине августа он принёс повесть для набора, Люба была крайне удивлена.

— Вдохновение пришло. Писалось легко и быстро. Вот и закончил досрочно, — говорил Матвей Ильич, доставая рукопись из папки. — Только не знаю... согласишься ли ты набирать её. Ты прочти её сначала, а потом решишь.

— А что там такое? Почему?

— Да вот, видишь ли, в главной героине ты легко можешь узнать себя и ещё кое-кого узнаешь.

— Ну и что? Интересно даже. Не буду я читать. Сразу набирать начну.

В отдалении, у другого окна, сидела Марина, четырнадцатилетняя дочка Любы, и с показным, преувеличенным усердием листала какой-то журнал. Но нетрудно заметить было, что внимание-то её на их разговоре сосредоточено.

А Матвей Ильич, объяснив неясные места в рукописи, перед уходом сказал:

— В общем, Люба, не принимай это близко к сердцу, не относи всё на свой счёт. Считай, что это художественный вымысел, и не более того.

Набор Люба закончила быстро — видимо, очень заинтересованно работала, а когда Матвей Ильич пришёл, выговорила:

— А вы, кажется, обманули меня немного. Насчёт художественного вымысла-то. На правду всё это похоже, так мне показалось. Зря я не прочитала вначале, может, и не согласилась бы набирать это.

— Да что ты, Люба! Что тут предосудительного по отношению к тебе? По-моему, всё нормально, никакого криминала тут нет. Обычное художественное произведение, и если ты отождествляешь себя с героиней повести, так ведь всё изложено только с лучшей стороны, что плохого-то?

А сердце его тревожно ёкнуло — всё, всё поняла Любушка. Да и как было не понять — почти открытым текстом всё сказано. Не повесть, а объяснение в любви.

Ну и пусть так считает, — думал он. Хотя прямо о том, что всё поняла, она и не говорит. И не надо.

— А ещё знаете что? Маринка-то моя тоже это прочитала. Не знаю, всё или не всё, но прочитала. И вчера заявляет мне — и вовсе не про тебя это написано. На тебя мало похоже. А вот дед — писатель-то, точно, на Матвея Ильича похож.

Посмеялись, конечно, над этим добродушно, но ни обид своих, ни претензий по содержанию повести Люба больше не высказала, всё хорошо и на дружеской ноте закончилось.

Матвей Ильич все последующие дни был в прекрасном расположении духа — поняла, поняла Люба о его чувствах к ней, и не возмутилась даже, а так, для вида, что-то вроде недовольства высказала. Значит, довольно благосклонно приняла всё это.

Ну а о взаимности... Что рассуждать об этом — никакой взаимности и быть не может, всё он понимает, не выжил ещё из ума, чтобы надеяться на такое. Лишь бы хорошие, дружеские отношения сохранились между ними,

а большего ему и не надо. А любовь... Да, любит он её и любить будет, но тихо, про себя.

И всё же благие эти рассуждения так рассуждениями и оставались, а Матвею Ильичу всё же большего хотелось и бороться со своими тайными желаниями он был не в силах. И, как позже выяснилось, зря он поспешил форсировать события. Но в своём нетерпении он иногда допускал явные оплошности, не оценивал свои действия здраво и возможные последствия их...

13.

В один из последующих своих приходов Матвей Ильич довольно нерешительно обратился к Любе:

— Люба, у меня большая, великая просьба... Но не знаю, как ты отнесешься к этому, боюсь говорить даже.

Он давно обдумывал эту просьбу и всё никак не осмеливался высказать её — боялся отказа, боялся её возможной реакции.

— Что такое? Да не бойтесь, говорите.

— Подари мне свою фотографию... — обречённым голосом попросил Матвей Ильич.

— Зачем вам? — удивлённо поднятые брови, детская улыбка на лице, лёгкий румянец...

— Как зачем? У тебя есть моя фотография. Две даже. На обложках сборников. А у меня — ничего нет.

— Знаете... Не привыкла я раздаривать свои фотографии. И нет у меня, пожалуй, такой фотокарточки. Всё больше коллективные: с мужем, с дочерью, с сестрой, родителями.

— А ты поищи всё же. Не может быть, чтобы не было.

После некоторой паузы Люба нерешительно пообещала:

— Ладно, посмотрю. Может, найду что-то подходящее. Но это только в виде исключения. Для вас только.

Матвея Ильича такой ответ вполне устраивал.

Фотографию она принесла только через неделю, после вторичного напоминания.

— Кажется, нашла. Но это старая. Здесь мне двадцать пять только.

— Да тебе и сейчас двадцать пять только. Больше никто не даст. Ты тут прямо красавицей выглядишь, — обрадованно говорил Матвей Ильич, восторженно разглядывая фотокарточку. Потом осторожно прижал её к своим губам, поцеловал. И это опять была непростительная оплошность!

Люба покраснела до корней волос, на глазах слезинки выступили, но промолчала из деликатности, ничего не сказала в ответ на такую “наглость”. Сделала вид, что ничего особенного не случилось.

Матвей Ильич ещё раз горячо поблагодарил Любу, аккуратно завернул фотографию в поданный Любой листок бумаги и положил в нагрудный карман.

А Люба сообщила, что в ближайшую пятницу собирается на недельку вместе с Маринкой в Алтайский край съездить, к бабушке.

Прошла неделя. Люба не возвращалась. Ещё одна неделя миновала. Матвей Ильич забеспокоился, не выдерживал он такой разлуки.

В следующий понедельник утром, пока Вера Ивановна умывалась, позвонил Любе домой — так, на всякий случай. Номер телефон она сообщила ему намного раньше, но Матвей Ильич впервые воспользовался им.

— Я слушаю.
— Люба, ты? — волнуясь, чуть не вскрикнул Матвей Ильич.
— Да, я...
— Приехала?
— Вчера вечером.
— А на работе-то сегодня будешь?
— Приду. Позднее только. Дома порядок навести надо.
— Увидимся?
— Да, приходите. Попозже только, к концу дня, когда посетителей не будет.

В четыре часа Матвей Ильич сидел у Любы. Она оживлённо рассказывала о поездке, Матвей Ильич расспрашивал о дороге, о здоровье бабушки, как она выглядит.

— Хорошо выглядит. Ей восемьдесят четыре, но она у нас просто молодец! Вам бы хорошая пара была, — неловко, но с некоторой ехидцей пошутила она.

Матвей Ильич сделал вид, что не заметил этого укола, хотя шутка эта неприятно резанула его слух — опять на старческий возраст его намекает!

— А знаешь, Люба, — переменял он тему, — я так благодарен тебе за фотокарточку! Пока тебя не было, я каждое утро доставал её из потайного местечка и несколько минут любовался тобой.

— А жена?

— А что жена? Она позже меня встанёт. К завтраку. Так что видеть ничего не могла. Да и не подозревает о существовании этой фотографии. И вообще, не имеет она привычки в моих бумагах копаться.

— Всё равно. Нехорошо это... Так всё нехорошо!

Вид у неё был встревоженный, взволнованный. Матвей Ильич успокаивал её, но, кажется, безуспешно.

А был уже конец сентября. Первые заморозки. Деревья с мягким шумом теряли пожелтевшие листья. Ветерок со стороны Иртыша заметал их в кучки возле стен домов и стволов деревьев. Работы дворникам прибавилось.

Воробьи сбивались в небольшие стайки под кустами сирени и шумно выясняли отношения. И лишь вороны с достоинством каркали с верхушек деревьев — как истинные хозяева положения. Им, видимо, приближение зимы ничем не угрожало — корма возле мусорных бачков всегда вдоволь.

Несмотря на осень, Матвей Ильич был в прекрасном расположении духа. И не подозревал, что большая беда уже исподволь подкрадывается к нему.

14.

И в это ясное утро начала сентября проснулся Матвей Ильич в самом благостном настроении. Вера лежала на соседней кровати, спиной к нему, и не понять было, спит она или просто нежится под одеялом после крепкого сна.

Матвея Ильича охватила вдруг такая вроде беспричинная нежность к ней, так захотелось приласкать её — в последнее время нечасто это случалось, а тут что-то тёплое подкралось к сердцу. Он приник к её мягкой, тёплой спине, обнял потихоньку, не разбудить чтобы.

— Что, Матвеюшка, любовь пришла, — со смехом проговорила жена. — Не сплю я, не сплю, придвигайся поплотнее.

— Да и не проходила она, любовь-то, — в тон ей ответил он.

И вся первая половина дня прошла у них так прекрасно, во взаимной заботе друг о друге, так хорошо.

Потом Матвей Ильич пошёл на кухню — обед готовить — уже больше года как отстранил он больную жену от кухонных хлопот, а Вера телевизор включила и села в кресло смотреть какой-то фильм.

Часа через полтора обед был готов — фаршированные мясом перцы — любимое блюдо Веры, да и его тоже.

Разложив порции по тарелкам, Матвей Ильич подошёл к жене, поцеловал её в щёчку:

— Бросай, Вера, смотреть этот дурацкий фильм, обедать пойдём.

— Пойдём, — согласилась она и, подойдя к столу, восхищённо промолвила: — Ух какую вкуснотищу ты приготовил!

Села. Отрезала кусочек перца, поднесла ко рту. И вдруг — побледнела вся:

— Ой, что-то мне плохо. Совсем плохо...

Матвей Ильич отвел её в зал, усадил в кресло, "скорую помощь" вызвал.

Приехали довольно быстро. Матвей Ильич попытался было рассказать, что с женой произошло, чем она вообще болеет, но врачаха нетерпеливо перебила:

— Пусть она сама всё расскажет.

— Да не может она рассказать, не видите, плохо ей.

А врачаха не могла найти причины приступа. Кровяное давление вроде в норме, чуть повышенное. Ослушала, отметила хрипы в лёгких, затруднённое дыхание.

— Одевайте её. Повезём на флюорографию. Только имейте в виду, туда-то мы вас отвезём, а обратно сами добираться будете.

— Да куда же я её повезу в таком состоянии? Она же не ходит почти, на коляске я её вожу...

— Такси вызовете.

— Никуда я не поеду, — подала голос Вера Ивановна. — Делайте со мной что хотите, не поеду. Тут, дома, умирать буду.

— Ну уж и умирать, — набирая лекарство в шприц, возразила врачаха.

Вену найти не смогла — ни в локтевом сгибе, ни в кисти руки. Вылила содержимое шприца прямо в рот.

Вере Ивановне ещё хуже стало. Вдвоём с санитаркой, под руки, отвели её на кровать, уложили. Ей становилось всё хуже и хуже.

Матвей Ильич сидел на стуле возле окна, за спинами медиков, хлопочущих возле жены. Врачиха послала санитарку вниз, за кислородным прибором. По телефону вызвала кардиологическую бригаду. Потом начала делать массаж сердца, обеими руками нажимая на грудную клетку.

Матвей Ильич понял — остановилось сердце. Судорожные рыдания охватили его, и остановить их он не мог. Врачиха подала знак санитарке — увести.

А через несколько минут сама вышла:

— Простите, мы ничего не могли сделать...

Позвонила в полицию. Катафалк вызвала.

Подъехали кардиологи. Но делать им уже было нечего.

Приехали двое из полиции. Что-то выспрашивали, что-то писали. Заставили Матвея Ильича под диктовку писать какую-то бумагу. Дрожащей рукой написал, подпись свою поставил. Всё как в тумане, в нереальности.

Прибыл катафалк. Труп жены завернули в покрывало, без спроса сдёрнув его с кровати, увезли.

И остался Матвей Ильич наедине со своим горем. Хотя и хлопотали в квартире сердобольные или просто любопытные соседки — он оставался один, не замечая никого. Ему стало плохо. Вызвали “скорую”. Смерили давление — за двести. Его била крупная, неудержимая дрожь. После уколов мало-помалу он успокоился. На всякий случай ночевать при нём осталась соседка, устроилась на диване.

Предпохоронные хлопоты. Похороны. Поминальный обед. Поминки на девятый день...

Во всём, конечно, помогали подруги Веры Ивановны, бывшие сослуживцы, соседи, дальняя родственница Веры — племянница в каком-то колене...

Но везде требовалось непосредственное участие Матвея Ильича, и он действовал, что-то делал, чего-то добивался — но всё это механически. Ощущение реальности покинуло его.

Потом начались хлопоты с переоформлением всяких документов, договоров на коммунальные услуги...

Конечно, всё это отвлекало Матвея Ильича от чёрных дум — но это днём. А вечером, оставаясь наедине с собой, со своими воспоминаниями, вновь предавался дикой тоске, одиночество давило его и не было сил освободиться от гнёта.

15.

Где-то через полмесяца после похорон жены решил зайти Матвей Ильич к Любе — поделиться своим горем.

Та встретила его приветливо:

— Что-то долго не показывались вы, Матвей Ильич!

— Горе у меня, горе большое.

— Случилось что-то? — встревоженно спросила она.

— Случилось... Вера Ивановна умерла.

Любу словно мгновенно подменили. Она побледнела, глаза округлились, руки нервно задвигались по столу.

— Как? Когда? — и после длительного молчания почти шёпотом проговорила:

— Всё сходится. Я в тот же день, в это же время так плохо себя почувствовала, хоть “скорую помощь” вызывай.

И через минуту:

— Это я, это я виновата...

— Да ты-то при чём, Люба? В чём ты себя винишь?

— Виновата. Не надо было давать вам эту фотографию. Примета плохая. Теперь и в моей семье должно произойти какое-то несчастье. Ну зачем я это сделала... Не хотела же. Знала — нельзя этого делать. И вот..

Напрасно пытался Матвей Ильич успокоить её, убеждал, что никакой связи с фотографией нет да и быть не может. Предрассудки всё это.

Люба не успокаивалась. Запоздалое раскаяние охватило её. Наконец проговорила:

— Вам лучше уйти, Матвей Ильич. Хочу одна остаться. Обдумать всё, что я наделала...

На следующее утро, едва Матвей Ильич встал, — телефонный звонок:

— Это я, Люба. Я, наверное, разбудила вас? Матвей Ильич, верните мне, пожалуйста, мою фотографию.

— Почему, зачем?

— Знаете, она у меня единственная, мне её жалко.

Уловив фальшь в её голосе, Матвей Ильич предложил:

— Ну, если жалко, найди другую. Принеси, обменяемся.

— Нет у меня другой. Верните эту. Сегодня же.

Как ни старался он уговорить Любу, она была непреклонна.

— Верните. Очень прошу. Настаиваю... Ну зачем она вам?

И тут не выдержали нервы Матвея Ильича, и он почти закричал в трубку:

— Да люблю я тебя, понимаешь, люблю!

— Да не может этого быть, Матвей Ильич! Что вы говорите! Придумали вы всё это, убедили себя. Противоестественно всё это. Это быстро у вас пройдёт, забудется. Верните...

— Ладно, так и быть. Успокойся. Верну. Сегодня же.

Выждав время, когда у Любы не должно быть посетителей, пошёл к ней.

— Ты не передумала, Люба?

— Нет, не передумала. И не передумаю, — твёрдым, ледяным тоном сказала она.

— Ну что ж делать... Возьми.

Посмотрев ещё раз долгим, полным любви и тоски неподдельной, взглядом на фотографию, подал ей.

Помолчали с минуту. Неловкое такое молчание. Говорить не о чем было. Не то настроение, не до разговоров.

Матвей Ильич поднялся со стула:

— Приходить-то к тебе можно будет?

Потерянным, потускневшим голосом — ответ:

— Приходите, если захочется. Изредка. По делу...

Неделю, даже чуть больше не появлялся Матвей Ильич. А видеть её хотелось нестерпимо. И даже тоска по умершей жене не заглушала этого желания. Наоборот, обостряла его.

Пошёл, наконец. По делу. Нужно было снять ксерокопию со свидетельства о смерти. Люба сделала это молча. Матвей Ильич собрался уходить. Она задержала его.

— Подождите. Расскажите, как чувствуете себя, как здоровье.

Сдержанно, без эмоций, Матвей Ильич рассказал. Отвечал на вопросы. Разговор оживился немного, но не касался ни фотографии, ни их взаимоотношений. Но Матвей Ильич и этим доволен был. Полного разрыва не произошло.

Спустя несколько дней снова пришёл Матвей Ильич, снять копию с домового книги, хотя и не обязательно это было.

На этот раз разговор получился более оживлённый и более благожелательный — почти как в прежние, лучшие времена. И стал Матвей Ильич опять приходить так просто, мимоходом, без всякого дела, раз, а то и два в неделю. И вновь духом воспрянул.

Рассказал он Любе, что новую повесть начал писать, надеется, что к концу года закончит, принесёт Любе в набор. Она не возражала.

— Только прочти сначала.

— Прочти. Ничего "криминального" в ней нет. На этот раз ты там не фигурируешь совершенно. Так сказать, нейтральная по отношению к тебе тема.

Сказал, что некоторые места хотелось бы другим шрифтом выделить, можно ли это сделать на компьютере?

- Конечно. Такой пойдёт? — и показала что-то вроде курсива.
- Пойдёт. Хорошо даже. Можешь так сделать?
- Конечно, смогу. Укажите только, какие места надо выделить.

16.

Но с некоторых пор стал замечать Матвей Ильич в поведении Любы какое-то отчуждение. Уже не было с её стороны приветливости, непосредственности, непринуждённости в разговоре. Замечал даже, что когда он приходил, недовольная мина появлялась на её лице. Может, показалось? Или нет? Равнодушно предлагала сесть на свободный стул, а когда и не предлагала. И тех оживлённых разговоров уже не было. Она лишь отвечала на вопросы, и то как-то нехотя, односложно. Сама же жизнью и делами Матвея Ильича почти не интересовалась.

Что случилось? Матвей Ильич ломал голову и, кажется, понял — сам, опять же сам виноват в этом. Опять нетерпение его подвело, зачем надо было столь неуклюже проявлять свои чувства к ней?

А дело так было. Нестерпимо захотелось Матвею Ильичу опять видеть её у себя дома. И решил он ещё раз пригласить её к обеду. Голубцы приготовил, ещё что-то сообразил.

К часу дня пошёл за ней.

— Люба, ты где обедаешь? — как можно непринуждённое спросил он.

— А где придётся. Когда в кафешку иду — тут, напротив. Когда с собой из дома беру.

— Пойдём ко мне, пообедаем.

В явном замешательстве Люба не сразу нашла что ответить.

— Так рано ещё. Я в полвторого обедаю.

— Ничего. Я подожду. А потом и пойдём.

И опять замешательство, мучительный поиск ответа.

— Нет. Я не пойду. И не настаивайте. Нельзя этого делать.

— Почему? Ведь ты же обедала у нас, разве плохо было? По-моему, тебе понравилось.

— Тогда нас трое было. А теперь двое только. Большая разница.

Хотелось сказать Матвею Ильичу, почему, мол, ты меня боишься, разве я на сексуального маньяка похож? Воздержался. Ещё больше испортишь всё. А настаивать тоже бесполезно. Давно понял Матвей Ильич, что если сказала Люба “нет”, то никакие доводы, никакие просьбы решения её не изменят.

Да, с этих пор и началось отчуждение в поведении Любы. А что скажешь? Сам виноват. А теперь — как вновь наладить эти отношения, возродить былую непринуждённость и радушие?

А время шло. Матвей Ильич по привычке по-прежнему раз или два в неделю заходил к Любе, но держалась она по-прежнему. И чего ходить было? Видел же он, что тяготится Люба его приходами, только отказать не может. Из деликатности, чтобы лишний раз старика не обидеть.

И надо было тихо-мирно отдалиться от неё, сохраняя лишь доброе знакомство. Не мог. Всё ещё на что-то надеялся.

И вдруг — какая-то искорка надежды проскочила. В одну из встреч вдруг оживилась Любочка, разговорилась.

Рассказала, что недавно приезжала к ней сестра из Новосибирска, несколько дней гостила.

— Ей двадцать восемь лет уже, а она ещё замужем не была. А ведь красивая! Намного красивее меня. Увидели бы вы её, сразу бы влюбились, — даже пошутила Люба.

В тон ей попытался ответить шуткой и Матвей Ильич:

— Не может быть такого! Ты на свете всех милее, всех румяней и белее!

И опять испортил всё дело, напомнив о своих чувствах к ней. Люба сразу погасила свою улыбку, снова замкнулась, снова холодной и чужой стала.

Поняв свою оплошность, Матвей Ильич после минуты замешательства переменял тему разговора.

— Я ведь по делу пришёл, Люба. Закончил работу над повестью, когда можно принести её тебе?

Тягостное молчание в ответ. Потом тихим голосом, но твёрдым, не допускающим возражений, тоном:

— Не надо приносить. Я не буду её набирать.

— Почему, Люба? Да нет там, поверь, ничего такого, что тебя бы касалось, не фигурируешь ты там, совершенно нейтральная тема. Да ты прочти сначала!

— И читать не буду. И набирать не буду.

— Да в чём дело? Что, работы у тебя много?

— Нет у меня сейчас работы, в смысле набора.

— Тогда почему?

Минута молчания. Потом:

— Муж запретил мне иметь какие-либо дела с вами...

— Что, ревность?

— Никакая не ревность. Просто не хочет, чтобы мы встречались. Он сказал даже: "Передай своему деду, что если он не прекратит преследовать тебя, я сам с ним поговорю!".

Понял Матвей Ильич, что дальнейшие уговоры бесполезны.

— Я дам вам телефон. Эта девушка-студентка на дому работает. Позвоните, она придёт и заберёт вашу работу, всё сделает как надо, — и достала из стола листок с номером телефона.

"Заранее приготовила, — отметил про себя Матвей Ильич, — значит решение такое заранее продумано было".

Пытался ещё уговорить, приводил какие-то доводы — всё напрасно!

— Ну, Люба, убила ты меня.

Встал и, еле волоча ноги, пошёл старческой походкой к выходу.

17.

Плохо было Матвею Ильичу. Ныло сердце, голова разболелась, давление подскочило. Хоть "скорую" вызывай. Корвалолу накапал, таблетку цитрамона проглотил. Отлегло немного.

Лежал на диване, понять пытался, что же произошло? Откуда Евгений, муж Любы, об их встречах знает? А что во встречах этих плохого-то? Да, встречались, как добрые знакомые встречались, не друзья даже. Новостями делились, о своих литературных делах он рассказывал. Она — о себе, о дочери, её учёбе, о всяких неприятностях с арендой помещения. И что? Ревновать к этому? Да он всего-то один раз руки её коснулся! Это тогда ещё, при первой размовке, когда фотокарточку возвращал. Ну, любит он её. И что? Ревновать к этому? Глупо. Конечно, муж её в годах уже, за пятьдесят перевалило, а жена молодая, красивая, цветущая. Вот и ревнует к каждому телеграфному столбу.

А откуда же он узнал об их встречах? Может, стихотворение в сборнике прочитал? Есть там одно, так начинается:

*Что со мною случилось такое,
Я влюбился на старости лет?*

И так далее. Да, упоминается там, что объект любви ему во внучки годится, но ведь даже намёка нет, что имеется в виду жена его, Люба. К тому же утверждается, что никакой взаимности от неё он не ждёт:

*Мне б лишь видеть — другого не надо,
Мне б лишь слышать её голосок.*

И далее:

*Для меня же она — как богиня,
Дорогой, но запретный цветок.*

Ревновать к этому? Неразумно. А может, Маринка что-то ему рассказала — вот, мол, часто приходит к маме один дедушка, и они подолгу разговаривают. И он даже повесть про маму написал, я немного читала. Интересно!

И после этого, наверно, стал он в компьютере копать и в памяти его повесть эту обнаружил. Да-а... А там... Это же не повесть, а признание в любви. Открытым текстом. Имена чуть-чуть изменены.

Если это так — виноват он, Матвей Ильич, крепко виноват, что внёс разлад в чужую семью, и нет ему прощения за это.

А она-то, Люба, почему сразу же, как распечатку сделала, не стёрла это из памяти компьютера. Какая оплошность!

А может, рассказала всё мужу в порыве откровенности? Как о забавном приключении, как покорила она старичка, одуванчика божьего?

Вариантов много, а какой из них верный? Не угадать, не определить. Да и какое это теперь имеет значение? Всё, всё — finita la comedia. Кончена любовь, последняя любовь Матвея Ильича, и кончена так бесславно. Нет, не будет он больше приходить к Любе, не станет искать встречи с ней.

А встречи хотелось. Однажды, когда шёл за хлебом в магазинчик, в этом же здании расположенный, не утерпел, глянул в сторону открытой двери Любимой комнатки. Несколько клиентов возле её стола. Не сдержался, к двери подошёл, заглянул. Люба сидела за столом, набирала что-то на компьютере, склонив голову. В чёрном платье, с оголёнными плечами, белокурые волосы рассыпались по плечам... Сердце сжалось от тоски. Отпрянул от двери, пока она не подняла голову, не увидела его...

Вернулся домой, плюхнулся в кресло, за стихи принялся. Ей посвящённые, конечно. За неделю несколько стихотворений написал. И излил в них всю любовь свою к ней, к Любе, хотя и имени её не называя. Ссылался на исторические примеры — вот, мол, до старости любил Петрарка некую Лауру, столько сонетов ей посвятил. А Гёте? — в восемьдесят лет полюбил восемнадцатилетнюю Ульрику фон Летцов, и до конца дней своих любил её.

Он не Петрарка, и не Гёте, конечно, но душа-то у него поэтическая. И он тоже полюбил её. И унесёт эту чистую любовь, её образ милый на тот свет даже, и в загробной жизни любить её будет. А кончался этот цикл так:

*Прощай, прощай. Я твой покой бесценный
Не потревожу больше, в том клянусь.
Я потихоньку удалюсь со сцены,
Уйду — хотя, не скрою, — оглянусь.
Хочу красу твою навек запомнить*

*И в мир иной с собою унести —
Улыбку детскую и взгляд твой скромный —
Прости меня, любимая, прости...*

Назвал этот цикл “Прощальное” и к ней понёс, к Любе. Пошёл специально пораньше, к открытию, надеясь, что посетителей у неё не будет. Увы, просчитался. С десяток человек уже толпились перед её столом, даже на пороге.

Но не отступать же. Протиснулся через толпу к столу поближе. Люба ещё работать не начинала, включала в дальнем углу аппаратуру. Нарочито официальным тоном окликнул её:

— Любовь Николаевна!

— Что такое?

— Тут вам послание! Прочтите на досуге.

Бросил письмо через головы на её стол и удалился.

А дома... А дома такая тоска охватила, такое отчаяние. Упал на диван и зарыдал. По-настоящему так зарыдал, чего никогда с ним не случалось, даже в самых тяжких случаях.

... Ещё через день снова в магазин этот Матвей Ильич пошёл. За хлебом. Зашёл, по привычке взглянул налево. Дверь в “офис” Любы закрыта. “Ну и ладно. И лучше” — не было у него сейчас желания встречаться. Повернул направо, к хлебному отделчику, который в крохотной клетушке помещался. Перешагнул порог — и ошеломился.

Никакого хлеба нет, да и прилавка знакомого нет. У окна, склонившись за компьютером, сидела ОНА.

От неожиданности сказал первое, что на ум пришло:

— Это что, Люба, тебя сюда переселили?

— Да, сюда! — не поворачивая головы, сказала ледяным тоном.

“Никакого разговора сейчас не получится”, — про себя отметил Матвей Ильич, но всё же спросил:

— Как живётся тебе в новом году?

— Пре-крас-но! — уже с издёвкой в голосе.

— Конечно. Никакой дед тебя больше не преследует, не надоедает...

Всё хорошо!

— Да, хорошо! — уже с ноткой вызова в голосе.

— Люба, ты хоть послание-то моё прочитала?

— Зачем вам это знать! — раздражение усилилось.

— Поинтересоваться хотел — когда ты эти стихи читала, у тебя хоть что-то шевельнулось в душе?

— Что вы в мою душу лезете! — чуть ли не на крик перешла она.

— Вот как... Ну, тогда Бог тебе судья... — повернулся и пошёл домой, забыв про хлеб.

А дома какое-то облегчение почувствовал даже. Не надо больше искать повода для встреч, придумывать, как отношения наладить. Ничего не надо. Всё кончено.

И это благодушное состояние до конца дня сохранялось.

А вечером... Когда спать лёг... Опять разрыдался, что даже усилием воли остановиться не мог. Тоска и обида душили его.

Наконец, обессиленный, заснул он крепким, освежающим сном.

18.

Где-то перед утром, часов в пять, проснулся Матвей Ильич от сильной боли в левом боку.

“Опять сердце расшалилось”, — с огорчением подумал он. Подождал немного, неподвижно лёжа на спине — боль не утихала. Колоть время от времени начинало.

Поднялся, прошлёпал босыми ногами на кухню, накапал изрядную дозу корвалола, выпил. Прилёг опять, терпеливо дожидаясь, когда подействует лекарство, когда боль утихнет. И она постепенно затихала, не совсем, правда, сердце противно поднывать ещё продолжало, но Матвей Ильич задремал даже.

И вдруг — опять сильнейшая, нестерпимая боль в левом боку, пронизывающая до самой лопатки. Терпеть её стало невозможно.

Рассвет начинался, почти совсем светло стало. Боль то немного утихала, и Матвей Ильич начинал успокаиваться — пройдёт, не в первый раз — то вдруг охватывала всю левую часть груди, словно кол деревянный протыкал её насквозь.

Вновь поднялся, нашёл таблетки, положил одну под язык. В спальню не пошёл, сел в кресло, расслабился.

Пятнадцать минут. Полчаса. Немного полегчало. Матвей Ильич ложиться больше не стал — всё равно уснуть уже не удастся. Солнце скоро взойдёт.

Потянувшись, взял с уступчика серванта потрёпанный блокнот, в котором делал черновые наброски стихов, ручку шариковую. Раскрыл блокнот на чистой странице и глубоко задумался...

Эпилог

Утром зашла соседка, по телефону позвонить. Дверь открыта, не на замке. Тишина в квартире. Матвей Ильич в кресле сидит, головы не повернул даже. Спит, что ли?

В руке ручка шариковая, блокнот на коленях. Голова назад запрокинута, лицо неестественно бледное, глаза широко открыты, но, кажется, неподвижны.

В тревоге, преодолев оцепенение, соседка подошла к креслу, тронула Матвея Ильича за руку.

Рука была совершенно холодная.

Блокнот, выпавший из рук Матвея Ильича, лежал на коленях. Раскрыт на чистой странице.

На листке крупными, дрожащими, неровными буквами было выведено:

ЛЮ...

Дальше текст обрывался. Вниз, до самого края страницы, шла жирная черта...

Что хотел написать Матвей Ильич в последнюю минуту своей жизни — ЛЮБА... ЛЮБЛЮ... — или оба эти слова — никто и никогда уже не узнает.

**Июнь-июль 2006 года,
январь 2007 года.**

г. Усть-Каменогорск.

Василий КОЛИН

“За окном поют метели...”

Цхинвал в огне

Час рассвета горяч и ал.
Ну куда же, куда мне деться!
Погибает в огне Цхинвал —
Окровавлено болью сердце.

Над пожарищем детский плач —
Содрогнулись в ужасе горы.
Тёмной ночью пришёл палач,
На разбой и убийства скорый.

Хочет вырезать осетин —
Видно, масть у него попёрла.
Горьким ядом грузинских вин
Я теперь буду сыт по горло.

Мы в ответе за каждый ствол,
Убивающий наших граждан.
Поминальный поставлю стол —
Ритуал христианский важен.

Затеблю под крестом свечу —
У Спасителя скорбь во взоре...
Если встанем — плечо к плечу —
Значит, выдюжим это горе.

О, Боже! Какое несчастье —
Страну разделили на части.

Сказали: “Живите так”.
И друг оказался враг,
И словно сгустился мрак
Над территорией бывших
Каких-никаких республик,
И ужас в глазах застывших
Детей, умиравших от пуль.

Политика — это не бублик,
А очень опасный руль.

Страну разделили на части,
Сказали: “Живите так”.
И словно сгустился мрак,
И друг оказался враг.

О, Боже! Какое несчастье,
Когда у руля дурак.

Боксёры лупят сторожей

*Чемпион мира Николай Валуев избил
пожилого охранника спортивного комплекса*

В нас хамство бродит без дрожжей,
Но я сказать о том не трушу.
Боксёры лупят сторожей,
Как тренировочную грушу.

Идёт Валуев на рекорд
По выбросу адреналина,
И вот красивый апперкот
Уже калечит гражданина,
А удалой тяжеловес
Готов отпраздновать победу...

Но Питер всё-таки не лес,
Где слабых пользуют к обеду.

Мы с вами в обществе живём,
Пусть даже в пьющем и ленивом.
И нам так хочется живьём
Ходить в ларёк за “Клинским” пивом.
И здесь идея дорога:
Ну, скажем, бык подобен танку —

Быка берите за рога
И запечатывайте в банку.

Поскольку в мышцах сила есть,
Вдвойне подумать нужно тонко.
Иначе — цинковая жёсть,
А в ней обычная тушёнка.

Вековая звериная грусть —
Прости, Боже, грехи наши тяжкие.
По церквам нынче кается Русь,
Медь бродягам кидая в чашки.

Я зажгу в храме сорок свечей,
Чтоб согреть аналои с иконами.
Много лживых и страшных речей
Освящалось мирскими законами.

Вознесу к золотым куполам
В общем хоре моё песнопение —
Эйфорию с бедой пополам
Завещал нам великий Ленин.

Я зажгу в храме сорок свечей
Для всемирного братства и равенства.
За своих помолясь палачей,
Удостоюсь в причастии Таинства.

Нынче плачем и каемся мы —
Бог простит, потому что не каменный —
И живём — от суммы до тюрьмы,
Тень которой легла Крестами.

Живу, как пью, растрчивая годы,
Подходит срок оплаты по счетам,
И чья-то тень крадётся по пятам,
А мне б ещё, ещё глоток свободы...

Душа моя, терпи пьянчугу-плоть —
Тебя хранит и любит Сам Господь.
Я верую, что это не напрасно.
Как ни крути, а, чёрт возьми, прекрасна
Была часть жизни, пройденная мной
Не ради славы или, скажем, денег.

И в час, когда покину этот берег,
Приду к Отцу Небесному как свой,
Пусть блудный и, конечно, непутёвый,
Но всё-таки явлюсь к нему как сын
И выполню последний долг сыновий.

Я встану перед Богом на колени
И так скажу: “Прости, мой Господин,
За то, что из меня не вырос гений,
Но я, как видишь, вовсе не один —
Таких у нас несметные народы.
Прости за растраниженные годы,
За то, что не сверкал, как бриллиант,
И на глоток чарующей свободы
Разменивал здоровье и талант”.

А. Хорольському

Ты не вписался в рыночный бардак,
Цена в себе замашки дворянина,
И далеко не марочные вина
Употреблял

как царственный коньяк,
Чему не удивлялись алкаши
И подражали местные поэты —

Для имиджа обкомовской газеты
Нетрезвый взгляд полезнее души.

От белых стен струится холодок.
Ушёл хирург.

Чуть капает система.
Такая вот закрученная тема,
И боль в ступнях
отсутствующих ног.

Где тонко,
там всегда порвётся нить —
Наш путь земной, увы,
такой короткий...
И нам с тобой уже не выпить водки,
Чтоб,
не спеша,
за жизнь поговорить.

Без вьюг и снежной круговерти
Зима — как будто не зима.
И жалобно тоскуют черти,
Когда вокруг стусится тьма.
Заржёт соседская кобыла,
Ноздрями чую вражий дух...

Так получилось — жизнь постыла.
И даже Бог к молитвам глух.
Глядит с икон в глаза мне грозно,
Молчит и терпит до поры.

В ночи таинственно и звёздно
Парят снежинки и миры.
И может быть, в семи парсеках
От огорода моего
Жена с мечтой о человеках
Не хочет видеть никого.
Со лба отбрасывая волос,
Рисует пальцем на стекле...

Душа моя летит на голос,
Нуждаясь в ласке и тепле.
Она пробьётся — вот вам слово! —
Сквозь толщу безвоздушных масс.

И Бог простит, конечно, снова,
В который уж по счёту раз.

На Невском

Золотые луны снежной ночи
Плавали в кипящем звездопаде,
Рассыпая брызги под колёса
Мчащихся по городу авто.

Опуская длинные ресницы,
Шли по тротуарам с господами
Женщины изысканной породы
В норковых искрящихся манто.

Светофоры празднично и ярко
Освещали вспышками прохожих,
Для которых жизненный сценарий
Написал Великий Драматург.

Что ни вечер — на подмостках улиц
Каждый свою роль играл прилежно,
Их игру оценивал бесстрастно
Строгий зритель — город Петербург.

На реке Ай

Хвойный лес да каменные глыбы
Рябью отражаются в Аю.

Крупные серебряные рыбы
До сих пор живут здесь, как в раю.
Шевеля упругими хвостами
Поперёк течения реки,
Первобытно выпуклыми ртами
Хлебный мякиш пробуют с руки.

Горный край, таёжный, полудикий,
Без благоустроенных дорог.
Алый сок от ягоды черники
Иногда сочится из-под ног.

Кожею сверкая изумрудной,
Ящерица спит на валуне.
Может быть, её царицей рудной
Выберут сегодня при луне.

В колдовском горшке из белой глины
Запекут волшебное питьё —
Оживут легенды и былины,
Громыхнёт чугунное литьё.

По воде — где омуты, где мелко —
На плоту с разбойным топором
Явится бунтующий Емелька
И провозгласит себя царём.

Осенний день был заново осмыслен,
Когда в кабаке под вечер я зашёл.
Ты, не спеша, потягивала рислинг,
И я присел за твой роскошный стол.

На газплите кипели равиоли,
А под грибами жарилась морковь.
Я целый день торчал в гостях у Оли
И строил с ней совместную любовь.

Она меня любила как поэта,
И как мужик, я тоже был любим.
А за окном горело бабье лето
Огнём всю пылающих рябин.

На газплите кипели равиоли,
Сеть паутин окутывала сад.
Индийский чай заваривала Оля,
А я вдыхал душистый аромат.

Осенний свет ложился на гардины,
По “видаку” играл аккордеон.
Я доставал из баночки сардины
И нарезал “студенческий” батон.

На газплите кипели равиоли,
Из кухни шёл приятный запах.
Я шоколад разламывал для Оли
И лил коньяк в хрустальный сапожок.

В её дому накурено, но чисто —
Растёт герань и фикус в потолок,
А за окном желтели медью листья,
И через дверь тянулся холодок.

На газплите кипели равиоли,
Беседа шла гламурно, без купюр.
Я согревал в ладонях пальцы Оли
И целовал блестящий маникюр.

Мне уходить от Оли не хотелось,
И я сидел, глотая синий дым.
Она всегда мою ценила смелость
И согласилась даже на интим.

На газплите кипели равиоли...

г. Петропавловск.

Алексей ОЛЕКСЮК

Четыре рассказа

Он наблюдает...

Он взглянул на наручные часы: оставалось ещё с четверть часа. Летний день едва перевалил полуденную вершину. Воздух ещё не успел утратить утренней свежести, хотя солнце над самой макушкой горело нешуточным энтузиазмом. Место казалось удачным в том плане, что, оставаясь практически незаметным за чугунным забором небольшого сквера, можно было наблюдать абсолютно всю улицу от одного её конца до другого. Прохождение безостановочно двигались мимо. Рядом припарковался бордовый “Ауди”, из которого “выпал” бегемотообразный господин в клетчатых шортах и направился в кафе напротив. Заведение сие с незапамятных советских времён располагалось в просторной пристройке к жилому шестизэтажному зданию. Раньше над фасадом горела надпись из гнутых неоновых трубок, но новые владельцы сменили её большим щитом с подсветкой, сплошную стеклянную витрину вдоль фасада сделали зеркальной, а полированный гранит облицовки поменяли на пластик. Впрочем, одно осталось неизменным несмотря ни на что: летом часть столиков по-прежнему выносили на улицу, натягивали над ними тенты и огораживали это всё низенькими (по колено) чугунными столбиками, соединёнными цепью. Расположенное в центре города, на одной из оживлённых улиц, кафе никогда не пустовало. Тем более — в праздничный день. Люди шлялись по пешеходной зоне меж расставленных торговых палаток и лотков, дымящих сырой щепой мангалов и пятилитровых самоваров, шлялись под звуки зазорной попсытины из репродукторов, выпивали, закусывали, общались, перекрикивая репродукторы. Местами попадались плотные кучки затянутых в чёрную кожу и джинсу рокеров с бутылками пива, коим они заливали свежую обиду. Давно обещанный властями, несколько месяцев ожидавшийся концерт скандально-знаменитой рок-группы закончился буквально через пятнадцать минут после начала: на сцену выпрыгнул таким молодым козликом женоподобный конференсье и весело объявил, что концерт “по техническим причинам” продолжен быть не может, а посему замещается выступлением детишек из танцевальной студии при бывшем дворце пионеров. Подобного облома местная рок-сцена ещё не знала. Слова “козлы” и “уроды” были самыми интеллигентными выражениями в адрес организаторов. Зато далёкие от проблем молодёжи старички и старушки ностальгически вальсировали под “живое” звучание духового оркестра.

Он вынул из нагрудного кармана пачку сигарет и закурил. Оставалось ещё десять минут. Влажный ветерок едва касался его небритой щеки. Народ по-прежнему непрерывно входил в кафе и выходил обратно. Те, кому не хватало места за круглыми пластмассовыми столиками, пристраивались на близлежащем газоне, как, например, вон та парочка влюблённых, кормящих друг друга мороженым. Над не иссякающим людским потоком, подчинённым жёсткому релятивизму броуновского движения, теплился сизой дымкой праздничный перегар. Бомжи и дворники наперегонки подбирали порожнюю стеклопосуду. Милицейский патруль неспешно обходил дозором свои владения. Молоденькая мамаша, вырядившаяся

в модный (из полупрозрачной ткани) брючный костюм, материла и била своего малолетнего отпрыска, обляпавшего новую футболку мороженым. Белобрысая девочка за соседним столиком наблюдала эту сцену с каким-то мистическим ужасом. Мамаша наскоро вытерла пятна салфеткой и потащила своего ревущего отпрыска прочь. Возле чугунного ограждения сама собой образовалась “тёплая” компания парней и девчат, чей молодецкий гогот сотрясал зеркальные стёкла витрины. А рядышком, по другую сторону ограждения, двое спорщиков никак не могли прийти к единому мнению: брызжа слюной и жестикулируя, они отчаянно доказывали что-то друг другу; один даже чертил авторучкой какие-то схемы на салфетках и тыкал в них волосатым пальцем. Миловидная девушка-официантка в форменном красном фартучке и пилоточке (видимо, студентка, зарабатывающая в летнюю пору себе на учёбу) заболталась, захихикалась с хорошей знакомой, беспечно отмахиваясь от назойливых посетителей. Знать бы, о чём это они столь весело разговаривают? А вон тот пьянчуга? Вишь, пристаёт через чугунное ограждение к дамочке за столиком. О чём он её так настойчиво спрашивает? А та даже головы в его сторону не воротит: так, скосит натушенный глаз, проведёт уголком намаженного рта что-то коротко и вновь тянет коктейль через соломинку. Махнув рукой, пьянчуга пошёл, пошатываясь, в сторону сквера. Проходя вдоль забора, бубнил обиженно в рыжеватые прокуренные усы: “Ишь — вырядилась... Думает, не узнаю... Не помнит... Так я и поверил... Нас во всей школе двое всего рыжих и было: она да я... Думает, раз пью, то уже не человек... Поговорить нельзя... Да я, если захочу, хоть щас могу бросить... Как нечего делать... Не узнаёт она...”

Он вновь взглянул на часы. Пора. Пять минут — как раз, чтобы дойти... Загасив сигарету и сунув её назад в пачку, он направился к выходу из сквера. В этот же момент бегемотообразный господин, откусив шашлычку с салатиком и кружечкой пива, встал из-за столика. На освободившееся место тут же ринулось несколько человек, но проворнее всех оказался тот самый женоподобный конференсье, что полтора часа назад жестоко обломал кайф местным рокерам. Только теперь он был в чёрных солнцезащитных очках. Оставшаяся без места мамаша с маленьким ребёнком в коляске пыталась ему выговаривать, но конференсье тут же сделал вид, что занят важным разговором по мобильному телефону. Мамаша покричала, повозмущалась и пошла восвояси, так и не найдя ни в ком сочувствия. Тем временем господин в клетчатых шортах, уже сев в свой бордовый “Ауди”, вдруг всполошился и затрусил обратно в кафе. Интересно, что он там позабыл? Но задерживаться здесь дольше нельзя.

Он свернул за угол и спокойно пошёл вдоль неширокой улицы. Праздных прохожих тут попадалось приметно меньше. Лица шедших навстречу или обгонявших его людей казались озабоченными. На небе не было ни единого облачка. Яркое солнце слегка припекало затылок и плечи; чудосочные сосенки и берёзки, высаженные взамен вырубленных год назад старых лип, практически не давали тени.

Он замедлил шаг. Секундная стрелка на часах, прикреплённых над входом в метро, обегала последний круг. Когда она поравнялась с цифрой “12”, позади, там, откуда он шёл, раздался громкий хлопок, звон битого стекла и истошный вой автосигнализации.

“Кришнаит”

... Да тут такая история приключилась — дурацкая... Иду как-то до дому — усталый, злой как собака, всё обрыдло... Не знаю, может быть, кому-то эти новогодние праздники и в радость, но мне лично — сплошная нервотрёпка и дурной сон. Ещё и погода соответствующая: мало того что мороз, так ещё и сыро; к вечеру непременно сгущается туман (это в степи-то!), удесняряющий своей промозглостью ощущение холода и оседающий инеем на деревьях и проводах, отчего те кажутся совершенно нереальными, отлитыми из странного серебристого металла.

Так что я не сразу поверил собственным глазам, когда возле самого подъезда из этого тумана возникла “смытая”, как на старинных дагерротипах, фигура человека, завёрнутого в какую-то линялую простыню, в пляжных шлёпанцах на босу ногу и каком-то клетчатом платке на голове. Он стоял, зажав руки под мышками, весь сжавшись, ссутулившись, слегка вздрагивая, как вздрагивают птицы, когда смотрят искоса. Подойдя ближе, я различил, что на вид ему лет тридцать или даже меньше, а чёрные волосы длинные, как у хиппи.

— Слышь, парень, ты откуда такой взялся? Кришнаит, что ли? — спросил я, скорее из жалости, нежели из любопытства. Парень молчал, лупая заиндевелыми ресницами так, словно это я голыми ногами по снегу разгуливаю.

— Слышь, кришнаит, поморозишься к чёртовой матери. Ты где живёшь-то?

Он с трудом разомкнул смёрзшиеся губы и произнёс с приметным акцентом:

— Нигде... У меня нет постоянного дома. Я хожу из города в город...

“Всё это можно было сказать одним словом — бомж”, — подумалось мне, но тут же подумалось и другое: “Что-то не похож он на обычного бродягу. Не ходит же он из города в город в этой тонкой простынке?”.

— Ладно, — махнул рукой я, — пошли, брат-кришнаит, погреешься...

И почти силком затащил бедолагу в подъезд, а затем к себе в квартиру. Он встал в прихожей и никак не хотел проходить далее. Впрочем, я и не настаивал особо, опасаясь возможных насекомых: кто знает, когда он последний раз мылся. Пошёл на кухню, поставил чайник.

“Как бы чего не спёр”, — малодушно помыслил я и во всё время, пока кипятилась вода, поглядывал в прихожую. Но “кришнаит”, слегка оттаяв, смиренно присел на краешек табуретки: сидел не двигаясь. Я принёс ему чаю. Он взял кружку двумя руками, подержал, греясь её теплом, и лишь затем стал медленно, с наслаждением пить. Бросилось в глаза, что запястья у него были обмотаны грязными бинтами, на которых виднелись бурые пятна.

— Ты, что, вены себе резал? — спросил я, но “кришнаит” словно бы и не расслышал вопроса, всецело поглощённый ощущением блаженного тепла, разливающегося по телу.

— Хорошо у вас тут, уютно, — заметил он, сделав очередной глоток.

— Что ж ты в таком виде по морозу разгуливаешь?

— Так получилось, — улыбнулся он виновато.

— Родные есть?

— Нет. Один я.

— Работает?

— Нет.
— Не берут, что ли?
— Нет. Я сам не хочу.
— Как же так: кушать хочешь, а работать — нет?
— Я Богу служу, он меня кормит..
— Только не надо мне сейчас проповедь читать, — замахал я руками.
— Я говорю только с теми, кто хочет слушать.
— Хорошо, вот с ними и говори. А мне неинтересно, — а про себя подумал: “Ведь сразу же было видно, что сектант какой-то”.

Тем временем “кришнаит” допил чай и протянул мне пустой стакан:

— Спасибо. Я, пожалуй, пойду...

— Куда же ты в таком виде? Через минуту околеешь...

“Кришнаит” удивлённо оглядел своё одеяние, словно впервые обратив на него внимание.

— Да, пожалуй, — согласился он.

Я опрометью кинулся к кладовке, вытянул из неё тук со старой слежавшейся одеждой и принялся его развязывать. Тугой узел не поддавался. Я побежал на кухню за ножом.

— Может, вам чем-то помочь? — спросил “кришнаит”, по-прежнему стоя в прихожей.

— Не надо, — ответил я, взял нож, обрезал узел и вывалил на пол старые изношенные вещи, от которых пахло пылью и нафталином. Отбрав из общей кучи стоптанные валенки, измазанные чем-то рабочие штаны, некогда небесно-голубую, а теперь серенькую куртку, ещё кое-что, я вручил всё это богатство несколько обалдевшему “кришнаиту”.

— Утепляйся, — и, видя, что тот мнётся в нерешительности, добавил: — Давай-давай, пока не передумал.

Мне подумалось, что он, наверное, голоден, и я пошёл на кухню, чтобы отрезать немного колбасы и хлеба. Когда же вернулся, передо мной стояло чучело с огорода: ни одна вещь решительно не подходила ему по размеру. Но всё лучше, чем было раньше.

— Спасибо. Я всё-таки пойду, — он как-то испуганно взялся за ручку входной двери. Я помог открыть тугой замок, впахнув-таки исподтишка полиэтиленовый пакет с хлебом и небольшим куском колбасы.

Уже спускаясь по лестнице, “кришнаит” внезапно обернулся и принялся кланяться чуть ли не до полу.

Закрыв дверь, я прежде всего тщательно вымыл пол и мебель в прихожей тёплой водой с дезинфицирующим средством. Потом убрал в кладовку разбросанную по полу старую одежду. Пройдя на кухню, включил свет (поскольку приметно стемнело), достал из холодильника заготовленную к Новому году бутылку вина, налил полный стакан и задумался. Крепко задумался...

И привиделся мне под утро почему-то Лев Николаевич: как положено — бородатый, с косматыми седыми бровями. Босиком, в простой домотканой рубахе и таких же простых, чуть ли не самолично сшитых портах, шёл он за плугом по весенней пашне, отирал рукавом пот с лица и, строго сдвинув косматые брови, говорил назидательно, как непреложную истину:

— Кто не работает, тот не ест!

А следом за ним бежал, спотыкаясь в глубоких бороздах, секретарь и записывал в блокнотик каждое слово...

А что, если...

А что, если это ко мне? Ненавижу телефон! Чудовищное порождение научно-технической революции: более иезуитского орудия для пыток не могла бы измыслить даже святая инквизиция. Стоит только расслабиться опосля трудовой вахты и перейти в медузообразное агрегатное состояние, как сразу же раздаётся дребезжащий звонок. Не встану! Хоть режьте меня — ни за что не встану. И потом: может быть, это вовсе не ко мне звонят...

— Дани-ил! Тебя к телефону! — крикнула из прихожей сердобольная бабушка и, отложив трубку в сторону, пошла досматривать очередную латиноамериканскую тяготину. Господи, кому я понадобился в такое время?!

Нужно включить право на одиночество отдельной статьёй в конституцию. Нет, лучше сразу в уголовный кодекс: десять лет строгого режима без права переписки и телефонных переговоров.

— Да, слушаю, — сказал я, всеми силами стараясь скрыть накопившее раздражение.

— Простите, что беспокою вас в столь поздний час... Возможно, мне не следовало звонить... Но я подумал, что завтра выходной, и мы могли бы встретиться... поговорить... Впрочем, я не настаиваю... Если вы заняты... Если вам не удобно... В любое другое время... Я...

— У вас ко мне дело?

— Конечно, мне не следовало звонить в столь поздний час, но мне непременно нужно переговорить с вами... Только не подумайте, что я навязываюсь... Если бы не крайняя необходимость...

Меня (и без того раздражённого неурочным звонком) начинал злить этот “неопределённый” собеседник.

— Вы хотите заказать мне курсовую работу? — предположил я, поскольку промышлял о ту пору за счёт тупых и ленивых студентов (да благословит Аллах приёмные комиссии наших вузов).

— Я... Нет, я... Меня зовут Иса. Мне посоветовали вас как человека, пишущего прозу. У меня есть к вам серьёзное предложение именно как к писателю.

— Я слушаю.

— Это долго объяснять. Нельзя о таких вещах с ходу... по телефону... Мы могли бы где-нибудь встретиться?

— Что ж, давайте встретимся в понедельник... в час дня в библиотеке.

Я сознательно назначил свидание на ближайший будний день, поскольку мне о-о-очень не хотелось в свой единственный выходной куда-то ехать, с кем-то что-то обсуждать. Мои планы на завтра не простирались за пределы родной квартиры.

— В понедельник в библиотеке? — как-то растерянно переспросил мой собеседник.

— Да, я буду ждать вас в фойе.

— Меня не пустят, — произнёс Иса так тихо, что я засомневался, не ослышался ли.

— Куда не пустят?

— В библиотеку.

— Кто?

— Директор... Она запретила пускать меня в библиотеку.

— Почему?

Повисла пауза.

— Это долгий разговор... У нас возник небольшой конфликт... Но это неважно...

“Вот те раз, — подумалось мне. — Что же это за человек такой?”.

— Хорошо, — решил я положить конец странному разговору, — встретимся завтра в 10 часов утра у крыльца библиотеки.

— Лучше в парке...

— Хорошо. В парке у “чёртова колеса”.

— Я думаю, вас заинтересует моё предложение...

— Несомненно... До свидания.

Трубка с тихим звоном легла на рычаг.

Ненавижу подобные ситуации. Чего бы проще: сказать сразу, что тебе от человека надобно; нет — будут муржиться, ходить вокруг да около, пока не измотают все нервы, а потом вылезет какая-нибудь ерунда вроде сетевого маркетинга...

Ночью мне снилось нечто невнятное, нечто зеленовато-сиреневое, сумеречное и блюзовое, нечто печальное и безысходное, как вкус горького шоколада. Тоскливое чувство давило грудь.

Проснулся я больным и вялым. словно в издёвку за окном высилось ослепительно-синее утро, ясное и немного ветреное. Ночью прошла гроза, и весь мир казался теперь посвежевшим и промытым дождевой водой.

Ровно в десять я был на условленном месте. Парк казался безлюдным, хотя аттракционы уже работали и густой баритон двигателя, вращавшего “чёртовое колесо”, “проглатывал” все прочие звуки, так что даже ветер раскачивал густые и влажные кроны деревьев совершенно беззвучно. Мокрые пятна на асфальте горели в лучах солнца матовым серебром.

Я стоял подле махонького (похожего скорее на будку) белёного домика, служившего кассой. Прямо передо мной медленно вращалось “чёртовое колесо”: пустые люльки с отомкнутыми, отвисшими цепями ограждения отлого сползали к невысокому деревянному помосту и, сравнившись с ним, едва не коснувшись днищем сырой земли, вновь начинали взбираться в гору.

Постепенно душевное спокойствие возвращалось ко мне. Мучившая меня с самого пробуждения мигрень утихла, и я даже стал насвистывать навязчивый мотивчик. В конце концов, всё не так уж плохо: придёт мой таинственный незнакомец на свидание или нет, в любом случае небольшая утренняя прогулка в парке не принесёт ничего, кроме пользы.

Сорванный ветром тополиный лист соскользнул на мокрую от ночного дождя скамью рядом со мной. Бессознательно я поднял его и поднёс к лицу.

Лист был зелёный и свежий, с мелкозазубренными краями и махонькой аккуратной дырочкой почти у самого черенка, словно бы прожжённой неосторожным курильщиком. Тёплый, слегка горячий и вязкий запах всколыхнул во мне тугую светлую грусть. Мне почему-то вспомнился рассказ матери о том, как я, будучи младенцем, серьёзно и внимательно рассматривал недавно распустившиеся весенние листья во дворе родильного дома... И тут же по странной аналогии мне примечталась девушка. Даже не так. Не примечталась. И уж тем более не пригрезилась.

Просто мне захотелось, чтобы сейчас и здесь, рядом со мной, оказалась совершенно незнакомая, но чем-то симпатичная девушка. Иногда мне нравится “выдумывать” случайно встретившихся людей, наделять их характером, биографией, привычками, увлечениями. Во мне всегда существовало твёрдое подозрение, что где-то рядом с нами живут необыкновенно “красивые” — умные, интересные — люди, с которыми необыкновенно интересно и душевно общаться; они есть, не могут не быть, только очень уж тщательно маскируются. И мне захотелось, чтобы рядом, вон там — возле телефона-автомата, стояла молодая девушка. О её внешности я не мог сказать ничего определённого; это было совершенно не важно; важно, чтобы в ней (в её облике, манере, во взгляде) было что-то неувлочно симпатичное мне: может быть, даже платье, которое надето на ней, какой-нибудь простенький, чуть наивный в своей старомодности сарафанчик с бретельками, и то, что она совершенно не стесняется этой старомодности наряда, а напротив, смотрит легко и чуть насмешливо, так что кажется — характер у неё тоже лёгкий и слегка старомодный в своей непосредственности. Мне не хотелось ни в кого влюбляться. Напротив, в том-то и прелесть, что вовсе не обязательно с кем-то знакомиться, увлекаться, разочаровываться, мучиться по этому поводу... Свобода — великая вещь, но быть по-настоящему свободным можно только в воображении.

Я невольно взглянул в сторону телефона-автомата, однако вместо воображаемой девушки увидел вполне осязаемого парня со спортивной сумкой через плечо. Парень поминутно поправлял сползавший ремень сумки и оглядывался по сторонам. Поколебавшись, я подошёл к нему.

— Вы не меня ждёте?

— Чё? — белёсые, словно присыпанные тальком, глазки глянули на меня с искренним недоумением.

Я уже понял, что ошибся, но по инерции продолжал спрашивать:

— Вас не Иса зовут?

— Нет, — отрезал парень и отошёл в сторону.

Настроение вновь упало до нулевой отметки. Господи, какого чёрта я тут торчу! На моих наручных часах было без пяти минут одиннадцать. Народу в парке приметно прибыло, а возле кассы даже выстроилась небольшая очередь. Один субъект в ней привлёк моё (да и не только моё) внимание своим видом. Начать хотя бы со шляпы... Впрочем, начать можно было с чего угодно: субъект был одет в длинный, до пят, кожаный плащ чёрного цвета, в чёрную широкополую шляпу, в чёрные солнцезащитные очки и, как ни странно, чёрные же ботинки — с чудовищно длинными и узкими носами. Весь его наряд, несмотря на свою почти клоунскую аляповатость (а может быть именно из-за неё), производил впечатление, скорее, зловещее. И когда, купив билеты, странный субъект направился прямо ко мне, я невольно вздрогнул. Если бы у него в эту минуту оказалась трость с набалдашником в виде головы пуделя, я бы нисколько не удивился.

Но трости не было. Зато была ломаная, обнажающая редкие зубы, улыбка на рябом лице и узкая ладонь, протянутая для рукопожатия. Перед мной стоял молодой, лет двадцати пяти-тридцати, парень, чуть ниже меня ростом, с типично азиатскими чертами лица, но со светлыми, русыми волосами и белой кожей.

— Я сразу догадался, что это вы, — сказал он после краткого взаимного приветствия и тут же добавил:

— Вы не против, если мы прокатимся на колесе обозрения?

Я был против. Я был очень даже против. После одного давнего происшествия я чертовски боюсь высоты. В детстве мы с мальчишками лазили по балконным решёткам, и самым большим шиком считалось забраться таким макаром на девятый этаж, а затем спуститься обратно. Вверх лезть всегда проще, чем вниз, но я тогда не знал этого. Да если бы даже и знал, всё равно полез бы. Уже на спуске, где-то возле седьмого или восьмого этажа, я оступился; меня рвануло вниз так, словно кто-то дёрнул за ноги; прутья решётки выскользнули из ослабевших от напряжения рук. Я непременно разбился бы, если бы не маленький нательный крестик на шнурке, который зацепился за какой-то выступ и на долю секунды задержал падение, но этой микроскопической доли хватило мне, чтобы вновь ухватиться за решётку. И только тогда меня окатило нешуточным страхом, который с тех пор прочно засел во мне и неизменно пробуждался при малейшей попытке “оторваться от почвы”.

Так что прокатиться на “чёртовом колесе” было для меня нешуточным испытанием. Но не станешь же говорить обо всём этом едва знакомому человеку.

— Слушай, у меня сегодня жуткая мигрень, голова просто раскалывается, — начал я врать, хотя самому было тошно. — Может быть, сядем где-нибудь на лавочку и спокойно поговорим?

Но парень оказался на редкость непонятливым. Проще всего было бы плюнуть на приличия, сказать прямо: не поеду и всё, однако самые простые решения, как правило, и самые трудные. Матерясь в душе, я взобрался в шаткую люльку, которая в тот момент поравнялась с дощатым помостом, уселся в жутко неудобное пластмассовое сидение и покрепче вцепился в поручень. Иса сел напротив. Люлька, плавно покачиваясь и погромыхивая цепями, поплыла вверх. Покамест до земли было не так уж далеко: вполне можно спрыгнуть.

“А в самом деле, — подумалось мне, — что если выкинуть фортель: взять да и сигануть через ограждение?”.

Подобные мысли имеют странное свойство — свойство соблазна: чем настойчивее пытаешься их выкинуть из головы, тем сильнее желание поступить наперекор здравому смыслу. Я даже думаю, что в этом-то и соблазн: сделать что-то наперекор, назло, переступить запретную черту, нарушить всякие приличия, всякую логику — и тем утвердить себя как человека, как абсолютно свободную личность, вольную поступать, как ей хочется, — пусть глупо, безумно, бессмысленно, но по-своему.

Мне стоило определённых усилий удержаться от подобного соблазна. Но чем выше подымалась люлька, тем меньше я хотел куда-либо двигаться. Лучше уж вжаться в жёсткое пластмассовое сидение, стиснув рукой поручень, не двигаться и не дышать. А ещё лучше — лечь на пол. Честное слово, я бы так и поступил, если бы не сидевший напротив и что-то увлечённо объяснявший мне Иса. Кстати, что он там тараторит? О какой-то программе? Что ещё за программа?

— Простите, — встрепенулся я, внезапно отвлёкшись от собственных переживаний, — я не совсем понял: это будет телевизионная программа?

— Конечно, я же объясняю...

— И вы хотите, чтобы я писал для неё сценарий?

Иса, подавшись вперёд, накрыл своей плоской ладонью мою кисть, нервно вцепившуюся в поручень.

— Давай на “ты”? О’кей? Мы же партнёры, зачем нужны эти церемонии...

— Я ещё не дал своего согласия.

— Что тут думать? Я бы сам всё написал, но у меня нет времени. Тебе нужно будет просто обработать литературно те идеи, которые я дам. И всё.

С одной стороны, данное предложение показалось мне заманчивым, мне хотелось попробовать свои силы в новом для себя деле (в голове даже мелькнула тщеславная мысль: если я хорошо зарекомендую себя, то смогу через какое-то время начать собственный проект, и тогда — прощай, скучная работа, прощай, серая жизнь!). Но, с другой стороны... я боялся.

— Никакого риска нет, — словно угадав мои мысли, заверил Иса. — Я всё продумал заранее. Люди истосковались по духовности, но им лень читать книги. Посмотри на молодёжь: чем она занята? Побухать, поржать, потрахаться — всё, все интересы. Это же неандертальцы! А почему? Потому что они не видят альтернативы, не видят иной цели в жизни. Мы воспользуемся телевидением, как самым мощным средством массовой информации, для пропаганды духовности. Наша программа будет иметь колоссальный успех. Мы начнём здесь, но вскоре нас будут показывать по всему миру, ведущие телеканалы — BBC, CNN и другие — будут драться за право транслировать нашу программу...

Чем более радужную перспективу рисовал передо мной Иса, тем меньше я в неё верил. Он, видимо, уловил укусный привкус скепсиса в моём лице.

— Это огромные деньги. Ты сколько сейчас получаешь?

Я всегда старался обходить подобные вопросы стороной, поэтому ответил максимально расплывчато: мол, мне на жизнь хватает.

— Ерунда, денег никогда никому не хватает, — резонно заметил на это Иса. — Ну, сколько ты зарабатываешь? Тысяч двадцать в месяц? Тридцать? Будешь получать в тридцать раз больше. Я не проверял ещё, не до того было, но на мой счёт в банке наверняка уже идут пожертвования. А когда мы “раскрутимся”, денег будет столько, что девать станет некуда. Я отвечаю.

В этот момент мы достигли высшей точки “чёртова колеса”.

— Посмотри, — сказал Иса, указывая взглядом на город внизу, — посмотри, сколько домов, и в каждом из этих домов живёт множество людей, и у всех есть телевизоры. Мы войдём в каждый дом, в каждую квартиру. Все будут знать нас. Мы станем более популярными, чем “Битлз”. Не только этот город, но и весь мир будет внимать нам. Потому что мы вернём миру духовность.

Так говорил он, но я почти не слушал, страдая от боязни высоты. Мысли мои путались в напечённой солнцем голове и никак не могли собраться в точку. При чём тут “Битлз”?

— Я мог бы предложить сотрудничество кому-нибудь другому, — предложил Иса, едва разжимая свои тонкие губы, чтобы процедить через них слова, — но выбрал тебя, потому что ты лучший.

Мне сказали, ты лучше всех пишешь прозу. Только не думай, что я предлагаю тебе какую-то очередную халтуру: это творческая работа. Я буду

давать лишь общее направление, а всё остальное целиком зависит от тебя, можешь писать, что хочешь. Я доверяю тебе, потому что ты тоже человек творческий и понимаешь некоторые вещи, которые обычные люди не понимают в силу своей ограниченности. И никогда не поймут, если мы им не растолкуем.

Люлька, в которой мы сидели, начала потихоньку опускаться к земле, хотя это движение пока было почти незаметным. Тем не менее мой страх высоты сразу же ослабел.

— Но что это должна быть за программа? О чём? — задал я наконец-то вопрос, который во всё время беседы вертелся на языке.

— Это должна быть проповедь, — ответил Иса.

— Проповедь? — я испуганно уставился на собеседника, но его глаза были по-прежнему скрыты чёрными очками, а в лице нельзя было ничего прочесть.

Он что, смеётся надо мной? Или это очередной фанатик, вроде того “кришнаита”, который прошлой зимой в сандалиях на босу ногу стоял возле почтамта и пел мантры?

— Мы вернём миру духовность, которую он утратил. Понимаешь? Это сделаем мы. Люди слишком задавлены бытом: работают, чтобы жить, а жить-то и некогда, всё время отнимают работа, домашние дела, семья. Людям хочется вырваться из этого порочного круга, им кажется, что деньги дадут им свободу, но деньги как раз-таки и поработают их. Подлинную свободу даёт только духовность. В Библии недаром сказано: “Взгляните на птиц небесных: они не сеют, не жнут, не собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их”. Мы будем проповедовать духовность, мы дадим людям духовную пищу. Мы будем читать им Библию и Коран. Будем нести слово Божье в массы.

Самое поразительное, что всё это говорилось не только без малейшей улыбки, но и безо всякого возбуждения: будничным спокойным голосом, каким обычно говорят о погоде.

— Мне кажется, — заметил я довольно решительно, поскольку близость земли прибавила мне уверенности, а благодатная древесная тень, в которую мы погрузились, остудила голову, — вы выбрали не того человека, который вам нужен. — (Что было правдой). — Я никогда не писал сценарии. — (Что было не совсем правдой). — И у меня нет склонности к подобной работе. — (Что было неправдой).

— Ну и что? — возразил Иса. — Возьмитесь за эту работу не из склонности, а из гордости. Из желания доказать себе и окружающим собственную профессиональную состоятельность, выявить скрытые возможности, приобрести новые навыки, расширить свой кругозор, набраться опыта...

— Послушайте, вам нужен писарь, человек, который обрабатывал бы ваши идеи, придавал им правильную литературную форму. Лучше всего для этой цели подойдёт кто-нибудь с бойким пером и гибкой совестью. Обратитесь на журфак университета, наверняка там найдутся желающие.

— Я уже был там.

— И что?

Впервые лицо собеседника выразило какую-то эмоцию: левый угол его рта нервно дёрнулся.

— Мне нужен творческий человек. Единомышленник. Мне некогда заниматься мелочами: я даю основную идею, концепцию, а ты должен её развить и воплотить, чтобы представить мне уже готовый результат.

— Тем более не могу. Ваши идеи мне кажутся абсурдными.

— Это свойство всех гениальных идей, опережающих своё время. Если бы ты побольше пообщался со мной, то признал бы это.

Наша люлька поравнялась с деревянным помостом, и Иса отомкнул цепь, заграждавшую выход. Наконец-то под моими ногами было твёрдое основание. Мы пошли по дорожке в сторону телефона-автомата.

— Хорошо, — сказал Иса, внезапно остановившись, — если ты боишься писать сценарий, возьмись за письма. Тут уж точно большого таланта не требуется.

— Какие письма?

— Я уже написал Брюсу Уиллису и Папе Римскому. Но у меня нет времени писать всем. Займись этим.

— Но что писать-то?

— Я хочу собрать всех самых известных людей вместе: президентов, писателей, музыкантов, актёров, священников, учёных — всех, кто чем-то прославился. Понимаешь? Собрать их на берегу Аральского моря, чтобы они притащили оттуда корабль...

— Какой корабль?

— Любой. Там ведь много брошенных кораблей, которые никому не нужны. Мы возьмём какой-нибудь из них, впряжём всех знаменитостей в одну лямку, и пусть они тащат его.

— И... и куда они будут тащить этот корабль? — слегка заикаясь спросил я.

— До Аркаима. Когда они водрузят корабль в центре Аркаима, вся энергия совместного труда, которая скопилась в его корпусе, уйдёт вверх и разольётся вокруг Земли, пропитав информационное поле планеты. Люди перестанут враждовать и объединятся для созидания Царства Божьего. А я буду их вдохновлять и направлять на путь истинный.

Чувство реальности покинуло меня окончательно. Я исподволь всмотрелся в рябое лицо Исы, пытаюсь по его выражению определить имею ли дело с сумасшедшим или же с вменяемым человеком, который из каких-то непонятных соображений прикидывается дураком. Но так и не определил. Эти чёртовы телевизионщики любят разыгрывать людей, так что где-нибудь под кустом запросто может лежать оператор с видеокамерой.

Я оглянулся вокруг и поразился тому, что был уже поздний вечер: солнце зашло, но уличные фонари почему-то зажгли только на центральной аллее, откуда доносились пьяные выкрики и гогот. Аттракционы замерли. Вместо густого "баритона" двигателя, вращавшего "чёртово колесо", мелко стрекотали своими игрушечными электромоторчиками сверчки. Прохладный северный ветер, дувший с самого утра, теперь казался пронизывающим, словно стоишь голым по пояс, а тебя обдаёт колодезной водой из ведра.

"Что ж это с памятью-то моей деется? Ведь только что был полдень", — подумал я и даже мотнул головой, стараясь прогнать наваждение, но всё осталось как прежде. Иса теперь стоял спиной к ярко освещённому зданию ночного клуба, построенного на месте снесённого в тридцатые годы

собора, так что я мог видеть лишь силуэт своего собеседника. Ощущение было такое, словно разговариваешь с тенью.

— Если ты согласен, можем сейчас же подписать контракт, — произнёс Иса, и голос его прозвучал как-то неожиданно низко.

Мне стало не по себе: кто знает, что можно ожидать от сумасшедшего.

— Я уже говорил, что считаю себя не тем человеком, который вам нужен.

— Я решаю, кто мне нужен. Думаешь, я ерундой занимаюсь? Мне тридцать лет. Я взрослый человек, у которого было всё: жена, дети, дом, работа. Я всё бросил, чтобы нести людям духовность. Понимаешь, всё! Я отрёкся от прошлого! От мирской жизни! И ты думаешь, что можешь мне мозги парить?

— Но...

— Даю тебе срок до утра. Подумай. Завтра я позвоню, и ты должен будешь дать ответ. Только хорошо подумай. Меня зовут Иса, и если я пожалуюсь своему отцу, — он взмахнул рукой, — то ты вечно будешь сидеть в яме по горло в кипящем дерьме, вместе с другими грешниками, которых я проклял...

С этими словами Иса круто повернулся и зашагал прочь от меня — по направлению к ночному клубу. Я следил за его силуэтом в широкополой шляпе и развевающимся на ветру плаще до тех пор, пока он не скрылся за угол, после чего ноги сами направили меня в прямо противоположную сторону.

В этом конце парка всегда было темно и безлюдно. Поднимаясь по ступеням — там, где небольшой перепад высот, я невольно оглянулся: обесцвеченные сумеречным освещением, но достаточно чётко различимые в нём, деревья и кустарники как-то неестественно медленно и абсолютно беззвучно колыхались всей массой, словно погружённые в толщу прозрачной воды, и среди них, будто окаменев (ни один лист не шелохнётся!), стояла старая, исковерканная временем, осина.

“А что, если...” — мелькнуло вдруг в голове, но ещё до того, как я успел обратить эту мысль в слова, нешуточный озноб ободрал мне спину до самого позвоночника.

Другое поколение

Больше всего раздражают сотовые телефоны. С этой напастью бессмысленно бороться: можно сколько угодно ругаться, наказывать, увещевать, но хотя бы раз во время урока обязательно раздастся звонок, мгновенно переключающий всеобщее внимание с сульфатов и липидов на суету и тревожный лепет: “Я сейчас не могу говорить долго, у меня занятия...”. “Камчадалы” же и вовсе загородились сумками и слушают какие-то ритмически организованные хрипы (гхр-гхр-гхр), словно кто-то пытается и никак не может отхаркнуть мокроту.

— Господа, я не сильно отвлекаю вас своими рассказами? Нет? Я понимаю, что очередная чушь очередной звезданутой бездарности интереснее органической химии, но всё-таки уберите “сотку”: не мешайте заниматься тем, кто хочет...

— А разве вы слушаете современную музыку?

— Смотря что вы подразумеваете под “современной музыкой”. Эдуард Артемьев — тоже пишет современную музыку.

— Мы имеем в виду популярную музыку, которую по радио крутят.

— Нет, такое я не слушаю. И другим не советую. Это вредно для здоровья: “пониженные коленные рефлексы, скверный аппетит, угнетённое состояние духа”.

— Как же вы можете судить о том, чего не слышали?

— А то я других не слышал! Не обязательно есть тухлятину, чтобы убедиться, что она тухлая.

— Что же вы слушаете?

— Я?.. гм... Разное... Высоцкого, например...

— Вы слушаете это старьё?

— Почему же “старьё”? Ему сейчас было бы семьдесят лет: конечно, возраст солидный, но это практически наш современник.

— Всё равно — старьё! То, что он поёт, сейчас не актуально.

— Чушь! Искусство (если это действительно искусство, а не ширпотреб) не может устареть. Это всё равно как если бы... не знаю... сказать, что устарела весна или объявить неактуальным чувство утренней прохлады...

— Вы так говорите, потому что Высоцкий был кумиром вашего поколения. Но сейчас у молодёжи другие кумиры.

— Во-первых, молодые люди, я впервые услышал Высоцкого, когда его уже лет пять как не было на свете. Так что мои оценки в этом отношении абсолютно беспристрастны: я человек другого поколения. А, во-вторых, все гении были голосом своего поколения, гениальным оправданием определённой эпохи, которая без них так и осталась бы немой и бездушной. Высоцкий был абсолютным (то есть вневременным) выражением и оправданием своей эпохи. Именно это и делает его творчество и его личность бессмертными: читая или слушая Высоцкого, мы дышим одним воздухом с ним, чувствуем то, что чувствовал он, задумываемся над теми же вопросами. Дай бог, чтобы ваше поколение сумело выразить себя, свой духовный опыт столь же полно.

... Всё-таки они меня заболтали. Это плохо: я заспорил по поводу Высоцкого и не успел до звонка с урока дать весь материал, который наметил. Впредь нужно не отвлекаться. Хотя...

— Ты что-то хотел спросить?

— Да. У меня на DVD есть редкие записи Высоцкого, его концертов и интервью. Хотите посмотреть?

— Спасибо, очень интересно.

— Двести тенге...

г. Костанай.

Татьяна НИКИТИНА

“Займётся радостью душа...”

Навстречу жизни

Начала не было у сна,
Но он открылся среди света.
Часть существа Земли — весна
Уже вовсю ваяла лето.

Она над влагою снегов
Склонялась, поле обнимая.
От луж, лучей и сквозняков
Апрель летел навстречу маю.

Вновь его музыка звучит
Над несмыслённостью побега.
Опять в движении лучи
Навстречу жизни из-под снега.

Пощёчины апрелю

Ничего элементарней, —
Если жизнь промчится снова.
Но как горько робким парнем
Ты вздыхаешь из былого!

И открывшиеся раны
Ты несёшь с собой в изгнание,
Чтоб в размытых ритмах рваных
Не забыть земли звучанье.

**Татьяна
Васильевна
НИКИТИНА**

родилась 11 февраля 1955 года в г. Рубцовске Алтайского края. Всю сознательную жизнь прожила в Казахстане. Окончила филфак Целиноградского пединститута, работала в комсомоле, на поприще культуры, в средствах массовой информации. В 1999 году создала творческое объединение “Вдохновение” и школу-студию для молодёжи и подростков. В 2005-2006 годах выпустила три сборника стихов и две книжки для детей. От изящной словесности плавно перешла к ажурной стали. В настоящее время занятия творчеством сочетает с производственной деятельностью, строит здание своего будущего издательства.

Постоянный автор “Нивы”. Живёт в Астане.

От какой такой погоды,
Как пощёчины апрелю,
Зазвучали наши годы
Раздражающей капелью?

Есть ли верные приметы,
Чувств, что нам необходимы?
Надо много, много света,
Чтоб увидеть их смогли мы!

Внутри себя

Когда растерянною тенью
На ошупь свой отыщешь путь, —
В нескладном третьем измеренье
Про рай обещанный забудь.

Благослови свои несчастья,
Переживи их все любя.
Найди запрятанное счастье
Внутри бесценного себя.

Перемещаюсь

Перемещаюсь от тревог,
От серых будней и обид
На твой сияющий порог
К душе, которая магнит.

Теплу, забытому в снегу,
Давно со мной не по пути.
Но на заветном берегу
Мне солнцем хочется взойти.

Всё, что мечтала изменить,
Сегодня вслух я назову,
Ослабевает, рвётся нить...
Так долго прошлым не живут.

Новогодний сон

Заветный сон
 спускался постепенно,
Струился он в ладони
 серебром.
Он в декабре
 отметился степенно,
Чтоб в январе
 исполниться потом.
Была ты в нём
 хрупка и поэтична,
Прозрачна и
 в луче растворена.

И не огнём,
 не чем-то хаотичным,
А необычным чем-то
 зажжена.
Закатный луч,
 как копия рассвета,
До твоего
 дотронулся лица...
Теперь я знаю —
 вдохновенье это —
Волшебная
 энергия
 творца!

Фактор зрелости

Не эмоций желать хотелось бы.
А того, что трудней добыть,
Равновесие — фактор зрелости
У сверхточных весов судьбы.

Столько поводов есть расстроиться
И сломаться, уйти в утиль.
Не сдавайся, стучись, откроется
Равновесия хрупкий штиль!

Тонкий план

Ошеломляющая статья.
Из сердцевины самой нить.
Как, не касаясь, обожать?
Как не словами говорить?

Меня чувственную суть,
Мечусь огнём внутри себя.
Кого ещё прошу я — будь,
Когда в движение снова я?

Перемещается душа
По параллели золотой.
Казалось, стоит сделать шаг
До абсолюта надо мной...

Но вопреки движенью сфер,
Внутри открывшихся миров,
В пределе — делаю замер,
Перемещаясь под покров.

Опять

Вот и ещё судьбы зигзаг,
А дальше — сказка не про нас...
Устал от чуда старый маг,
И звёзды катятся из глаз.

Дрожит завеса бытия,
Других реалий полотно,
Где среди сфер звезда моя
С твоею движется давно.

Не затмевать, а озарять
Не научились мы пока.
И потрясения опять
Нас разлучили на века.

Ожесточённому

Тебе казалось —
 рухнул свет,
Всё проклял ты
 внутри себя,
Бежал от знаков
 и примет,
Ожесточаясь
 и скорбя.
Но как проклятие
 согреть?
Застыли около...
 лучи.
Ты предпочёл душой
 стареть?
Чтоб в слепоте своей
 почить.
Смиренно ждут
 лучи любви,
Накрыв тебя,
 как два крыла,
Увидь, почувствуй,
 призови,
Чтоб жизнь в обиде
 не ушла.

Когда-нибудь

Земли рассветная волна
Далёких звёзд уносит свет.
Вот и опять в судьбе весна,
Но ощущения счастья нет.

Я пью нектар живой росы,
Ищу покой у сонных трав.
Но эти звёздные часы
Уходят, дань тревог собрав.

Не обозначены пути,
Где ты теперь, желанный свет...
Но хоть когда-нибудь приди,
Пусть через много-много лет.

Когда любимые уходят

Когда любимые уходят
Из нашей гавани домашней, —
Мы ищем их на небосводе,
Всё возвращаясь в день вчерашний.

Там за занавесью, за дверцей,
Судьбы сияющая чаша.
Она струится в наше сердце
Как составляющая наша.

Когда любимые уходят,
Нас оставляя в том сиянье, —
Мы словно рядом в их походе,
Мы словно нервы мироздания.

Звёздный роман

Сокрушаюсь ли я
 о потерях бесценных,
Ощущаю ли радости
 звонкую нить, —
Суть вещей бытия
 всё равно неизменна,
Не принять их нельзя
 и нельзя упростить.
Кто-то в прошлом нас держит
 своею любовью,
Но цикличности круг
 для свидания дан,
Мы навек расстаёмся
 сегодня с тобою,
Чтоб потом среди звёзд
 свой продолжить роман.

Займётся радостью душа

Когда уйдёт
 моя беда, —
Я буду праздновать
 уход.
Я провожу её,
 и та
Не повторит
 моих забот.
И, раскрываясь
 не спеша,
Вдохнув священного
 огня,
Займётся радостью
 душа
Во всех святилищах
 меня.

Ещё не всё...

По особенным приметам
Ты найдёшь меня повсюду.
Я тебе отвечу светом,
Заглянув из "ниоткуда".

Греясь чувствами простыми,
Мы — событие этой даты.
Тыохранишь с любовью имя,
Так мне шедшее когда-то.

Ни момента не пропустим
В этом веере реаний.
Только пусть не будет грусти,
Что ещё не всё сказали.

Уплывут миры в безбрежность,
Позабыв о верной паре.
Только нас отыщет нежность, —
Мы ещё не всё сказали.

Вдохновение многомерное

Как знамение и милость
Над усталыми словами.
Наконец, оно спустилось
И взмахнуло кружевами.

Увело из кельи душевной
И повисло на ресницах,
Очарованную душу
Отпустило в небо птицей.

Многомерное пространство,
Приоткрывшее завесу,
Возвратит меня из странствий
Но какою — неизвестно.

Юрий ПОМИНОВ

Хроника смутного времени*

Записки редактора

Вместо предисловия

“Записки редактора, который хотел остаться человеком”

“Главный герой “Записок” — время, наше реальное время, которое прожили, но так и не пережили, не осознали, а значит, и не преодолели.

Записки Юрия Поминова — это дневник человека, который как бы лишён права на нормальную, самую обычную человеческую жизнь...

Когда государственная партийность и классовость в литературе лопнули, как мыльный пузырь, выяснилось, что единственной реальной ценностью так и остался человек, который оказался один на один со своей совестью...

Огромное количество имён, фамилий; исторических деятелей, просто “деятелей”, и просто — людей. Но этот калейдоскоп не мешает, а насыщает текст и создаёт стереоскопический объём изображению.

*Первая книга “Хроники...” опубликована в № № 6-12 “Нивы” за 2007 год.

Юрий Дмитриевич ПОМИНОВ

родился 22 февраля 1953 года в Купинском районе Новосибирской области.

В Казахстане с 1955 года, вырос в целинном совхозе “Михайловский” Павлодарской области. В 1977 году окончил факультет журналистики КазГУ имени Кирова. Работал корреспондентом в районной газете, с 1977 года — в павлодарской областной газете “Звезда Прииртышья”, с 1988 года — редактор этой газеты. С 1991 года — член редакционного совета журнала.

Очерки, статьи, рассказы, новеллы Ю. Поминова публиковались в журналах “Простор”, “Нива”, “Журналист”, “Огонёк”, в альманахах Ростовской

писательской организации “Южная звезда”, “Ковчег”, в коллективных сборниках “Лик земли”, “Талант владеть землёй”, “Отцовское поле”, “Книга надежд” и других.

Автор книг: “Крупный клин” (1990 г.), “Помню и люблю” (1993), “Характеры” (1997), “Живу” (1998), “Мои современники” (1999), “Между прошлым и будущим” (2002), “Блёстки” (2003), “Хроника смутного времени. Записки редактора” (книга первая, 2007).

Лауреат премий Союза Журналистов Казахстана (1980, 2000 и 2003), конкурса “Казахстанская литература-2000”, объявленного фондом “Сорос-Казахстан”, республиканской премии имени Г. Толмачёва (2008).

... Поражает искренность и... субъективная честность автора “Хроники”. Чего стоит его вера в возможность “перевоспитания” своих высокопоставленных начальников и оценка их по “нормальным” человеческим критериям?!

... У русского писателя всегда были чуткость и поразительное умение слышать гул жизни, а не только свою боль от её ударов...

Записки Ю. Поминова — в системе толстовского нравственного самосовершенствования. С одной поправкой, ужесточающей этическую задачу. Это формула самовыживания, попытка быть честным, хотя бы перед самим собой, способ нравственного самосохранения...

... Вообще, эта книга — для равнодушного, вездливого читателя, а такие, не сомневаюсь, сохранились”.

П. Чурсин,

*кандидат филологических наук.
Журнал “Нива” № 12, 2007 год.*

“Летопись, пропущенная через сердце”

“По просьбе автора ещё в начале 2005 года прочитал рукопись этой книги. И прочитал почти не отрываясь, как говорится, на одном дыхании...”

Как и в предыдущих своих книгах, Юрий Поминов и в этом произведении выступил приверженцем “литературы факта” — так ещё именуют документальную прозу, уже в названии... чётко обозначив жанровую направленность точным словом “Хроника”. “Хотя смысловая нагрузка ложится на “смутное время”).

... Основным фигурантом, главным героем поминовской летописи-хроники является Время — сложное, противоречивое, многослойное и многообразное. Именно это автор и стремится воссоздать в своей книге...

Мне кажется, автору удалось создать в своей летописи, пропущенной через сердце, вполне объективный и убедительный портрет Времени”.

Владимир Гундарев,

*гл. редактор казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала “Нива”.
“Литературная газета Казахстана”,
г. Алматы, 2007 год.*

“Демократия в действии”

“Помимо прочих эпохальных событий автор описал свои впечатления от первых альтернативных выборов народных депутатов СССР, куда первые секретари обкомов Компартии Казахстана шли безальтернативно.

... Готовятся к печати второй и третий тома “Хроники”, куда войдут и впечатления от последующих казахстанских выборов”.

Ольга Воронько,

газета “Время”, 18 августа 2007 года.

“... Хроника, или, что то же самое, летописи — это далёкое прошлое, это монахи, которые в тишине древних монастырских келий записывали самые важные события жизни народной: “... да ведают потомки православных Земли родной минувшую судьбу...”. Это преподобный Нестор, Летописец российский, автор “Повести временных лет”... Или Пимен у Пушкина... Поэтому подумал: что тут мог написать Ю. Д. Поминов?

Когда же начал читать, то был удивлён... Оказывается, возможна летопись, автора которой ты знаешь лично, в которой запечатлены события, разворачивающиеся на твоих глазах и участником которых ты был...

Интересно было узнать, как “партийный орган”, т. е. “Звезда Прииртышья”, “обратился” к религии; впервые напечатал интервью с православным священником и информацию о реставрации старейшей мечети...

Ваша “Хроника” — уникальный исторический документ, который в будущем станет драгоценным источником для историков, неоценимым свидетельством жизни личности и общества в то “смутное время”. В будущем, когда появится временная перспектива, историки осмыслят Вашу “Хронику” (уверен — многотомную, и напишут для граждан Казахстана историю крушения тоталитарного общества... и перехода к новой жизни.

Пусть Всевышний даст Вам силы летописать и дальше!”.

Игумен Иосиф (Ерёменко)

26 августа 2007 года.

“Хроника смутного времени”

Книга раскрывает образ человека, переживающего распад СССР, крушение былых идеалов, разгул анархии в экономике и политике, борьбу старого с нарождающимся новым. Сомневающегося в том, правильно ли поступил он и те, о ком он пишет, в той или иной ситуации. Пытающегося в размышлениях “заглянуть за горизонт”, чтобы найти истину.

... Автор на срезе павлодарского Прииртышья сумел дать панораму событий, сомнений и надежд как отдельных людей, так и всего народа.

Записки редактора, рассказывая о пережитом, как бы предупреждают, что нельзя бросать камень в прошлое — попадёшь в будущее”.

Сергей Горбунов,

“Казахстанская правда”, 18 сентября 2007 года.

“Хронику” читала вдумчиво и вновь переживала эти действительно смутные времена... Среди этой публицистики нет-нет да и проскальзывают такие щемяще-поэтические строки...

Думаю, что через 30 лет книга действительно станет учебником, по которому будут учить, как нельзя жить. Ну а то, что это детектив агонизирующей советской эпохи — это факт...”.

Ирина Круч-Загассер,

журналист, ФРГ, 11 ноября 2007 года.

“Летопись нашей жизни”

“Эта книга уникальна тем, что события из жизни автора подаются через призму глобальных событий великой страны и наоборот. Благодаря этому, а также благодаря очень последовательному повествованию (именно кропотливым, практически ежедневным записям) создаётся такая объёмность событий.

Ещё к достоинствам книги необходимо отнести необычайную деликатность автора в оценке личностей, ведь в ней очень много героев...

“Хроника смутного времени” — это остросоциальное произведение, и хоть говорят, что история ничему не учит, из этой книги можно вынести множество уроков”.

Наум Шафер,

кандидат филологических наук, профессор.

“Если бы я был Белинским, то назвал бы “Хронику” энциклопедией нашей жизни...” Форма изложения — простейшая, но в книге много художественного и поэтического. В редакторские записи автор ввёл семью, друзей, быт, чувства, И это тоже рисует эпоху...”

Евгений Азаров,

*бывший первый заместитель председателя Павлодарского облизполкома,
председатель объединения “Павлодар — наш общий дом”.*

“... Читал эту книгу и думал: “Боже мой, в какое время мы живём!”. Многие события, описанные в “Хронике”, я оцениваю совершенно иначе, чем автор... Но это не самое важное: в ней собрано столько фактического материала, который сейчас позабыт даже нами, участниками тех событий... Мне бы очень хотелось прочитать оценку сегодняшней жизни в изложении Поминова...”

Борис Исаев,

*бывший первый секретарь Павлодарского обкома
Компартии Казахстана.*

“Марина Цветаева писала в предисловии к одной из своих ранних книг: “Все мы пройдем. Через пятьдесят лет все мы будем в земле. Будут новые лица под вечным небом. И мне хочется крикнуть всем ещё живым: “Пишите, пишите больше! Закрепляйте каждое мгновение, каждый жест, каждый вздох! ... Нет ничего не важного... Всё это будет телом вашей оставленной в огромном мире бедной, бедной души...”

И Поминов следует этому призыву великого поэта.

Ольга Григорьева, поэт.

“Звезда Прииртышья”, 22 ноября 2007 года.

“Души откровенный дневник”

“Пытаясь сохранить своё прошлое,... многие обращаются к ведению дневников. Однако далеко не у всех хватает терпения тщательно вести записи, отслеживая всю жизнь и жизнь вокруг. И лишь единицы пишут так, что это интересно прочесть не только им самим и их близким, но и всем их современникам, в той или иной мере причастным к эпохе, о которой идёт речь. К их числу относится и редактор “Звезды Прииртышья” Юрий Поминов, написавший “Хронику смутного времени...”

Марина Мазинова,

“Обзорение недели”, 23 ноября 2007 года.

“Хроника смутного времени” рассказывает о сложных и противоречивых событиях конца восьмидесятых — начала девяностых годов двадцатого века, предшествующих распаду СССР. В ней день за днём воссоздаётся неповторимая мозаика нашей жизни, которая сегодня уже стала историей...

Размышления о времени и о себе, о читателе и газете, с которой связана практически вся жизнь автора; раздумья о человеческих судьбах, характерах и взаимоотношениях — всё это находит отражение в книге”.

Наталья Дворянинова,

“Регион KZ”, 30 ноября 2007 года.

“Над схваткой”

“Книга Ю. Поминова — летопись последних дней страны, написанная “без гнева и пристрастия”. Вместо жёстких критических оценок в адрес высшего руководства — понимание и попытка разглядеть людей за политическими масками. Вместо негодования и брюзжания объективность и взвешенность суждений.

Юрий Поминов напоминает нам о прошлом, которое мы постарались поскорее забыть, вычеркнуть из памяти как нечто постыдное. А ведь история не знает стыда, в своих кладовых, как под музейным стеклом, она хранит всё — и дурное, и радостное”.

Наталья Горская,

“Литературная газета” (г. Москва), № 23, 4-10 июня 2008 года.

“... Хотя события происходили не в нашем регионе, но подобное переживалось и нами, мной в частности. Поэтому читается вещь с огромным интересом... Читал Вашу “Хронику” в “Ниве” — как увлекательнейший роман. Спасибо Вам за неё, надеюсь, что будет и продолжение...”.

М. Мусин,

заслуженный журналист республики, г. Усть-Каменогорск.

“Сама идея переплести свои личные дневники с каждодневными событиями в области, стране, мире, пропустить эти события через сердце своё — очень хороша...”

“Записки” — прямое свидетельство того, что самые интересные романы пишет жизнь... Согласна с одним из рецензентов: в “Хронике” очень точно воспроизведён гул той нашей жизни...”.

Татьяна Гольм (Конобейцева),

г. Дипхольц, ФРГ, июнь 2008 года.

“... Хронику смутного времени читал, оставив все книги, которые надо было прочесть. Возвращаясь во вновь пережитые годы, удивляюсь как быстро ушло то, что казалось незыблемым и данным навсегда. Зафиксированные на бумаге факты каждодневной жизни становятся под пером автора “Хроники” документом-летописью времени... Верю каждому слову, понимая что значит настоящая журналистика, какой силой обладает правда факта и непредвзятость в оценках прожитого. Да вдобавок ещё чувство слова, которым автор владеет по-писательски...”.

Эдуард Барсуков,

член Союза писателей России,

г. Ростов-на-Дону, сентябрь 2008 года.

Книга вторая

(январь 1992 года — декабрь 1993 года)

1992 год

3 января

Пришёл с десяток откликов на заметки Штарка “Кем работал Ермак?”, в котором Роберт предлагал не спешить со всякого рода переименованиями. В письмах резко и определённо вырисовываются две непримиримые позиции: русские и примыкающие к ним авторы отстаивают право на существование и памятника Ермаку и нынешнего имени города, утверждая, что это историческая фигура — гордость русской нации; а казахи пишут прямо противоположное: Ермак — разбойник, бандит с большой дороги и не имеет никакого права на увековечение в казахстанском городе, поскольку принёс казахскому народу одни только беды и несчастья. У каждой стороны — свои неопровержимые доказательства: первые, помимо прочего, говорят, что нельзя воевать с памятниками — это не цивилизованно; а вторые берут в союзники Льва Толстого, у которого есть небольшой очерк о Ермаке, где этот герой и впрямь предстаёт скорее антигероем. В позициях обеих сторон сквозят непримиримость и нежелание хоть сколько-нибудь прислушаться к мнению и аргументам “противника”. Между тем заметки Штарка — спокойные и корректные по тону, аргументированные — и призывали к благоразумию, предостерегали от поспешных шагов, способных обострить межнациональные отношения. К тому же в Ермаке преобладает неказахское население, и это тоже надо иметь в виду...

Мы думали: эта публикация остудит страсти, заставит кое-кого задуматься, а она вызвала новый всплеск эмоций. Так что вряд ли имеет смысл дискутировать по этому поводу дальше... Понимаю — и это не выход, опять будут недовольные с обеих сторон, но бесполезно давать спорящим трибуну, когда они не способны услышать друг друга.

Получили по телетайпу указ Н. А. Назарбаева о либерализации цен с 6 января. Отныне цены на большинство товаров и услуг станут свободными, а на продукты и некоторые товары первой необходимости — фиксированными (в три-пять раз выше нынешних). Говорят, Н. А. не хотел идти на эту меру в пожарном порядке, но Ельцин тоже не захотел отступать от намеченного срока...

Может, оно и к лучшему: уж лучше ужасный конец, чем ужас без конца.

Сегодня же в обладминистрации была встреча с представителем президента — куратором нашей области, который проверяет — как выполняется у нас указ президента о социальной защите населения. Большинство руководителей, которым он адресован, говорили на встрече об одном: указ декларативен и не содержит механизмов реализации. И это действительно так: не выполняется даже один из главных пунктов указа — о повышении на 90 процентов зарплаты бюджетникам, потому что должно быть

ещё какое-то постановление к указу. Да и эти 90 процентов теперь, после либерализации цен, будут, как выражается в подобных случаях моя мать, всё равно что мёртвому припарки.

Получил в “Турбанке” сберкнижку с положенными мне дивидендами по акциям “Гинзenga” — малого предприятия Рузиля Гарифуллина, куда я вложил год с лишним назад три тысячи рублей. И оказалось “заработал” сразу 7200 рублей — т. е. почти в два с половиной раза больше, чем вложил. Сумма по прежним временам для меня немыслимая — я столько никогда в руках не держал. Впрочем, и теперь не подержу: наличности в банке — кот наплакал, да и купить на эти деньги, если мне бы их отдали, вряд ли что можно: товаров в продаже практически нет, а оставшиеся через пару дней ещё неизвестно сколько будут стоить.

По совету того же Гарифуллина перечислил пять тысяч рублей на акции его нового малого предприятия — “Флора”. Уверяет: так они не только не обесценятся, но принесут ещё и новые деньги. Дома надо мной смеются: надо было взять деньги — на них хоть что-то можно купить... Поживём — увидим, кто прав.

Дурацкий сон... Наше время... Меня зачем-то вызывает П. И. Ерпилов — бывший первый секретарь обкома (во сне он предстаёт действующим). А в главных помощниках у него почему-то А. В. Руцкой. (На деле — нынешний вице-президент России). И они вдвоём склоняют меня к опубликованию некоего материала. Я — против и даю понять, что эта затея сомнительна. Но они продолжают настаивать — не грубо, но как-то привязчиво. Ерпилов даже недоумевает: что тут особенного, и вообще, не мы ли, мол, тебя вырастили — редактором сделали?

При этом Ерпилов сидит не в своём кабинете, а в другом помещении — огромном, темноватом, похожем на склад или ангар, где ему отгорожен каким-то барьером угол со столами, сомкнутыми буквой “Г”. Оглядываясь по сторонам, я начинаю замечать, что тут, похоже, давно не убрали: всё кругом замусорено бумагой, ошмётками засохшей грязи и ко всему прочему перед столом громоздится бочка (или бак?) со старыми арбузными корками.

“Неужели это он один столько наел?” — изумляюсь я и тут же догадываюсь: да нет, тут, скорее всего, все члены бюро угощались...

В итоге мы так ни до чего и не договорились... Выходим вместе с Руцким (внешне его облик полностью совпадает с нынешним вице-президентским, но я всё же не уверен — он это или другой человек), и я ему говорю в сердцах: “Ну ладно Ерпилов, а вы-то зачем пускаетесь в эту авантюру?”. Он в ответ — невразумительно, что-то вроде, мол, надо, Федя, надо.

Что к чему?

Уже возникли первые серьёзные разногласия у России и Украины. Поскольку Крым, подаренный в своё время Хрущёвым Украине, теперь де-факто принадлежит ей, то и базирующийся там Черноморский флот она не прочь объявить своим. И делает кое-какие шаги в этом направлении.

Группа российских депутатов тут же заявила, что это противоречит неким первоначальным договорённостям. Высшие российские власти хранят по этому поводу гробовое молчание.

“Комсомолка” дала подборку писем из армии: офицеры и солдаты пишут о проблемах, которые могут стать неразрешимыми при разделе (развале?) армии.

Оценки зарубежных специалистов по поводу либерализации цен — от сдержанных до откровенно скептических. Один из авторитетов в этой области прямо заявил: либерализация цен в том виде, в каком мы её проводим, то же самое, что прыжок с летящего самолёта, но без парашюта.

Цены пошли вразнос, товаров, правда, по-прежнему нет, а те, что остались, большинству не по карману.

В Молдавии из-за дороговизны оказались затаренными молочные отделы магазинов, и теперь эти продукты отправляют на переработку.

4 января

В одном номере два весьма примечательных “официоза” — указ президента о мерах по либерализации цен и новогоднее обращение Н.А. Назарбаева к горнякам Караганды и Экибастуза. В обращении обосновывается выбор Казахстана — путь радикальных реформ — и содержится призыв к шахтёрам воздержаться от забастовок и других акций протеста, чреватых параличом экономики.

“Мы с вами в одной лодке, — говорится в обращении, — а она плывёт вперёд лишь тогда, когда никто не сушит вёсла, когда все гребут в одном направлении”. И далее: “Я уверен, что в 1992 году нам удастся заложить фундамент цивилизованного будущего”.

Кроме указа президента об отпуске цен на волю, публикуем установленный Кабинетом министров перечень продукции, работ и услуг, на которых применяются государственные регулированные цены. Это электрическая и тепловая энергия, уголь, нефть и газ, моторное топливо, драгоценные металлы, все виды грузоперевозок, а также продукты питания, товары первой необходимости — хлеб и мука, молоко и молочные продукты, растительное масло, детское питание, соль, сахар, водка, топливо для населения, лекарства, квартплата, услуги пассажирского транспорта и основные услуги связи.

Мяса и мясoproductов (включая колбасы) в этом списке нет.

При этом цены на товары и услуги первой необходимости повышаются в среднем в три-четыре раза (минимум — в два раза, максимум — в пять).

В Иртышском районе теперь тоже есть свой президент, пишет наш собкор Г. Жаманбалинов. Им стал В. Миллер, бывший директор совхоза “Панфиловский”, на базе которого создана ассоциация из двенадцати самостоятельных малых предприятий.

В прессу просочилась информация о том, что в Казахстане ведётся подготовка к введению собственной свободно конвертируемой валюты.

В Грузии идут полномасштабные бои. Президент Гамсахурдиа воюет с оппозицией и, похоже, дни его сочтены. Оппозиция объявила Гамсахурдиа низложенным и о том, что отныне органы власти должны подчиняться ей. А он, в свою очередь, объявил мобилизацию и сдаваться не намерен, хотя почти все сторонники давно его покинули.

Вот тебе и первый законно избранный президент суверенной Грузии. Именно диктаторские замашки потомка грузинских князей и его полная несостоятельность на президентском посту в столь смутное время привели к кровавому финалу. Выходит — быть гонимым, быть диссидентом, быть образованным, иметь благородные корни (всё это было у Гамсахурдиа) совсем недостаточно для того, чтобы стать дееспособным президентом. Видно, борьба с тоталитаризмом, которой Гамсахурдиа, по его словам, посвятил всю свою жизнь, заразила той же болезнью его самого. Теперь на нём кровь — кровь очень многих людей.

Зашёл сегодня в “Кооператор”, где торгуют “облпотребсоюзовскими” продуктами. Мяса нет, копчёные колбасы — от 43 до 51 рубля, покупателей — ни души.

На базаре свинина — по 40-45 рублей, говядина — по 40, конина — по 35-45 рублей. Берут, особенно свинину... Я зашёл в государственный магазин и купил ещё “нелиберализованные” морковку, свёклу, редиску по смешной цене — меньше рубля за килограмм.

Провожал племянницу Ларису Лиханову в Железинку. На автовокзале — толчея, грязь, неразбериха, большинство касс не работает. Кое-как купил билет за 17 рублей (ещё недавно он стоил четыре рубля). Рейс отменили, кое-как обменял билет на другой. До него было ещё полтора часа — пошли с ней на соседнюю “толкучку” и в магазины. В промтоварных магазинах продавали лосьон “Женьшень” (наш “космофармовский”) по девять рублей за флакон (в шесть раз дороже, чем было) и китайские зонтики по 203 рубля (сколько стоили прежде — не знаю). Апельсиновая жвачка, стоившая 50 копеек, теперь идёт по 15 рублей (пять жвачек), шапку из кролика предлагают за 450 рублей. Ещё один продавец, вежливо именовавший меня “батей” (может быть, потому, что я был в полущубке?), настоятельно предлагал будильник за 75 рублей. В новых ценах я пока никак не ориентируюсь.

А Лариса, кстати, так и не уехала, отменили и второй рейс. Взяли с ней третий билет — теперь уже на утро.

Так безобразно прежде автобусы никогда не ходили.

6 января

Итак, цены отпущены, но в магазинах по-прежнему пусто. Новую, повышенную зарплату людям не выплатили — нет наличных денег. Хлеб

продаётся свободно: булка белого стоит один рубль девяносто копеек (хлеб был по 24 копейки, а перед отпуском цен — по 64 копейки). Сахар — по 7 рублей за килограмм вместо прежних двух, но продавать его будут по спискам — по полкилограмма в месяц на человека. Грузинский чай — 66 рублей за килограмм — подорожал почти в десять раз. Аптеки закрыты — идёт переоценка. Услуги быта подорожали в шесть-семь раз. Ясно, что многие люди, если не подавляющее большинство, оказываются в нищете. Пока ещё у всех есть старые запасы, а как будем жить потом?

Дочитал художественно-публицистическую повесть В. Тендрякова о Ленине. Поразительно глубокая, умная вещь. Размышляя о пережитом, прочитывая и сопоставляя всё, что ему попадало в руки, Тендряков задолго до всех сегодняшних “открытий” блестяще показал бессмысленность и бесчеловечность сделанного Лениным и его соратниками, всю глубину драмы, пережитой самим Лениным в конце жизни. Тендряков пишет: счастье Ленина, что он вовремя умер, ведь его конец вполне мог быть совершенно иным — куда более страшным и унижительным.

Какой всё же умница — Тендряков. Я его и раньше любил, но только прочитав неопубликованные вещи, понял — насколько он высок как писатель и как человек, и как он мучительно шёл к истине.

Новая интересная обзорно-аналитическая передача по ЦТ — обзор событий за неделю с комментариями экспертов. Высказывались разные суждения о судьбе Черноморского флота. Оказывается, есть офицеры, готовые присягнуть на верность суверенной Украине: в Севастополе у них семьи, квартиры, а в России до них, похоже, никому нет дела. Куда им деваться в случае отставки? На что жить?

Завтра — Рождество, а на улице теплынь, тает..

7 января

Журналисты приносят первые горячие новости из магазинов. Хлеб по прежним ценам накануне смели в мгновение ока. В продмагах — пустые полки, торговля примеривается к новым ценам.

Койко-место в гостинице “Казахстан” отныне стоит 25 рублей 50 копеек в сутки, или в пять раз дороже прежнего.

В коммерческих магазинах цены и вовсе запредельные. Народ туда ходит — как на экскурсию.

Председатель облсовета Б. В. Исаев принял постановление о дополнительных мерах по социальной поддержке населения. Кроме прочего, вводится, а точнее говоря, продолжается порядок реализации продовольственных товаров населению по талонам и визитным карточкам, непродовольственных — по предъявлению паспорта. Жители закрепляются за конкретными продовольственными магазинами...

Если это — рынок, то совсем не тот, который нам всё время обещали.

В Грузии воюют. Вооружённые отряды оппозиции штурмом захватили Дом правительства. Но президента Грузии З. Гамсахурдиа с приближёнными в бункере под зданием не оказалось. Им удалось ускользнуть ещё до начала штурма, и где они — неизвестно.

ТАСС сообщает: 17 стран — кредиторов бывшего СССР решили перенести сроки выплат основной части советского долга, оцениваемого в 80 миллиардов американских долларов. Выходит, СССР был ещё и чуть ли не экономическим банкротом?

Интересный материал П. В. Лефлера о наших павлодарских соледобытчиках. Не знал, что в области (в основном в районе Калкамана) добывается в год более 200 тысяч тонн соли. Спрос на неё поистине огромный: от Крайнего Севера и Дальнего Востока — до Восточной и Западной Сибири. Всего это: 14 краёв и областей России и девять областей Казахстана. Нашей солью интересуются в Югославии, Италии, Франции.

Директор комбината “Павлодарсоль” С. П. Емец работает в этой отрасли больше 40 лет и утверждает: наша павлодарская крупная, серая, внешне не очень презентабельная соль — вовсе не грязная. Серая она оттого, что содержит 17 важнейших микроэлементов, необходимых человеческому организму. Именно поэтому так ценится наша природная озёрная самосадочная соль. Никакая другая и в подмётки не годится ей при домашней засолке капусты и овощей.

Павлодарская соль универсальна: она пригодна и для засолки рыбы, и для выделки шкур домашних животных и пушного зверя; её применяют в металлургии, стекловарении, медицине... Без нашей соли останутся буровые вышки, не смогут работать нефтяники. И, конечно же, ей нет равных в кулинарии и во всей пищевой промышленности.

Между тем продаётся это поистине бесценное богатство за сущие копейки: до недавнего времени килограмм превосходнейшей пищевой соли стоил семь копеек, теперь 20 копеек, в два с половиной раза дешевле пустой бутылки из-под кефира.

А когда-то наша соль ценилась едва ли не на вес золота. И не мифическое золото, а огромные запасы великолепной пищевой соли стали главной находкой русских служивых людей, направленных сотни лет назад в эти края Петром Первым.

С. П. Емец говорит, что если предприятие впредь не сможет самостоятельно распоряжаться собственной продукцией, определять ценовую политику, его ждут очень тяжёлые времена.

Правительство определило предельные размеры повышения цен (регулируемых) на продукцию и услуги производственно-технического назначения. Вот эти коэффициенты: уголь (в зависимости от качества) — 5-8 раз, нефть и газ — 5, моторное топливо — 4,8, электроэнергия — 4 раза.

9 января

В январе жители Павлодара будут покупать по талонам 11 видов продуктов... Нормы отпуска: один килограмм мяса или 800 граммов колбасы, 250 граммов сливочного масла или жиров, килограмм муки, полкилограмма крупы, макарон и сахара, 50 граммов чая, десять яиц, бутылка водки и шесть пачек табачных изделий. Плюс к этому — кусок хозяйственного мыла и 400 граммов стирального порошка.

“Известия” пишут: после либерализации цен в Воронеже решили продавать сметану по 74 рубля за килограмм, а молоко — по десять рублей за литр. Но покупать их по такой цене никто не стал, и всю продукцию пришлось вернуть на завод для вторичной переработки.

Первым в области приватизировал своё предприятие коллектив фабрики “Облбытмебель”. Два года фабрика была на аренде, накопила кое-какие средства и за их счёт выкупила “начинку” своих производственных помещений. Сами помещения не продаются, они фабрикой по-прежнему арендуются.

Вместе с тем даром никто из работающих ничего не получит: люди должны будут выкупать акции предприятия за собственные деньги. Чем больше у тебя акций, тем большей частью предприятия ты владеешь и, соответственно, получишь больший процент прибыли. Если, конечно, таковая будет. Пока что спрос на продукцию “Облбытмебели” превышает предложение.

— На фиг ты всё это пишешь? — небрежно заметил сын Димка, когда я начинал этот очередной (уже седьмой!) “талмуд” своей “Хроники”.

А в самом деле — зачем? “Делать нечего”, как заметил тот же Димка, или есть в этом хоть какой-то смысл? Кто знает, может быть, лет тридцать спустя или даже раньше он сам будет читать эти записи как увлекательный детектив. А может и не будет, может, они вообще никому окажутся не нужны. А пока что нужны мне самому, и этого достаточно...

Б. Н. Ельцин отправился в поездку по регионам России. В Саратовской области его встретили неласково, и он с мрачным выражением лица объяснял — почему он решился на либерализацию, которой, по идее, должна была предшествовать приватизация... Незаметно было, чтобы он заразил своим оптимизмом саратовцев. В одном из магазинов его окружили разъярённые женщины, и он раздосадованно говорил им: “Ну растерзайте меня...”.

Одной из целей поездки, вероятно, была судьба немецкой автономии в Поволжье. Но либо здешнее население действительно настроено против её возрождения, либо “подсуетились” местные власти, подготовив “акции протеста” (скорее всего, было и то и другое), и президента повсюду встречали с протестующими лозунгами. Б. Н. не нашёл ничего лучшего, как заявить: будем создавать немецкий район, но в том случае, если немецкое

население будет на его территории преобладающим — до 90 процентов. Заявление в высшей степени непродуманное: уж лучше было бы сказать немцам, что не видать автономии — даже в рамках района — как собственных ушей.

Роберт Штарк сказал мне, что он окончательно разочаровался в Ельцине. Думаю, не один он... Заявление Б. Н. только подстегнёт эмиграционные настроения среди советских немцев.

Президент Грузии Звиад Гамсахурдиа, укрывавшийся в бункере Дома правительства, бежал вместе с семьёй и приближёнными, прихватив, как пишут газеты, 700 миллионов государственных рублей. Скрывается, по слухам, в Армении. Новые грузинские власти требуют его выдачи, гарантируя неприкосновенность.

Президент Украины Л. М. Кравчук в спешном порядке переподчиняет себе три военных округа, дислоцированные на территории республики. Офицерам, которые отказывают присягать на верность украинскому народу, предложено из армии увольняться и самим искать службу в других республиках. Куда им деваться, этим самым офицерам, уже присягавшим — бывшему СССР?

Командование Черноморского флота проявило “строптивость”, отказавшись присягать Украине. Его поддержали вице-президент России А. В. Руцкой, некоторые российские депутаты. Но чёткой позиции России по этому поводу всё ещё нет.

А ну как возьмутся делить не только Черноморский флот, но и Крым?

Б. В. Исаев попросил меня подготовить интервью с ним — по итогам заседания Совета Республики. Был со мной откровенен и даже читал свои ядовито-сатирические куплеты о нашем времени. Такие, например:

Опасно есть — в жратве нитраты.

Вода — не водка, страшно пить.

Всё небо в дырках, зад — в заплатках,

В желудке — язва, в яйцах — СПИД.

Грубовато, конечно, но что-то в этих строках есть.

Б. В. в обиде на Сергея Горбунова — тот даёт много критических материалов по области. Я ответил: мы говорили об этом с Горбуновым, у него тоже есть претензии к вам... Наверное, надо почаще встречаться.

Пришёл на работу — принесли “Казправду” с Серёгиным материалом, в котором он “прошёлся” и по Исаеву лично.

14 января

Н. А. Назарбаев издал указ о дополнительных мерах по социальной защите населения в условиях либерализации цен. В соответствии с ним правительство приняло экстренные меры по снижению цен на хлеб и молочную продукцию. Отныне они будут продаваться: хлеб — по цене до 2

руб. 80 коп., молоко — до полутора рублей за литр, кефир — до 84 копеек, сметана — до 4 руб. 20 коп. Для дотации в этих целях правительство дополнительно изыскивает десять миллиардов рублей.

Повышаются также пенсии и пособия, увеличивается на 90 процентов зарплата всем бюджетникам.

Всё это, конечно, крохи по сравнению с реальным ростом цен.

Президент в обращении к народу страны говорит: «Наше единственное спасение — во взаимной сдержанности, терпении и кропотливом труде».

Небывалый случай: главный государственный арбитр области Ю. К. Сагындыков добровольно оставил свою должность и создал частную юридическую фирму «Джастис», которая будет специализироваться на правовой помощи предпринимателям.

Он уверен, что не прогорит: фирма зарегистрирована в начале года, а в портфеле её заказов, поступивших от предпринимателей и организаций, уже более чем на 200 тысяч рублей.

Удивительные вещи делает в Павлодаре хирург-ортопед Н. Н. Онипко: исправляет врождённые (и приобретённые) дефекты рук и ног. Одной из своих юных пациенток он смог увеличить длину бедра на пять сантиметров (эта нога была у неё короче другой).

Н. Н. Онипко — ученик знаменитого курганского доктора, профессора Г. А. Илизарова. В Казахстане его ещё мало знают, а американские врачи из штата Калифорния, поучаствовавшие в одной из его операций, пригласили нашего хирурга в США для консультаций.

16 января

Наконец-то ушёл в отпуск. «Прохлаждаемся» с Димкой в профилактории «Строитель»: принимаем необременительные, скорее приятные, процедуры. Димке исправляем сколиоз, а мне успокаиваем расстроенные нервы...

Последнее получается плохо... До ухода в отпуск подписал интервью председателя комитета по госимуществу С. Б. Алибаева, которое готовил Ю. А. Ковхаев. Алибаев «пнул» Б. В. Исаева и весь облисполком за то, что они якобы тормозят процесс приватизации. Я сразу сказал Ковхаеву: не всё тут так просто, ведь дело-то новое, много непонятного, корни проблемы — в этом, а не в намеренном торможении. Это позиция Алибаева — отвечал Ковхаев... Оставили всё как есть, и теперь Исаев опять на меня в обиде...

Продолжается чехарда с ценами. Отпущенная на волю торговля, похоже, устанавливает цены попросту «от фонаря», наблюдая за реакцией покупателей. Так, например, 22 магазина Павлодара в декабре продавали ежедневно в считанные часы до пяти тонн колбас (всё, что было). А теперь — в лучшем случае, 200-300 килограммов. Причина — цены.

Народ по-прежнему пребывает в некоем оцепенении, питаюсь в основном прежними запасами.

В растерянности и многие руководители. Председатель облсовета Б.В. Исаев на пресс-конференции охарактеризовал эту ситуацию так: приученные к командам, мы всё ждём какого-то последнего документа с последней печатью, которым откроем дверь и окажемся, наконец, в рынке.

Тем не менее, уверяет в нашей газете председатель Павлодарского территориального комитета по госимуществу С.Б. Алибаев, к ним поступило 135 заявок на приватизацию от предприятий промышленности, строительства, службы быта, торговли.

17 января

Сессия Верховного Совета приняла предложенную Н. А. Назарбаевым программу реформирования исполнительной власти в республике. Исполкомы на местах упраздняются, вместо них будут главы областных администраций, назначаемые президентом. Они, в свою очередь, назначают глав городских и районных администраций.

В отпуск ушёл, а душа не на месте. Остаётся открытым один из главных вопросов — о новой цене на газету. Денег за подписку после отпуска цен в свободное плавание хватит от силы на первый квартал, и то вряд ли... Известно, сколько будут стоить бумага, почтовые услуги. Может быть, придётся объявлять “переподписку” — то есть новую подписку, уже по новым ценам. Читателям это, понятно, не понравится: они ведь уже заплатили нам за газету — за год вперёд. Но ведь и мы не виноваты в том, что случилось.

Продуктов и товаров в магазинах после либерализации цен не прибавилось, и даже в коммерческих магазинах выбор невелик. Лежит кооперативная колбаса по 135-150 рублей, которую почти никто не берёт. В магазинах госторговли волевым порядком установили цену на мясо и сливочное масло — 43 и 65 рублей за килограмм.

Пашка Бабенко прислал мне почтовым переводом долг 200 рублей, но и эти деньги, превратившиеся практически в ничто, я третий день не могу получить — на почте нет “налички”.

Смотрел по ЦТ новости, одна старуха сказала журналистам: “Купила бы смерть, да жалко не продаётся”. Лучше, пожалуй, не скажешь — старикам опять трудней всех...

Кравчук и Ельцин публично обмениваются “любезностями”. Обиженный тем, что Россия не хочет отдавать Черноморский флот Украине, Кравчук пригрозил выходом из СНГ. Чем не детский сад? Вот только играют не в куколки и тряпочки, а судьбой народов.

Во вчерашней “Комсомолке” политолог А. Ципко размышляет о возможном распаде уже Российской Федерации. Прямо винит Б. Н. Ельцина в развале СССР, напоминая, что он и его сторонники первыми объявили суверенитет России и тем самым заведомо обрекли себя не только на конфликты типа нынешних с Украиной, но и на многие другие — вплоть до распада уже российской государственности.

Кажется, это первый случай, когда так откровенно вещи названы своими именами. Учитывая тираж “Комсомолки”, это заявлено на весь мир. Вот только не поздновато ли? И давно ли все умилялись “парадом суверенитетов”?

В той же “Комсомолке” её алма-атинский собкор Женя Доцук пишет о Кунаеве. С пиететом и симпатией, но без подобоострастия. Может быть, самое ценное в материале — стремление понять этого, безусловно, неординарного человека. Запомнилась фраза Доцук: давно не встречала человека, который жил бы в такой согласии с самим собой, как Кунаев.

Когда его, члена Политбюро ЦК КПСС, почти тридцать лет стоявшего во главе республики, сместили с поста, подвергли уничижительной критике в центральной и республиканской прессе, когда его предали многие бывшие соратники, в том числе и те, кого он в своё время заметил и продвигал по службе, когда он жил фактически под домашним арестом, он не свихнулся, не покончил с собой... И даже похоронив самого близкого человека — жену, сумел выстоять и остаться самим собой... Прекрасный пример стойкости и мужества... Интересно будет почитать его мемуары.

Хорошо было бы отдохнуть в отпуске. Но вряд ли удастся: хочу довести до ума первую “негазетную” книжку, у которой ещё нет названия.

19 января

В Москве прошло всеармейское совещание. Начиналось оно в высшей степени сумбурно — по образу и подобию первых съездов народных депутатов (вообще дурацкая эта была затея — транслировать их на всю страну, доводя всю её до истерики). Так и тут: сперва дебатировали по процедурным вопросам, затем выдворяли случайно затесавшихся на совещании разного рода эмиссаров.

Большинство выступавших высказывались за единые вооружённые силы... Многие говорили о невыносимых условиях, которые создают воинским частям местные власти на Кавказе и в Закавказье, в Грузии, Прибалтике. По многим выступлениям чувствовалось — обстановка в армии накалена до предела.

Из высших должностных лиц на совещании сначала был только Н. А. Назарбаев. Затем, видимо, почувствовав, что запахло жареным, появился Б. Н. Ельцин. Сказал: судьба Черноморского флота будет решаться на переговорах между Россией и Украиной (а до этого он говорил, что Россия берёт под свою юрисдикцию войска бывшего Союза, оказавшиеся под недружественным давлением в бывших союзных республиках).

Мне запомнилась фраза одного из выступавших о Горбачёве: пришёл, не поздоровавшись, и ушёл, не попрощавшись...

Кто-то потребовал отставки маршала Шапошникова, командующего войсками Содружества. Тот в знак протеста покинул зал. Стали голосовать, чтобы просить его вернуться...

В итоге приняли обращение к главам государств и народам СНГ и вроде договорились решить судьбу армии на очередной встрече глав государств СНГ.

Похоже, до наших политиков всё ещё не доходит, что с армией шутки плохи, особенно если она сама начинает решать свои проблемы.

Любопытная рецензия в одной из центральных газет на английский телесериал “Вторая русская революция”. Сам сериал в СССР не шёл, а рассказывается в нём о том, что перестройка и все наши последующие шарахания — это никакие не реформы, а борьба за власть, делёж власти. И все мнимые успехи перестройки, за исключением разве что гласности, по сути дела — её неудачи, приведшие к развалу гигантского государства. И неизвестно ещё — чем всё закончится.

О каких достижениях перестройки и в самом деле может идти речь? Горбачёву и в кошмарном сне не мог присниться итог его реформаторских деяний.

И ещё прав, наверное, автор рецензии, утверждающий, что только КПСС в состоянии была управлять государством, которое представляло собой СССР.

21 января

Сон... Опять повздорили на планёрке, и я, уставший доказывать очевидное и заметивший, что меня почти никто не слушает, в сердцах заявляю: “Кто не хочет слушать — может уходить!”. И люди один за другим встают и покидают кабинет, остаётся лишь несколько человек... Я, конечно, не ожидал подобного, растерян, подавлен, не знаю, как поступать...

Проснулся, поворочавшись, опять заснул, но “заспать” сон, как это иногда случается, не удалось. Тревожное чувство осталось...

А. В. Руцкой дал интервью “АиФ” о том, что он — голый король, вице-президент без полномочий. Говорит: в окружении Б. Н. Ельцина есть люди, которые играют президентом России и сами вершат за него политику. Называет Бурбулиса. Похоже, противоречия между Руцким и Ельциным будут нарастать.

Россия, а вслед за ней Казахстан и некоторые другие республики ввели так называемое декретное время — на час вперёд. Считается, что эта мера позволит экономить электроэнергию и полезна для здоровья, поскольку люди будут больше бодрствовать при свете дня...

Украина осталась при своём времени. Кравчук заявил, что с ним перевод стрелок никто не согласовывал. Возникла неразбериха на транспорте, опаздывают поезда и самолёты, мечутся пассажиры...

Мне самому кажется, что все мнимые выгоды от “декретного” часа сводятся на нет потерями от насилия над человеческим организмом.

Позвонил брат Петька из Усть-Каменогорска. Там подписчики уже больше двух недель не получают “Рудный Алтай” (областную газету). Идея

создать собственную службу доставки газеты (в пик задирающим цены почтовикам) потерпела фиаско. Не зря меня одолевали сомнения, когда мы просчитывали подобный вариант; одно дело — розница, её мы можем организовать и сами, а попробуй доставить газету по ста тысячам адресов...

Сегодня вдруг подумал: я как-то очень мало дорожу своим редакторским положением. Всё время лезу на рожон (как правило, не добиваясь результата), уж сколько раз собирался уйти, никак не использую номенклатурных возможностей в интересах семьи. Наверное, буду сожалеть об этом, когда лишусь должности.

Председатель одного из лучших колхозов области — имени Тельмана — К. Я. Блац сообщает в нашей газете, что это хозяйство отправило в прошлом году в Павлодар 6200 тонн молока, 1300 тонн мяса по ценам, которые были намного ниже сложившихся на потребительском рынке. И сегодня хозяйство поставляет ту же продукцию по “условно-свободным” ценам (считай — заведомо невыгодным для колхоза). Но не на эту явную несправедливость сетует председатель, а на то, что хозяйству катастрофически не хватает нефтепродуктов, металла, стройматериалов. А то, что предлагается по “диким” ценам, разорительно даже для этого, наверное, самого богатого в области колхоза-миллионера.

К. Я. Блац обращается к коллективам промышленных предприятий области, предлагая им продукты питания (молоко, крупу, растительное масло и т. д.) по самым низким ценам взамен на нужную его хозяйству продукцию. Конечно же, это вынужденная мера. Но в сегодняшних условиях, наверное, и прямой товарообмен — какой-то выход.

Нам говорят: рынок — цивилизованная форма человеческих взаимоотношений. У нас же она приобретает дикие, варварские формы.

Булат Ахметов уже писал, и мы публиковали его материалы о том, как в Экибастузе раскапывают бесхозные могилы оказавшихся там солдат австро-венгерской армии, взятых в плен ещё в первую мировую войну. Что искали в захоронениях эти нелюди, которых давно окрестили “шакалами”? Знаки воинских отличий, предметы старины, чудом сохранившиеся украшения...

Недавний же случай — и вовсе выходящий за рамки человеческого. Разрыта могила местной бабушки-казашки, похороненной лет пять назад. Грабители поживились золотыми зубами покойной, оставив её останки на дне разрытой могилы.

Может быть, впрочем, подобного и не случилось бы, если бы хоть раз наказали тех, кто грабил бесхозные могилы раньше.

Наш читатель из Краснокутска Л. И. Иванов прислал в редакцию свою фотографию с самолично пойманным в пойме Иртыша сазаном весом 21 килограмм. Пишет, что рыбачил 1 августа прошлого года, спиннинговой

удочкой, на мотыля. С попавшейся на крючок рыбой возился минут 20, вытащил с подоспевшими на подмогу братом и соседом, рыбачившими неподалёку.

Пишет, что и раньше ему удавалось добывать в Иртыше крупных сазанов — на четыре-пять килограммов, но такого великана выловил впервые. И спрашивает: ловил ли в области ещё кто-нибудь подобных “тяжеловесов” или, может быть, крупнее?

Публикуем его письмо и фотографию, на которой рыбак с добычей в руках. Может, кто-то откликнется?

26 января

Замучили дурацкие сны... На днях приснилось, будто мне присвоили звание Героя Социалистического Труда. Конечно же, для меня это полная неожиданность, но подумал ещё: ведь это звание уже вроде не присваивают; а если и случилось — вдогонку, то вряд ли я самый заслуженный человек в области; да и я бы всё равно знал, если бы меня представляли...

Дальше — всё ещё более странно: кто вручает мне звезду, не помню, но, кажется, это было в доме у наших соседей Шарубиных, что стоял в совхозе “Михайловском” напротив нашего дома. У меня мелькнула мысль отказаться: мол, что-то тут всё же не чисто, и не к чему это теперь... Но тут же подумал: указ ведь всё равно вышел, не будут же его отменять... К тому же смогу теперь брать в кассе без очереди билет на самолёт и в гостиницу без проблем поселят, когда нужно...

Ну разве не бред?

А сегодня ночью приснилось, будто я играл в настольный теннис с Н. А. Назарбаевым. (Тут может быть хоть какое-то объяснение — накануне действительно поиграл немного в профилактории, читал в “Московских новостях” заметки о Н. А.). Во сне я у президента выиграл, хотя по игре он явно сильнее. Игра была из трёх партий, я выиграл две подряд, при этом вторую доигрывал просто бездарно. Н. А. Назарбаев остался своим проигрывшем недоволен, и я себя тоже чувствовал не в своей тарелке.

Большой материал в “Труде” — о ситуации в Грузии. Может быть, впервые довольно подробно пишется о содеянном президентом Звиадом Гамсахурдиа, и фигура вырисовывается зловещая: человек с авторитетным мышлением и диктаторскими замашками, казнокрад, националист (специально стравливал грузинских и осетинских боевиков). В материале проводятся свидетельства двух грузин, которых пытали в бункере Дома правительства люди из окружения Гамсахурдиа. Пытали так, что один не раз терял сознание и просил убить его, чтобы избавить от мучений.

Мира в Грузии нет и, наверное, ещё долго не будет: сторонники Гамсахурдиа и его противники занимают откровенно непримиримые позиции.

По-прежнему живём с Димкой в профилактории — принимаем процедуры, обедаем, даже пару раз переночевали. Димка ещё и в школу ходит,

а я доделываю потенциальную книжку. Уже отдал на перепечатку и часть даже вычитал. Всего должно быть страниц 80-100.

Жизнь более-менее спокойная, размеренная, наверное, поэтому и чувствую себя хорошо — даже печёнка перестала донимать.

У Ольги на днях вышла очередная, третья, детская книжка “Приключения Бузика”. Мы её выход в свет проšliапили, и книжка в магазинах разошлась буквально в два дня. У Ольги на руках всего два экземпляра... Включил служебные рычаги, но даже в облкниготорге ничего не обещают...

Ну разве не бред: книжка идёт нарасхват, а ей устанавливают тираж в 35 тысяч экземпляров. “Данилкин кораблик” вышел сотысячным тиражом — и тоже разошёлся очень быстро. А сколько в книжных магазинах откровенной макулатуры!

30 января

Группа ветеранов-партийцев — С. М. Баймухамбетов, Ю. В. Панов, В. И. Щербинко, М. П. Камшук и другие, всего 37 человек — излагают в пространным письме в редакцию свой взгляд на последние события в стране. Пишут об известных, в общем, вещах: начатая в 1985 году перестройка через четыре года зашла в тупик; один из её лозунгов “больше демократии — больше социализма” давно снят с повестки дня; на первый план по сути вышла замена одной общественно-политической формации на другую — социалистическую на капиталистическую.

Ветераны пишут: нельзя было браться за такое дело, не устранив с пути почти 20-миллионную коммунистическую партию. А поскольку распустить её без воли партийных масс было невозможно, оставалось разогнать её сверху. Что и сделал Генеральный секретарь, самолично, без созыва пленума ЦК, распустил центральное руководство. А за ним последовали первые секретари республиканских компартий. Там, где коммунисты сопротивлялись, на них или давили сверху, или с ними просто не считались.

В августе прошлого года, пишут ветераны, была политика антиконституционного, антигосударственного переворота. Но точно такой же переворот произошёл и в декабре, когда вопреки воле народа, высказанной на мартовском референдуме 1991 года, наше государство вместе с президентом упразднили.

Далее — о либерализации цен, обнищании народа, о том, что все они чувствуют себя оплётанными...

При этом ветераны — за нынешнего президента и хотят быть помощниками в его многотрудной работе.

Отчасти достаётся в письме нашим Ольге Фроловой и Роберту Штарку, которые в разное время освещали в “ЗП” последние партийные события. На пространным письмо ветеранов ещё более пространно отвечает в газете Штарк, излагая свой взгляд на то, почему ушла с политической арены компартия. Отвечает спокойно, аргументированно, корректно. Но вряд ли он переубедит авторов письма. Это тот самый случай, когда у всех — своя правда.

2 февраля

Чудный документальный рассказ Виктории Токаревой в “Огоньке”. Фантастически неправдоподобная, но тем не менее реальная история о том, как её пригласил в гости выдающийся итальянский кинорежиссёр Феллини, и она к нему поехала...

Мне нравятся токаревские рассказы и небольшие повести, её своеобразное мироощущение и стиль письма, её герои... Токареву ни с кем не спутаешь и, читая её на этот раз, я снова подумал: как всё-таки важно найти свой голос в литературном мире, а потом не потерять его. Я читал этот её рассказ и не мог оторваться. Это и есть талант..

В своих “блёстках” я тоже пытаюсь с максимальной полнотой, иногда с юмором выразить яркие, необычные мгновения жизни (иногда — своей собственной). Сверхзадача, в общем, проста: коротко сказать о важном, необычном, ярком, или обычное представить так, что оно видится совсем иначе. Я пока не знаю — удаётся мне это или нет. Иногда кажется, что удаётся, но чаще терзаюсь сомнениями: то ли делаю, так ли, будет ли это понято и принято, будет ли дорого другим, как дорого мне?

Токарева пишет: признание нужно тем, кто не знает себе цены, и поэтому нуждается в поощрительных оценках. А тому, кто верит в себя, в то, что он делает, никакие похлопывания по плечу и возгласы одобрения не требуются.

6 февраля

Н. А. Назарбаев в интервью венгерской газете “Непсабадшаг” подтвердил: у Казахстана есть договор с Россией, по которому единой валютой для обоих государств остаётся нынешний рубль.

А наш собкор в Экибастузе Булат Ахметов пишет, что средняя зарплата в объединении “Экибастузуголь” отныне будет составлять две с половиной тысячи рублей в месяц. Пенсионерам-горнякам установлена ежемесячная денежная надбавка в 500 рублей. А пенсионеров здесь — 2794.

Для сравнения (из нашей же газеты): среднемесячная зарплата в Лебяжинском районе в прошлом году не дотягивала до 250 рублей.

Пенсионер А. Циркевич, у которого свой дом в Павлодаре, делится на страницах “ЗП” опытом выращивания свиней на собственном подворье. Начинал он с одного-двух поросят, а в прошлом году установил личный рекорд, выкормив сразу восьмерых с двухмесячного до годовалого возраста и продав затем на базаре. Сколько заработала семья, А. Циркевич скромно умалчивает, сообщая лишь, что деньги поделили по справедливости: сыну, дочери и себе. Плюс натуральный продукт: натопили пять ведер внутреннего свиного жира, насолости сала на всех и мясом себя обеспечили до нового “урожая”.

Предприимчивый пенсионер призывает и других горожан не сетовать на тяготы жизни, а последовать его примеру.

8 февраля

На нашем тракторном заводе проходит испытания здесь же сконструированный мини-трактор, который с помощью специально разработанного для него шлейфа орудий способен выполнять все сельскохозяйственные

работы, в том числе копать корнеплоды, поливать посевы, ухаживать за кустарниками и многое-многое другое.

Запустить своего “малыша” в серийное производство тракторостроители намерены во втором полугодии.

11 февраля

Вице-президент России А. В. Руцкой обвинил правительство российских “младореформаторов” в проведении “политики национального геноцида” и призвал к введению в стране чрезвычайного экономического положения. В противном случае, считает он, неизбежен социальный взрыв.

В Казахстане ситуация не лучше, чем в России, жалоб и неудовольствия после либерализации цен тоже предостаточно, но о возможности социального взрыва никто не говорит.

Садовод-любитель В. Любимский рассказывает в нашей газете о своём 30-летнем опыте выращивания винограда на павлодарских дачах. Осенью 1990 года он и другой садовод-энтузиаст И. Загоруйко на выставке плодов в Павлодаре представили 16 (!) сортов дачного винограда — от янтарного до тёмно-розового. Это столовые сорта с отменными вкусовыми качествами.

Желающих приобрести саженцы оказалось 256 человек, и все они были обеспечены ими и соответствующими рекомендациями осенью того же и весной следующего года.

В. Любимский пишет, что уже с нынешнего года все те, кто рекомендациям следовал, получают первые грозди столового винограда.

Не перестаю удивляться упорству, усердию, творческому поиску наших дачников. Как мало мы о них рассказываем в газете.

Кстати, и на нашей даче есть виноград, но, говорят, не столовый. Зато из него можно делать домашнее вино. Надо будет в этом году попробовать.

12 февраля

В нынешнем отпуске, к своему удивлению, испытал состояние покоя, а то ведь я уже стал забывать — какое оно...

Наверное, самое трудное для меня — говорить человеку, что он должен уйти из газеты. Вот, например, К. М. явно не тянет на своей нынешней должности, хотя от него в немалой степени зависит благополучие всей газеты. Я уже не раз говорил с ним, призывал активизироваться, но сдвигов — никаких. Он считает мои претензии к нему происками своих недругов в редакции, включая обоих замов. Не думаю, что это на самом деле так, может, не вина, а беда его, что он не тянет на своём месте (я вообще не знаю — кто бы на нём потянул), но решать его судьбу всё-таки придётся.

Есть проблемы и с двумя другими журналистами. Один — профессионал, и многие его находки украшают газету. Но он почему-то претендует на особое положение в редакции, готов делать то, что ему интересно, но не согласен на “черновую”, повседневную работу... С этим нельзя согласиться: в редакции немало талантливых людей, и если каждый захочет привилегий...

Не оправдались мои надежды и на одну молодую журналистку, с которой тоже, наверное, придётся расстаться...

Очень неровно работает Б. А. Бывает, выдаёт настоящие “гвозди”, а бывает — неделями ни строчки. Терять его жалко, надо устроить выволочку на редколлегии.

И так — за что ни возьмёшься. Иногда думаю: может, всё дело ещё и в том, что мне не удалось установить достаточно жёсткий, но оправданный режим работы редакции — и по нормам отработки, и по исполнительской дисциплине, и по другим делам. Хотя, наверное, не только во мне дело, но и в общих развале, разброде, распаде, которые мы переживаем. Большинство газет сегодня если не на грани смерти, то на грани жесточайшего экономического кризиса. Уже нет той эйфории у наших бывших журналистов, которые взялись издавать собственные газеты — “Людмилу”, “Посредник”, “Компаньон”. И нам, чтобы выжить, надо думать, думать...

О. пришла сегодня вечером чуть ли не в слезах:

— Ненавижу, ненавижу, ненавижу эту страну.

Я хотел было съязвить: какую страну? Той, в которой мы жили, уже нет, а той, в которой живём, ещё нет... Но, видя, в каком она состоянии, промолчал.

Успокоившись, она рассказала: два с лишним часа потратила на получение какой-то ерундовой справки, побывала в трёх конторах, выстояв в каждой очередь, но справки так и не добилась.

Так мы сегодня живём...

Рукопись моей книжки готова, вычитана. Отдал читать С. П. Шевченко, В. Г. Семерьянову, Ольге. С. П. утверждает — книжка состоялась и, безусловно, имеет право на жизнь. Однако некоторые герои настолько узнаваемы, что с этими главками надо что-то делать. Новеллу “Рыба”, в которой представлен наш коллега, желательно убрать, а “Ломоносова” показать П. А. Побережникову, ведь там главный герой — он. Тут проблема, скорее всего, есть. Обиделся же Васька Дмитриевский, узнав себя в моей новелле “Любимец удачи”... Но, с другой стороны: то уберёшь, это опустишь — так ничего и от книги не останется. Да и не издеваюсь я над своими героями, наоборот — люблю их, и этого нельзя не заметить при внимательном чтении.

Ещё С. П. считает, что “блёстки”, как отдельный раздел книги, неуместны — эта “мелочёвка” снижает её общий уровень; у читателя может сложиться впечатление: автор тащит в книжку всё, что ему подворачивается под руку, что осталось в старых журналистских блокнотах. А вот с этим я решительно не согласен: по-моему, “блёстки” имеют право на жизнь, но, может, следует их проредить, кое-что выбросить...

Одобрительно отозвался о рукописи В. Г. Семерьянов, заметив, что, может быть, её главное достоинство — цепкая, образная детская память.

Указом Н. А. Назарбаева главой администрации нашей области назначен А. А. Жабагин. Я его совсем не знаю. Говорят, работал в промышленном

отделе нашего обкома партии, в “Павлодарэнерго”, а в последнее время — замминистра, кажется, энергетики. Ещё говорят, он энергичен... Вот, собственно, пока вся информация.

Наверное, были какие-то шансы стать главой и у нынешнего председателя облисполкома О.К. Кожанова, который когда-то работал с моим отцом (в “Михайловском” мы жили по соседству, на одной улице), но, видимо, не последнюю роль сыграло то, что Кожанов — “сельхозник”, а наша область преимущественно индустриальная. Судя по всему, президент формирует новую команду, где вряд ли найдётся место большинству прежней партийно-советской номенклатуры: он сам не раз говорил, что главный тормоз реформ — это руководители областей во главе с бывшими первыми секретарями обкомов партии.

По тому же принципу, вероятно, будут действовать и главы администраций, формируя собственные команды. Поживём — увидим: через неделю сессия облсовета, на которой одним из главных должен стать вопрос о схеме управления областью.

13 февраля

Опубликовали указ Н. А. Назарбаева о неотложных мерах по приватизации сельскохозяйственных и других предприятий агропромышленного комплекса. В соответствии с ними каждый работник приватизированного предприятия, в том числе и ушедший на пенсию, наделяется долей (паем) имущества с учётом стажа работы в хозяйстве и трудового вклада.

На базе структурных подразделений совхозов (отделений, ферм, бригад, участков) будут создаваться малые предприятия, крестьянские хозяйства — как коллективной, так и частной собственности.

Трудно понять — что из всего этого выйдет на деле.

Э. А. Шеварднадзе в интервью одному из зарубежных информационных агентств говорит об опасности нового путча в России и других странах Содружества. Уверяет, что положение в обществе намного серьезнее, чем в августе 1991 года.

Мне в пророчества бывшего министра иностранных дел СССР почему-то не очень верится.

Перепечатываем скандальный материал из “Сельской жизни” о деяниях “прославившейся” на весь бывший Союз фирмы “Мегаполис”, созданной нашим земляком В. Скляром. Против фирмы и его руководителя возбуждены уголовные дела в Москве и Казахстане.

В. Скляра обвиняют в мошенничестве, обмане клиентов, злоупотреблении доверием заказчиков. Схема его действий была довольно простой: в “раскрученной” по Центральному телевидению рекламе он обещал всем желающим поставить в короткие сроки любые товары народного потребления: от автомобилей, бытовой техники и мебели до одежды и обуви. И в условиях тотального дефицита на всё и вся таких желающих находилось немало.

Скляр не мелочился, заключая договоры на поставку всего вышеперечисленного не менее чем на 250 миллионов рублей. Клиентов-«дольщиков» могло быть, впрочем, и несколько, но он предпочитал иметь дело лишь с одним заказчиком.

Клиентов шеф «Мегаполиса» убеждал так: заявленные товары обойдутся относительно дешево, потому что контракт с инофирмой заключается на очень крупную сумму. Деньги на счёт «Мегаполиса» в Павлодаре текли рекой, а через 45-60 дней «фирма» обещала поставить товар. Таким образом, «Мегаполис» заполучил более 500 миллионов рублей. Его клиентами стали предприятия и организации из Барнаула и Йошкар-Олы, Москвы и Биробиджана, Петропавловска-Камчатского и Пскова, Новосибирска и Тольятти, несколько городов Казахстана и Армении.

Чтобы наглядно продемонстрировать возможности «Мегаполиса», его основатель и хозяин организовали выставки в Москве (в спорткомплексе «Олимпийский»!) и в Павлодаре, где рекламировал мебель, бытовую технику, товары ширпотреба, которые можно заполучить с помощью «фирмы» по вполне приемлемым ценам.

В итоге почти никто не получил почти ничего.

Зато В. Скляр купил на эти деньги 17 квартир и 31 машину, оформив их на себя, своих родственников и знакомых; перечислил деньги доверчивых клиентов сорока с лишним другим предприятиям, организациям и кооперативам в России и Павлодаре. Застраховал себя, своих близких и помощников на три миллиона рублей и часть этих денег обналичил и получил...

В своё время и я подумывал о том, не завязать ли контакты с «Мегаполисом», чтобы удержать «ЗП» на плаву. К счастью, до этого дело не дошло — В. Скляр обиделся на нас за публикацию о его фирме и лично выражал мне своё неудовольствие по телефону.

Теперь В. Скляр — в одном из следственных изоляторов Москвы. Но большинству его клиентов, скорее всего, не видать ни обещанных им товаров, ни даже перечисленных ему денег, которые за это время многократно обесценились.

Кому-то, впрочем, кое-что удалось вернуть. «Крутые» парни из Армении, прилетев в Павлодар, припёрли Скляра к стенке и вырвали у него свои одиннадцать миллионов.

Была ещё тёмная история с похищением младшего брата Скляра — замдиректора «Мегаполиса», за возвращение которого, говорят, родственникам пришлось заплатить немалые деньги.

Судьбу самого Скляра должен решить суд, но до него дело может и не дойти, ведь деньги ему предприятия и организации отдавали сами, добровольно.

15 февраля

Публикуем указ Н. А. Назарбаева о чрезвычайных мерах по обеспечению народного хозяйства республики наличными деньгами.

Отныне расчёты между предприятиями и организациями должны вестись только безналично. «Наличку» же банки должны выдавать только на зарплату, пенсии и пособия. Тем, у кого зарплата превышает 2000 рублей в месяц, треть её будут перечислять на специальные лицевые счета.

Мера эта вынужденная, хотя порядком запоздалая: наличные деньги давно утекают как в чёрную дыру.

Руководители конфедерации журналистских Союзов бывшего СССР распространили открытое письмо, в котором говорится о бедственном положении газет. Причины — либерализация цен и нехватка бумаги. Предлагают провести журналистскую акцию протеста “День без новостей”. Суть её: ни в одном номере ни одной газеты не будет ни одного сообщения о деятельности президентов, правительств, парламентов.

Мы это письмо публикуем — вместе с редакционной припиской, в которой солидаризуемся с коллегами и критикуем своего соучредителя (облсовет депутатов) за отсутствие реальной помощи газете.

Перепечатываем заметку из польской газеты — о том, что поляки закладывают в ломбардах. Это могут быть наручные часы и дорогая авторучка, автомашина, вилла и даже... самолёт. Так, за “Ан-24”, оставленный в залог на три месяца, его вкладчику выдали ссуду в два миллиона злотых. А вот взять в залог породистого пса не захотели, как, впрочем, и тещу одного из потенциальных заёмщиков, который предлагал её всего за три миллиона злотых в качестве работника ломбарда на месяц без зарплаты.

Надо узнать — есть ли ломбард у нас и что несут туда горожане?

Из новой подборки стихов В. Семерьянова:

*Бизнес, брокер, биржа —
пруд пруди
непривычных слов сегодня.
Не привыкну к слову “господин”,
и товарищ вроде бы немодно!*

Что есть, то есть...

16 февраля

Догуливаю отпуск — в понедельник на работу... А в субботнем номере сюрприз — редакционный комментарий, в котором речь опять идёт о дележе бывшего партийного имущества... В нём всем сестрам роздано по серьгам: и облсполкому, и облсовету, и его первым лицам. Делу эта расширенная заметка вряд ли поможет; что поделено — то поделено, да и вообще, можно ли справедливо разделить то, чего всем желающим всё равно не хватит... А вот жизнь нам это “фига в кармане” осложнит...

За время моего отпуска “ЗП” трижды “пнула” председателя облсовета народных депутатов Б. В. Исаева — и по большей части мелко, походя, за исключением, может быть, одного раза... Дело не в том, что первое лицо области — священная корова, а в чувстве меры. Иные из моих ближайших помощников, похоже, напрочь лишены этого самого чувства. Откуда у таких людей уверенность в собственной непогрешимости, в праве судить обо всём, всем раздавать оценки?

Вдруг вспомнил о своих ощущениях, когда сам только что стал заместителем редактора. Для меня это было полной неожиданностью, я никак не мог войти в колею новой жизни... Лежал ночами без сна и думал: “Хорошо Побережникову — ушёл на пенсию и может спать спокойно, а мне тут отдувайся...”. Я даже физически ощущал то своё поганое состояние — какую-то пустоту внутри, я как будто расплывался, как амёба, и всё время должен был собирать себя воедино, чтобы не расплзтись во все стороны... И, кстати, не давал себе труда подумать: а каково на самом деле тогда было тому же Побережникову, тринадцать лет “колотившемуся” на сумасшедшем посту первого зама, на долю которого выпало три редактора.

Вот и теперь меня всё время одолевают сомнения (правильно ли поступаю, то ли делаю?), хотя понятно: редакторская должность располагает больше к постоянным неприятностям, нежели наоборот.

Большинство редакций центральных газет — на грани умирания. Об этом заявил редактор “Комсомолки”. То же — в “Труде”, “Известиях”. “Правда” робко попросила своих подписчиков доплатить за этот год дополнительно по 30-50 рублей. Как будто это её спасёт..

“Казправда” дала целую страницу о положении областных газет республики. Большинству из них, особенно имеющим большие тиражи, требуются многомиллионные дотации. Как быть — никто не знает. Правительство в этой ситуации сохраняет олимпийское спокойствие.

Обзвонил кое-кого из знакомых редакторов. Кустанайцы собираются объявить переподписку (т. е., по сути, новую подписку) на этот год — уже по другим ценам. Карагандинцы заседают на облсовет и облисполком, требуя дотаций. Восточноказахстанцы до сих пор не расхлебались с провалом идеи самим распространять газету... У нас пока положение — лучше среднего. Самое главное — есть запас бумаги ещё месяца на три. Хочу выступить на предстоящей сессии, обрисовать депутатам ситуацию... Хотя вряд ли на этой сессии кому-то будет дело до газеты...

По ЦТ на полном серьёзе сообщают о встрече президента и вице-президента России — Б. Н. Ельцина и А. В. Руцкого — как будто речь идёт о главах двух разных государств. Встретились они, чтобы выяснить отношения. Б. Н. после этого тут же заявил на сессии Верховного Совета: чтобы как следует занять вице-президента, ему поручено проведение аграрной реформы в России. Об этой своей работе Руцкой должен регулярно отчитываться перед президентом.

Бедное сельское хозяйство... Кто у нас только им не руководил — с неизменно провальным результатом. Теперь главным в этой сфере назначен военный лётчик, Герой Советского Союза и т. д. и т. п. Руцкой — мужик и вправду геройский, но, похоже, Ельцин специально бросил его на село, чтобы тот на нём сломал себе шею.

Очередная встреча глав государств СНГ в Минске. По главному вопросу — военному — так и не договорились. Иногда Ельцин и Кравчук

напоминают мне двух быков, упёршихся лбами (с лёгкостью необыкновенной и тот и другой договариваются о чём угодно с США, странами Западной Европы, с Кувейтом и даже Ираком, а вот друг с другом — никак). А одурманенный в очередной раз народ взирает на этот спектакль театра абсурда.

Был на городском рынке. Есть мясо, рыба, молочные продукты, овощи. За всем очередь, кроме мёда по 300 рублей за литровую банку. Всё — дорого.

18 февраля

Спал сегодня вроде неплохо, а проснулся рано — опять с ощущением тревоги. Будто какой-то червячок сидит внутри меня и точит, точит... И хоть у меня, как оказалось, есть ещё несколько дней отпуска, решил выходить на работу — какой уж тут отдых, когда душа не на месте.

Получил письмо от Толи Егорова. Он всё ещё редактирует бывшую партийную газету в “логове” демократии — Зеленограде. Вокруг неё объединились почти все политические силы, недовольные Ельциным и его реформами.

Пишет, что после провала ГКЧП толпа воинственно настроенных граждан блокировала горком партии, где квартировала и Толина газета, и лишь благодаря милиции ему вместе с сотрудниками удалось покинуть здание. Дважды в редакции проводили обыски (что искали — непонятно), редакцию, разумеется, выселили, и теперь она ютится в подвале. При всём при том, пишет Егоров, газета завоёвывает всё больший авторитет, особенно на фоне двух других, послушно идущих в фарватере новой официальной политики. Даже некоторые депутаты местного совета, получив от ворот поворот в “своих” изданиях, идут теперь в газету к Толе.

У них с Надей нет своего постоянного угла, жильё временное. Толя, недавно защитивший кандидатскую диссертацию в Академии общественных наук и говоривший мне в те дни, что горы готов свернуть, теперь с горечью пишет: на нас с тобой уже можно поставить крест, и наша задача теперь поднять детей, не дать им пропасть в этом хаосе.

На работе — сплошная нервотрёпка из-за невообразимого хаоса и абсурда. Связисты выставили нам новые тарифы — намереваются брать за свои услуги в расчёте на один экземпляр газеты по 52 копейки. Примерно во столько же обойдётся бумага для каждого номера. Плюс — стоимость полиграфических услуг, плюс зарплата... Итого не меньше рубля 20 копеек — рубля 50 копеек за экземпляр. При таких расходах мы протянем с нынешними средствами в лучшем случае полтора месяца. Наверное, что-то подкинет соучредитель — облсовет. Но без “переподписки” (то есть объявления новой подписки на этот год) не обойтись.

А вообще, как только выхожу на работу, будто какое-то болото засасывает. Живёшь и не знаешь, удастся ли когда-нибудь из него выкарабкаться?

В недрах власти идёт какая-то своя жизнь: назначаются главы районных администраций, какие-то другие начальники, а мы (и жители области в том числе) остаёмся в неведении. Недавно назначенный глава областной администрации к газетам пока интереса не проявляет (видно — не до нас), мы тоже сидим как мыши... Надо бы завести источник информации в коридорах власти, который бы сообщал главные новости — официально и неофициально.

Валерий Выжutowич дал в “Известиях” несколько материалов о “Бакинских событиях” (погромы, беспорядки, ввод войск и т. д.). В числе виновников разгула страстей, что привело и к многочисленным жертвам, называет Крючкова, Язова, Примакова, Бакатина, Горбачёва.

Вернувшись сегодня с работы, как будто заново увидел свой дом. И ужаснулся: окна почти на всех двенадцати этажах, выходящие на лестничные площадки, разбиты, рамы — выломаны, лестницы загажены, на них, несмотря на сквозняки, витает неистребимый запах мочи и кала... К чему же мы придём, если в таком виде содержим свой дом?

19 февраля

Сессия облсовета прошла без неожиданностей. Распустили облисполком — в связи с введением в Казахстане института глав областных администраций, освободили от должностей областных начальников. Но почти все они сохранили кресла — будучи назначены на свои посты уже главой администрации А. А. Жабагиным. На своих местах остаются и бывшие зампреды облисполкома, только их будет теперь шесть вместо пяти.

А. А. Жабагин сказал: было бы неразумно ломать систему управления, которая складывалась не одно десятилетие.

Кто-то из ретивых помощников нового главы даже две наши областные газеты включил в схему управления областью. Я этого даже не знал, потому что получил эту самую схему за несколько минут до начала сессии. Благо тут же “возник” депутат Б. П. Воложанин, и газеты из схемы исключили.

Кстати, глава администрации производит неплохое впечатление: энергичен, адекватен, обладает чувством юмора...

Назначены главы администраций районов и городов — в большинстве своём бывшие председатели советов (читай — первые секретари райкомов и горкомов партии). Но есть и новые — в Баянауле, Успенке, Щербактах, Лебяжье. Нынешние председатели советов будут там отныне отодвинуты на второй план.

В утверждённом бюджете области предусмотрено 4,5 миллиона рублей на дотации “Звезде Прииртышья” и “Сарыарка Самалы”. Всё какая-никакая подпорка нам...

Агитирую Сергея Горбунова вернуться в “ЗП” — в качестве замредактора. Сначала он говорил — подумаю, а теперь отказался. Жаль... У меня были виды на него и как на человека, который, помимо прочего, поможет нам “поставить” рекламно-коммерческую службу редакции.

Людмила Гришина приходила к Семерьянову жаловаться: похоже, дни её “Людмилы” сочтены...

Говорил с Робертом Штарком о “делах наших скорбных” — кадрах, с которыми надо расстаться или (некоторых) передвинуть, о перспективах. Спросил, что он думает о своём будущем. Ответил: всё равно уеду — или в ФРГ, или в немецкую автономию, если она всё-таки будет создана.

С тоской подумал: с кем же тогда я останусь, если и Штарка лишусь? Но ему ничего не сказал.

20 февраля

Сложили депутатские полномочия в облсовете А. И. Исаев и И. Е. Штрайф. Первый — директор Павлодарского алюминиевого завода — перебрался куда-то в Россию. Второй — председатель знаменитого колхоза имени 30-летия Казахстана — уехал в Германию. Оба известные, авторитетные люди... Так что эта потеря не только для завода и для колхоза, но, наверное, и для всей области.

Президент Чили подтвердил, что его страна готова принять у себя Эриха Хонеккера. В этой стране живут дочь бывшего руководителя ГДР и два его внука. Раньше чилийские власти отказывали ему во въезде на территорию Чили.

Спасение утопающих — дело самих утопающих... По этому принципу действуют немолодые супруги из Павлодара, устроившие на своем балконе курятник. Яиц хватает и им двоим, а излишки сдают в коммерческий магазин. Продукция — качественная, и на прилавке не залёживается.

Хотели написать об этой семье, но супруги-пенсионеры категорически отказались: мол, и без того соседи недовольны — то куры в неурочное время кудахчут, то им попутным ветром “аромат” балконного курятника занесёт...

Булат Ахметов прислал острый материал “Это сладкое слово валюта” — о том, как в объединении “Экибастууголь” наглеет начальство, растаскивая

дорогостоящие дефицитные товары, получаемые предприятием за уголь по бартеру. В их числе и генеральный директор объединения К. — яркий человек, избранный несколько лет назад на свой пост шахтёрами. Помимо прочего, он депутат Верховного Совета республики. И жалко его, и не хочется обострять и без того напряжённые отношения с руководителями крупных предприятий. Но и молчать нельзя: уж больно неприглядные факты приводятся в материале — это ведь анатомия гнусного явления, весьма характерного для наших дней. Так что материал даём...

Договорились о первом интервью с главой обладминистрации. От нас ходил Ю. А. Ковхаев. От “Сарыарка Самалы” был Т. К. Кобыров, задававший вопросы на казахском языке. В таком случае А. А. Жабалин отвечал на казахском, а потом переводил на русский. Беседа, в общем, удалась, глава производит впечатление человека здравомыслящего и предсказуемого. Впрочем, на недавней сессии облсовета некоторые депутаты предостерегали его от подбора кадров по национальному признаку, намекая на то, что большинство только что назначенных им глав райадминистраций — казахи.

Хотел сегодня вечером остаться на службе после работы — подчитать кое-какие “хвосты”. Но одолели телефонные звонки.

— Нет никакой управы на операторов бензоколонки — обманывают на глазах и ничего не докажешь. Пришлите корреспондента!

— У меня кооперативная квартира, а я никак не могу её приватизировать... Помогите!

— Главному анестезиологу области скоро 50 лет, больше половины из них он проработал в области... Напишите о нём.

... Не газета, а скорее помощь широкого профиля... Пошёл домой, оставив “хвосты” на будущее.

Б. Н. Ельцин пообещал издать какой-то указ в поддержку прессы. Не знаю только, достанется ли хоть что-нибудь и нашим казахстанским газетам от этой его будущей милости. Скорее всего — вряд ли: с какой стати он должен финансово подпитывать хоть и дружественную, но всё же суверенную страну?

Говорил по телефону с редактором кустанайской областной газеты С. В. Харченко. Там объявили “переподписку” на оставшиеся десять месяцев — по сто рублей. За три дня только в областном центре заново подписалось 450 человек. Мне он советует установить новую подписную цену выше, чем у них.

22 февраля

Мне 39 лет. Больше половины жизни позади.

Поздравляли школьные и университетские друзья, коллеги... Людмила Клыкова сказала по телефону, что, если я напишу и опубликую что-нибудь подобное недавнему рассказу в “Ниве”, она непременно застрелится.

— Ты-то здесь при чём? — притворно удивился я.

— Да там разве что дураку не понять — кто есть кто!

Я как-то отшутился и подумал: действительно, надо получше прятать концы в некоторых моих творениях о близких мне людях.

Устькаменогорцы, чтобы выжить, договариваются о прямых поставках бумаги из Соликамска. Чтобы задобрить будущих партнёров, возили туда мёд и прочие дары Алтая (как некогда местная знать — царскому двору). Редактор “Рудного Алтая” Ю. Е. Матвеев подал на сессии облсовета в отставку. Мне объяснил — чтобы не сойти с ума. А ведь он не из слабаков. Значит, по-настоящему достали.

Вчера пригласили в редакцию бывших сотрудников газеты — ветеранов войны — на чаепитие, приуроченное к Дню Советской Армии. Они вспоминали интересные случаи из своей жизни.

В. М. Шкурко рассказал, как он заготавливал рыбу для офицерской столовой: стрелял по плавающим в озере сазанам (их хорошо было видно), затем раздевался догола и собирал “улов”. В это время кто-то утащил его одежду. Хорошо хоть шинель осталась, в ней он и бежал в свою часть мимо молодых баб, работавших в поле неподалёку. Оказалось, это они над ним и подшутили.

Побережников провёл годы войны на Памире — в специальном военно-топографическом отряде.

Тронул всех нас бесхитростный рассказ Я. В. Плехова, встретившего известие о начале войны в Павлодаре. Это был воскресный день, и очень многие горожане, как и он, проводили его на пляже. Услышав сообщение по радио, некоторые сразу группами и поодиночке отправились в военкомат, который располагался тут же, на берегу Иртыша, только чуть поодаль. Некоторые шли в трусах, неся одежду в руках, а одевались уже у самого военкомата.

— Понимаете, мы все были такими патриотами, — объяснял Яков Васильевич, — и ещё мы боялись не успеть на войну, боялись, что немцев разобьют без нас — “малой кровью, могучим ударом”, как тогда говорили.

Что было потом — хорошо известно...

24 февраля

Как и следовало ожидать, ельцинский указ не имеет к нам никакого отношения: объявляя “бумажников” и почтовиков монополистами (в итоге на газетную бумагу цены будут фиксированными, а почтовикам запрещено поднимать тарифы на услуги по распространению газет и журналов), российский президент отчасти защищает лишь российскую прессу.

У нас же по-прежнему с этим делом полная неясность.

Произошли столкновения демонстрантов социалистической ориентации, пытавшихся провести митинг на Манежной площади в Москве и

возложить венки к могиле Неизвестного солдата, с милицией и ОМОНОм. Дело в том, что московские власти запретили проводить митинг на Манежной. Есть пострадавшие. Давно ли партийные власти запрещали митинги демократов?

Заходила сегодня Людмила Гришина. Её “Людмила” (частная газета, на которую подписалось, кажется, около девяти тысяч человек) на самом деле приказала долго жить. Тут всё сошлось: и отпуск цен, и другие сложности... Гришина говорит, что на некоторые вещи смотрит теперь по-иному...

Ко мне пришла прежде всего из-за Лисовской — просит взять её обратно.

— Да зачем же ты её за собой тянула, — не выдержал я, — мы ведь её всей конторой отговаривали?

Гришина молчала, и тогда я спросил:

— А сама что собираешься делать?

— Вернусь, если возьмёте...

Думаю, нелегко ей дались эти слова, в общем, избавлявшие меня от необходимости дальнейших объяснений.

Что касается меня, то я готов переступить через свою обиду: куда важнее мне заполучить в контору ещё одного толкового журналиста. А в том, что она такой журналист, сомневаться не приходится — просто “выпрыгалась” в последнее время по самым разным причинам. Но кое-кто в редакции, конечно, будет против возвращения их обеих (с такими придётся провести воспитательные беседы), меня будут опять обвинять в мягкотелости... Последнее я как-нибудь переживу. Главное, чтобы они обе извлекли урок из того, что случилось...

25 февраля

Прошлый год стал годом сплошного падения в экономике. Это признаёт даже наша статистика, которая, как правило, приукрашивает истинное положение дел. Из опубликованного в сегодняшнем “ЗП” статотчёта следует, что почти половина предприятий области снизила выпуск товаров народного потребления, меньше произведено и продовольствия. Тракторов по сравнению с прошлым годом выпущено почти на 17, а бульдозеров почти на 30 процентов меньше. Такая же ситуация на предприятиях, производящих стройматериалы.

Меньше сдано жилья — почти на 15 процентов. Хотя рывок в этой сфере за последние годы сделан основательный. 52650 семей из 55852, которые стояли в очереди на получение жилья или улучшение жилищных условий, смогли это сделать.

Даже в условиях недопоставок цемента, металла, леса строители в прошлом году сдали в эксплуатацию три больницы, девять школ, восемь детских садов, пять клубов, профтехучилище и ряд других социальных объектов.

Выросла добыча угля — до 82,8 миллиона тонн. Больше прошлогоднего произведено молока и мяса.

Можно было бы сказать — не так уж всё плохо, если не видеть всего, что происходит вокруг: валится экономика, тотальный дефицит в торговле,

дороговизна — всё хуже и хуже становится жить людям. Народ замордован, деморализован, обозлён...

Население области увеличилось за год на 15 тысяч человек и составляет теперь 972 тысячи человек.

27 февраля

Тяжёлое это дело — увольнять людей, да ещё в такое время. Но ничего не попишешь: за уход этих двух журналистов — М. и П. — единогласно высказались все члены редколлегии, а я, хоть и предлагал дать им ещё один шанс, был, скорее, неправ. Уже объявил им обоим о нашем решении... О реакции писать ничего не буду — и без этого тяжело на душе.

Вёл персональный разговор со всеми журналистами на предмет возвращения Гришиной и Лисовской. Члены редколлегии согласились довольно быстро, а вот журналистские “низы” решительно воспротивились, но, думаю, и наиболее активных противников можно будет переубедить. Так что решение практически подготовлено.

Есть и другие кадровые “занозы”, с которыми не знаю что делать.

Обсуждал с членами редколлегии штатное расписание. Все требуют повышения зарплаты, и никто не говорит, где взять для этого деньги. Замы претендуют на 30-процентную надбавку, завотделами — на 20-25-процентную. Ни для тех, ни для других столько взять неоткуда — опять все будут недовольны.

В Павлодар приезжал редактор “Нивы” В. Р. Гундарев. Порешали с ним подписные и другие дела журнала. Владимир Романович предлагает ввести меня в состав редколлегии “Нивы”. Я сомневаюсь: по заслугам ли честь? С. П. Шевченко советует соглашаться.

Ещё В. Р. Гундарев предлагает издать серию книг, которую мы задумали (С. П. Шевченко, В. Г. Семерьянова, Ю. А. Ковхаева, Л. П. Гришиной, Ольгину, мою) под эгидой “Нивы”. Наше малое предприятие, которое по идее должно выпуском этих книг заниматься, похоже, дышит на ладан. Может, и согласимся с предложением В. Р.

Трясёт не только наш тракторный завод. На днях в вынужденный отпуск ушли тысячи рабочих и специалистов Алтайского моторного завода. Причина по нынешним временам банальна — срыв поставок партнёрами-смежниками.

Остановка Алтайского тракторного, скорее всего, аукнется и на нашем, который получает от соседей комплектующие.

Людмила Ермолина принесла информацию: Павлодарское управление КГБ на днях открыло... малое предприятие. Я даже сразу не поверил,

но, оказалось — правда: МП с романтическим названием “Фиалка”, созданное местными чекистами, будет специализироваться на охране объектов и товаро-материальных ценностей, сопровождением грузов, оказывать юридические консультации.

Вот это я понимаю — рынок!

Люди недовольны новым законом о пенсиях. Нам пишут и звонят пенсионеры. А. Панькова, например, заявляет в письме, что обманута дважды: обесценился её вклад в сбербанке, который она по крохам копила десятилетия, отказывая себе во всём. А на нынешнюю пенсию одинокому пенсионеру попросту не прожить. В подобном положении сегодня очень многие. Моя мать копила свои три тысячи рублей лет двадцать, у меня на сберкнижке было около пяти тысяч, Ольге три тысячи достались после продажи родительского дома. Всё это мы держали на чёрный день. В начале января он, можно сказать, наступил. Но сбережения нам не помогли, а превратились в ничто.

В области создана государственная налоговая инспекция. Публикуем сегодня интервью с её начальником К. А. Нурпеисовым. Говорит: со временем налоговая инспекция будет одной из самых главных.

29 февраля

Сходил утром в прачечную, пробежал по магазинам и вернулся домой злой как собака... Цены — совершенно дикие, умопомрачительные. Простейший дверной замок — 100 рублей, резиновый поливочный шланг (для дачи) — 315, раскладной столик — стульчик — почти тысяча. Про “комки” (так называют коммерческие отделы) и говорить нечего: 40-рублёвый пылесос стоит теперь тысячу рублей... И т. д. и т. п.

На продукты питания правительство цены пока держит фиксированными. На эту явную несправедливость государства по отношению к сельчанам горожане смотрят весьма благосклонно, ещё и недовольны тем, что продукты питания дорожают. Но добром такая политика не кончится, и как мы будем жить, если обвалится и сельская экономика, к чему есть все предпосылки?

С зарплатами — тоже полная бессмыслица. Скажем, шахтёры Экибастуза будут иметь в месяц от 3,5 до 7,5 тысячи рублей. Понятно, работа у них не сахар, к тому же без угля остановится всё. Но в то же время оклад врача-хирурга — менее тысячи рублей, то же — у квалифицированного учителя. Я нахожусь между самым бедным шахтёром и врачом (но ближе ко второму) — моя зарплата — около двух тысяч. Как раз на полпылесоса в “комке”.

Весь день крутился, как белка в колесе. Что-то успел, ещё больше — не успел. К концу дня почувствовал себя абсолютно разбитым. Сходили вечером с Ольгой в театр на премьеру, но настроение от этого не очень-то улучшилось.

Заметка в “Казправде”: Актюбинская областная газета на грани банкротства и намерена отказать облсовету в соучредительстве из-за того, что он не помогает редакции финансами.

А петропавловский редактор сказал мне по телефону прямо противоположное: соучредителем коллектив редакции не стал, поэтому пусть сам облсовет теперь ломает голову над тем, как сохранить газету.

Переименован город Гурьев. Теперь это — Атырау.

Волнения в стройбатовских частях на Байконуре. Есть жертвы. Причина — плохие условия жизни солдат, дедовщина; в стройбате служат в основном ребята-казахи, некоторые плохо владеют русским языком, а офицеров-казахов в этих частях почти нет. Стройбатовцы угоняли грузовые машины, жгли казармы.

Короткий сюжет об этом по республиканскому ТВ. “Защитники отечества” — расхристанные, плохо одетые, совсем ещё мальчишки... Теперь их всех срочно отправили в отпуска, создали комиссию для выяснения причин беспорядков.

1 марта

Первый день весны, а на улице холодно — около минус двадцати. Хотя уже и солнце пригревает..

Сегодня воскресенье, с утра ходили с Ольгой на базар, но ничего не купили: приличных овощей в госторговле нет, а на базаре толчея, при том, что выбор невелик. Мясо в среднем стоит 50 рублей, подсолнечное масло 60 (литр), ведро картошки — 25, литровая банка мёда — 300 рублей.

В “комках” товаров тоже немного, и при весьма их невысоком качестве цены запредельные. Ольга прошлым летом купила Даньке обувку — нечто среднее между ботинками и кроссовками — за 35 рублей, теперь в коммерческом магазине такие продают по 950 рублей, почти в тридцать раз дороже.

Продавцами в “комках” — молодые здоровенные парни, меланхолически жующие жвачку. Иногда складывается впечатление — будто торгует вся страна. Но ведь кто-то и производить что-то должен...

И вчера, и сегодня читал накопившиеся за неделю газеты. Может быть, я вообще читаю их слишком много — на книги часто не остаётся времени. Или это уже разновидность наркомании — газетомания?

В одной газете вычитал: Горбачёв в интервью зарубежным изданиям жалуется на то, что у него теперь лишь “обычная” трёхкомнатная квартира в Москве, “просто дача” в Подмосковье, закреплённый лимузин, да десяток человек охраны; и что он едва успевает оплачивать счета, ведь всё вздорожало, а они с Раисой Максимовной живут лишь на его президентскую пенсию в четыре тысячи рублей. Верю: какие это по нынешним

временам деньги? Наши экибастузские шахтёры сегодня зарабатывают больше. Но жалеть по этой части М. С. что-то не очень хочется...

А “Российская газета” раскрывает корпоративную тайну: членам редколлегии “Комсомольской правды” ещё в прошлом году установили персональные оклады в семь тысяч рублей каждому. Далее “РГ” пишет, что у них в газете оклады — всего по тысяче... А если уж “КП” стала независимой, то нечего ей уповать на президента и правительство, требуя помощи, — самим надо выкручиваться.

Так что у каждого своя правда, и почти всегда “кочка сидения” определяет точку зрения.

В “Литературке” — “Камешки на ладони” Владимира Солоухина. Прочитав, лишний раз убедился — надо и мне продолжать мои “блёстки”.

В одном из “камешков” Солоухин размышляет на тему авторства “Тихого Дона”. Приводит уже известную версию, которая подвергает сомнению авторство Шолохова и добавляет к ней ещё один, собственный аргумент. Пусть, мол, каждый признанный литератор покопается в своём прошлом и припомнит, что именно он “выдавал на-гора” в 20 лет... Это к тому, что две трети книги “Тихого Дона” Шолохов написал именно в этом возрасте. Не мог столь юный автор, с его кругозором, знаниями, жизненным опытом создать подобное, считает Солоухин. И приводит ещё один довод: а если Шолохов — “супергений”, то почему не оставил после себя статей, писем и прочего литературного наследия гениального масштаба?

Впрочем, Солоухин не утверждает однозначно, будто автор романа — не Шолохов, но допускает — тот лишь дописывал роман, начатый не им.

Мне стало обидно за Шолохова. И хотя он не нуждается в моей защите, меня удивляет: почему мы всё и всегда меряем на собственный аршин? Почему мы хотим видеть человека, который долго (и заслуженно!) был на виду, во всех смыслах идеальным? Забываем о том, каким было то время и какой была биография автора “Тихого Дона”?

Шолохов при всём его внешнем благополучии фигура — противоречивая, глубоко трагическая. И не случайно он молчал столько лет, не стал дописывать “Они сражались за Родину”. Может, сил не хватило дописать, но зато хватило ума и характера не дописывать. Говорят, он посылал законченную рукопись книги Л. И. Брежневу и, не получив ответа, сжёг её.

Добавление из 2007 года. Одним из тех, кто активно подвергал сомнению авторство Шолохова, был и А. И. Солженицын, и ни разу публично не отказался от этого сомнения. Даже после того, как авторитетнейшая зарубежная комиссия (филологи-лингвисты, текстологи и т. д.), проведя тщательную экспертизу, дала однозначное заключение: именно Шолохов — автор “Тихого Дона”. А недавно была найдена рукопись романа, считавшаяся безвозвратно утерянной. Кажется, даже будет выпущено ротационное (то есть рукописное) издание “Тихого Дона”. Может быть, хоть после этого Шолохова оставят в покое?

Продолжение следует.

В ПОИСКАХ ГАРМОНИИ

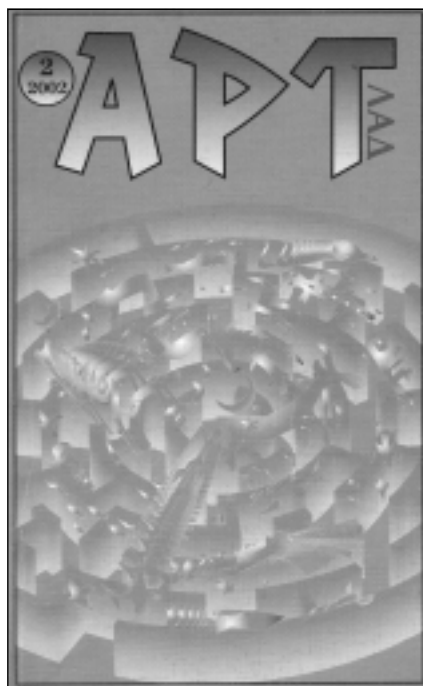

Литературно-публицистический, историко-культурологический, художественный журнал "Арт" ("Лад") выходит в г. Сыктывкаре (Республика Коми Российской Федерации) четыре раза в год на двух языках. В 2007 г. он отметил своё первое десятилетие. Слово "арт" с коми языка переводится как "лад", "порядок", "гармония", восходит к финно-угорскому понятию "мыслитель". Кто наш читатель? Учителя, преподаватели школ, училищ, вузов, творческая интеллигенция, студенты, старшеклассники... Именно для них прежде всего издаётся журнал "Арт". Но и для авторов, конечно, тоже, не будем лукавить. В девяностые годы прошлого столетия от провинциальных авторов отвернулись

все толстые журналы, все издательства Москвы и даже журнал "Север", где коми писатели печатались очень активно, — и те, кто писал на родном языке, и русские авторы тоже.

В Союзе писателей республики более 50 членов, из них половина — русские литераторы. Единицы — даже из именитых и маститых — имели возможность печататься в Москве. Не говоря уже о молодёжи. Поэтому именно молодые поэты, прозаики, учёные стали инициаторами создания нового журнала. Культурный потенциал республики был таков, что все опасения госчиновников (и даже многих писателей!) оказались напрасными: журнал состоялся, вышло четыре десятка номеров.

Можем ли мы говорить, что издание журнала способствует литературному процессу в республике? При том что уже несколько десятилетий существует другой литературный журнал — "Войвыв кодзув" ("Северная звезда") на коми языке? Думаю, что можем. Журнал "открыл" для читателей не только русских авторов, но и тех, кто пишет на коми языке, в основном молодых. Конечно, мы печатаем и наших именитых: Геннадия Юшкова, Ивана Торопова, Егора Рочева... Но коми авторы (старшее поколение) публикуются в основном в "Войвыв кодзув". Хотя мы печатаем их тоже и тоже на коми языке. Так, довольно интересную прозу нам приносила первая коми женщина-прозаик Нина Куратова, мы печатали стихи народных поэтов Республики Коми Серафима Попова, Альберта Ванеева, Виктора Кушманова.

Но мне бы хотелось сказать о тех, кто дебютировал у нас. Прежде всего надо упомянуть Юрия Екишева, коми по национальности, но пишущего на русском языке. “Арт” опубликовал его роман “По глаголу твоему съ миром” и три повести: “Дыхание ветра”, “Ангел рода” и “Люди твоя”. Кроме нас, Екишев довольно активно печатается в московском журнале “Континент”. Могу назвать ещё несколько имён тех, кто впервые серьёзно заявил о себе именно в нашем журнале, — это Андрей Влизков, Эдуард Веркин из Воркуты, Сергей Журавлёв, Олег Куратов и другие.

Вы знаете, что коми язык относится к финно-угорской группе. У нас из года в год выходят специальные номера (или отдельные материалы), посвящённые литературе и искусству финно-угорских народов России, а также Венгрии, Эстонии, Финляндии. Поэтому естественно, что журнал наш распространяется и там. У “Арта” есть опыт сотрудничества со шведским журналом “Культура Баренц региона”. Выходил совместный номер (2002, № 3) на шести языках: коми, русском, финском, шведском, английском, норвежском. Этот номер участвовал в Международной книжной ярмарке в Гётеборге, по разделу “Журналы Европы-2002”. (Кстати, “Арт” был также участником II Всемирного конгресса русской прессы в Нью-Йорке в 2000 г.).

Журнал знают не только в Республике Коми, его выписывают далеко за его пределами, в разных странах. Думаю, что в основном благодаря тому, что мы печатаем и много интересных материалов по истории, этнографии, изобразительному искусству. К сожалению, мы не можем похвастаться тем, что много публикуем публицистики и литературной критики. Хотя бывают очень интересные материалы и наших читателей, и учёных, и политиков. И опять же — не только из России, но и Венгрии, Канады и т. д. Не могли не заинтересовать читателей архивные и другие материалы о жизни и творчестве нашего знаменитого земляка, основателя американской школы социологии Питирима Сорокина. Его труды, в переводе с английского, воспоминания жены Сорокина и его сына Сергея Питиримовича — это тоже уникальные материалы, появившиеся впервые в нашем журнале. Сергей Питиримович приезжал из Америки на столетний юбилей своего отца, мы изредка переписываемся с ним. Это даёт нам повод надеяться на новые публикации. В некотором смысле сенсационной стала публикация писем Сергея Довлатова. Оказывается, он служил во внутренних войсках на территории нашей республики, в посёлке Чиньяворык. Нам принесли его письма тех лет к одной сыктывкарке. И мы, конечно, опубликовали. До суда, слава богу, дело не дошло, но претензии к нам за эту публикацию были...

Наверное, в каждый журнал пишут и посылают свои творения множество непрофессиональных авторов. Мы решили создать рубрику “Народная литература”. Пожалуй, самой любопытной публикацией стала подборка стихов Софьи Кармановой. Стихи она стала писать где-то около 80 лет. Сейчас ей за 90. Думаю, раз у нас столько пишущих, не грех было бы уже создать специальный журнал или хотя бы “толстушку”-газету для публикаций народной поэзии и прозы...

Галина БУТЫРЕВА,
главный редактор журнала “Арт”.

**Республика Коми,
г. Сыктывкар.**

(Из выступления на семинаре главных редакторов ведущих литературных журналов из СНГ и республик Российской Федерации, проведённом редакцией журнала “Дружба народов” в московском Переделкине).

Надежда МИРОШНИЧЕНКО

“Дороге предшествует путь...”

О, листопады юности моей!
Я вас забыть вовеки не сумею.
Я и сама, как осень, пламенею,
Всё возвращаясь к солнцу прежних дней.

О, это время счастья и беды!
Пожары яблок и мороз арбузов.
И тоненькая сдержанная Муза,
Идущая сквозь спелые сады.

Глядящая на Запад и Восток,
Дрожащая от Севера и Юга,
Она одна была моя подруга,
Дарящая и боязнь, и восторг.

И прелых листьев тонкий аромат.
И журавли, построенные в небе.
И разговоры о воде и хлебе.
И вечной жизни свадебный уклад.

Как мне сейчас неточности видны.
Как явственны ошибки перспективы.
Но как бессмертны памяти мотивы,
Осенние, но с привкусом весны.

Ходит-бродит гений по дорожкам,
Дурачок в сафьяновых сапожках.
Гений притворяться не умеет.
Гений бьёт баклуши. Разумеет.

**Надежда
МИРОШНИЧЕНКО**

Поэт. Лауреат Государственной премии Республики Коми. Лауреат премии “Северная звезда” Союза писателей России и Республики Саха (Якутия).

Лауреат премии журнала “Наш современник”. Ответственный секретарь Коми отделения Всемирного Русского Народного Собора.

Потому что гениям известно:
Жить на свете очень интересно.
Только не забыть бы, не забыть бы,
Новенькое что-нибудь открыть бы.

Гений понимает: это просто,
Потому и пялится на звёзды.
То на море глянет, то на сушу.
Думает: лишь не было бы хуже.

Думает: а как бы, чтобы лучше?!
Гений понимает: нужен случай.
А земля вершит свои наряды.
Гений человечеству — награда.

Кто это, кто это там за окном
Стонет и свищет?
Кто это, кто это в сердце моём
Дверцу отыщет?
Дайте свирель ему или звезду.
Что он страдает?
Это же выдержать не вмоготу.
Пусть поиграет.

Кто это, кто это там за окном
Громко смеётся?
Весело шутит, а всё же притом
Грусть остаётся.
Словно пьянит его чья-то вина,
Музыка окон.
В дом пригласите, налейте вина,
Вдруг одинок он.

Что это, что это стало со мной,
Выдержать можно ль?
Вот он, нетрезвый, но и не хмельной.
Как мне тревожно.
Что тебе надо, скажи — не таи.
Вдруг полегчает.
Что же не слышит он речи мои,
Не замечает?

Вот и ушёл, не сказал, почему.
Как теперь буду?
Он, понимаете, мне ни к чему,
А не забуду.

Анатолию Федулову

Серебряная песня родника.
Сквозь кружево дерев звезда искрится.
А я люблю тебя издалека.
И это чувство, видно, на века,
А напиши — не хватит на страницу.

Какая ночь! Прозрачней, чем родник!
Какая нега воздуха и снега!
Как долго длится восхищенья миг.
И сердца, и ума какая нега!

Мне всё равно души не извести
На зависть или злобу. Да чего там?!
Как небеса умеют расцвести!
Как терниям не нравится работа!

А я люблю тебя издалека.
А ты вблизи меня понять не можешь.
А всё равно печаль моя легка.
Серебряную песню родника,
Как ни старайся, а не превозможешь.

Я тебя не забуду, а ты, если хочешь, забудь.
Слишком холодно светит Полярная наша звезда.
Слишком короток в жизни её человеческий путь.
Хорошо уж и то, что бывает любовь иногда.

Я тебя не увижу, а видеть ещё захочу.
Слишком сумрачно длится на свете полярная ночь.
Не приду, не окликну, но всё-таки не отпущу,
Потому что бывает такое, что не превозмочь.

Вот и бродят по свету, как бред, голоса-голоса.
Вот и стал он тернистым, назначенный загодя путь.
Вот и просятся-просятся души скорей в небеса.
Я тебя не забуду, а ты, если хочешь, забудь.

Я тебя не прощаю, а ты, если хочешь, прости.
Разве мало на свете подобия и перемен.
Я тебе обещаю сквозь память свою пронести
Наши редкие встречи, достойные редких измен.

Вячеславу Куприянову

Всё встало на свои места.
Вернулись лебеди из плена.
Ведь знала я, что неспроста
Русалка плачет, как сирена.

И прямо с чистого листа
Я невода закину снова.
Зарокотало рядом слово.
Всё встало на свои места.

Не надо розы на окне.
Вон звёзды розами провисли.
Не пой, красавица, при мне.
Прислушайся к дыханью мысли.

Ведь знала я, что красота
С прозрением одновременна.
Вернулись лебеди из плена.
Всё встало на свои места.

В этом парке у меня много дел.
Много дат и много встреч. Много лет.
В этом парке он мне душу задел.
В этом парке, где меня уже нет.

Я когда-нибудь войду в ворота.
Ко мне прежние деньки подойдут.
— Где черта, — скажу себе, — где черта,
За которой сердце вспыхнуло тут?

Видно, в парке этом много чудес,
Если каждая тропинка — сюжет.
То ли настезь сердце рвётся, то ль чрез
В этом парке, где меня уже нет.

Почему же мы не ставим крестов,
Почему не бьём мы в колокола
Там, где брода нет, где нету мостов,
Да зато душа живой была?

— Не судьба, — скажу себе, — не судьба.
И не надо о прошедшем грустить.
А над парком голубым-голуба
Моя память будет жизнь бороздить.

Это думаешь ты: ей дорога — улыбка и память.
Разве женщина может поверить, что это не так.
Ведь дорога тебе — это жизнь перешедшее пламя,
БТР, парашют и отчизны поруганный флаг.

Это думаешь ты: хорошо, что сейчас передышка.
Можно просто смотреть, как спокойно летит вертолёт,
Как прекрасна земля, как пилот забирает всё выше.
И совсем безопасен безоблачный этот полёт.

Это думаю я: мне дорога — сюжет и разлука,
Небеса — паруса, пара строчек в дорожный блокнот.
Хорошо, что когда-то мы встретились в жизни друг другу.
Всё, проходит, сказали. Так что же никак не пройдёт?

Это думаю я: невозможно постичь постоянство.
Всё проходит на свете. Дороге предшествует путь.
И подвластны ему и любовь, и душа, и пространство.
Всё проходит на свете. И только с пути не свернуть.

Отрывок из поэмы “Русь”

Была я в этой местности нездешней.
Но за чредой разрушенных садов
Мне показал таинственный орешник
Коричневые мордочки плодов.

И плакал детский голос электрички
Так кротко, что подумалось: не плачь.
И девочка — две школьные косички,
Как мячик, под дождём летела вскачь.

На Родине, в любой её долине,
В любой нечуждедальней стороне
Всё хорошо: от горестной поляны
И до цветка герани на окне.

Откуда взялся ты в конце аллеи,
Такой чужой и нужный в этот час?
Я и сейчас, наверно, не жалею,
Что случай свёл на той аллее нас.

И мнилось мне: любое время любо:
И звездопад, и духота, и дождь.
Но непослушные шептали губы:
“Ты не забыла. Ты ещё придёшь”.

На Родине... Но всё-таки... Но всё же...
Я оглянулась, память бередя:
Лишь девочка неслась по бездорожью
В счастливых струях летнего дождя.

Станиславу Куняеву

Кружевное Подмосковье,
Соловьиные леса,
Ты пьянишь меня любовью,
Завлекаешь в небеса.

Незабудок тихий лепет,
Яблонь душные чреды
И тумана белый лебедь
Над бурьяном лебеды.

Хорошо тебе, Есенин,
Было петь и горевать.
То в вишнёвом, то в весеннем
Песней душу согревать.

Вешен срок цветущих вишен,
Ладен ландыш, предан пруд.
И хрустально неподвижен
Месяц, чистый изумруд.

Я б сама могла под это
И заплакать, и запить,
И влюбиться до рассвета,
И к закату позабыть.

Я бы даже... Я бы тоже...
Да живу всё в том краю,
За который жизнь положишь,
Только лучше песнь не сложишь,
Целый век поём всё то же:
“Дайте Родину мою!”

Я уеду сюда. Я приеду сюда и останусь
Навсегда. До заката. До смертного всадника встречу.
О, Москва! Подмосковье твоё — мои светлые стансы.
Мои чистые мысли. Моя торопливая речь.

Эти мелкие речки — лесные разведчики моря.
Эти ландыши хрупкие и перебежки ручьёв.
Этот Радонеж света и неповторимые взгорья
Православных посадок с оврагами для соловьёв!

И придумывать нечего. Только гляди да любуйся.
Серебристы деревья и тайною дышат луга.
Я уеду сюда. Я приеду сюда. Не волнуйся:
И тебя заберу я из края, где только тайга.

И весною насмотришься ты на сады молодые,
На цветущие яблони в пылких объятьях зари.
Это тоже она, но немного другая Россия,
Колыбельною песней живущая в нашей крови.

И пускай говорят телевизоры и полководцы,
И бунтует народ, выбирая неточную цель,
Я тебя напою родниковой водой из колодца.
Ты не пей из копытца — уж это ты знаешь теперь.

Елена ГАБОВА

Беличья шкурка

Рассказ

Белка прыгнула на соседнюю сосну и, свесив головку, стала разглядывать папу и Светку. Отец смотрел то на зверька, то на Светку и улыбался.

— Папа, ну что же ты! Стреляй! — крикнула Светка. Белка прыгнула на ветку пониже.

— Стрелять? — спросил папа и прищурился.

— Давай, давай, упустишь!

— Не жалко?

— А! — сказала Светка и махнула рукой. Станный у неё отец. Охотник, а задаёт такие вопросы. И белка тоже странная. Другая бы на её месте давно ускакала, а эта, гляди, любопытная.

— А любопытной Варваре нос на базаре оторвали, — сказала белке Светка.

Отец снял с плеча ружьё, но не стал целиться, а передал его дочери.

— Стреляй сама.

Светка приладила ружьё к плечу, прицелилась и выстрелила в любопытную белочку.

Зверёк перекувыркнулся в воздухе и упал в белый мох.

— Молодец, не разучилась.

Светка зарделась. Да, она умеет стрелять и гордится этим. Отец научил её, когда ей было тринадцать.

Она подошла к сосне, подняла белку с усыпанной сосновыми иглами земли и передала отцу. Тот поглядел — дробь попала в мордочку — и сунул в сумку, перекинутую через плечо.

Светке четырнадцать. Она высокая и тоненькая. У неё зелёные глаза. Она учится в девятом — отличница, и тоже этим довольна. Светка вообще довольна собой и своей жизнью. Мама у неё учительница. Папа — коммерсант, а ещё он охотник, правда, в последнее время уходит в лес и возвращается без добычи. Когда Светка спрашивает почему, он странно отвечает:

Елена ГАБОВА

родилась в Сыктывкаре. Закончила Всесоюзный институт кинематографии (сценарный факультет, мастерская Н. Н. Фигуровского). В основном пишет прозу для детей. Её книги изданы в Москве, Киеве, Сыктывкаре. Рассказы и повести печатались в журналах "Юность", "Пионер", "Костёр", "Слово", "Войвыв кодзув". Повесть "Никто не видел Рыжего"

и повесть-сказка "Гришуна на планете Лохматиков" опубликованы в Японии отдельными книгами. Произведения переведены на японский, английский, немецкий языки, а также на языки народов России. Елена Габова — автор переводов с коми (без подстрочников) сказок Г. Юшкова,

рассказов Е. Козловой, исторической повести В. Тимина "Мальчик из Перми Вычегодской".

- Не хотелось стрелять.
- А что же ты тогда делал в лесу?
- Так просто ходил. Смотрел. Наблюдал.
- Ты же мне хотел сшить шубу из белки!
- Я купил тебе дублёнку. Тебе мало?

Светка пожимала плечами.

Дублёнка у неё хорошая, верно. Ничуть не хуже, чем у Славки Микулиной, которую каждый день подвозит в школу “иномарка”. Но дублёнок много, а беличья шубка была бы у неё одной из класса. Да ладно, не очень-то она переживает из-за шубки, так, просто отец обещал.

Пропела какая-то пичужка. Синичка. Другие птицы все давно улетели. Вот-вот наступит зима. Земля уже промёрзла, но снег ещё не выпал. Серебристый мох похрустывает под ногами. Светка любит, когда по воскресеньям отец берёт её с собой в лес. Только это нечасто бывает — то он в поездках по своим коммерческим делам, то с друзьями на охоте — неделю могут прожить в своей маленькой избушке. А сегодня вот такое удачное воскресенье.

Из леса вышли прямо к машине — тютельница в тютельку. Тронулись. По лесным дорогам надо ехать осторожно: то пень выскочит, то лужа от края до края. Разбивая хрупкий тонкий ледок, машина утопает по самые фары.

Недалеко от города отец остановил старенькую “копейку” — здесь, на берегу пруда, у них всегда последний привал. Они разводят костёр и пьют чай. Пруд большой, противоположный край даже не проглядывается в осенней дымке. Он уже почти весь замёрз.

— Видишь четыре точки? — отец указал вдаль пруда. — Во-он там. Лебеди отдыхают.

Светка прищурилась и всё равно ничего не могла разглядеть.

— Возьми подзорную трубу.

Четыре лебедя стояли каждый на одной ноге, спрятав головы под крыло. Спали? Было такое впечатление, что они крепко-накрепко вмёрзли в лёд во время своего сна и уже никогда не проснутся.

— Отдыхают, — повторил отец, — а где-то стоит лебединый сторож с камешком в клюве. Он заснёт нечаянно, камешек выпадет и разбудит его.

Светка с подозрением посмотрела на отца.

— Ты это сам видел?

— Камешка я, конечно, не видел. Читал про это. Но то, что к лебедям не так просто подобраться — знаю, пробовал. Не получилось.

— А почему птицы не улетели раньше?

— Вот как раз и улетают. Они всегда так.

Затрепетал рыжими крылышками костёр. Отец установил на срубленной жердине котелок с водой, в которой плавали льдинки, похожие на сладкие леденцы.

Они уже допивали чай, когда отец показал в небо:

— Летят.

И Светка увидела, как красиво и высоко летели птицы. Солнце уже заходило, и крылья белых лебедей отливали розовым. Снизу, откуда на них смотрели папа и Светка, птицы были похожи на бело-розовые крестики.

Светка им помахала.

— Долетят они до своего юга, папа? Ведь уже всё замёрзло, чем они будут питаться?

— Долетят. Красивые птицы.

Назавтра в классе Светка никому не рассказывала об охоте. Подумав, подстрелила белку. Да она вообще не болтлива.

На уроке алгебры была контрольная.

— Так. Отложили все свои проблемы в сторону, — сказала Агния Львовна, — начинаем работать.

И отошла к окну.

Юрка Кобрин нацепил наушники и включил плеер, который был в кармане его растянутого джемпера. Агния Львовна как будто в окне увидела, что Юрка включил музыку.

— Кобрин, сколько раз говорила — не носи с собой плеер. Убери, — сказала она.

Юрка сделал вид, что не слышит. А может, и правда не слышал. Наушники же.

Учительница выросла рядом с ним, как скала.

— Кобрин!

Юрка выключил плеер и поднял на учительницу страдальческие глаза.

— Агния Львовна, я ведь никому не мешаю? А мне музыка помогает сосредоточиться.

— Ни за что не поверю, — сказала Агния Львовна. — Отдай мне свою музыку — на время урока.

— Нет, — сказал Юрка. — Так и быть, не буду слушать.

И убрал плеер.

Чего учительница цепляется к Юрке? Ведь он хорошо учится. И правда, никому не мешает. Интересно, какая у него музыка? Наверное, какая-нибудь без слов. Узнать бы, подумала Светка, да как? Она стесняется спрашивать что-то у мальчишек.

У них с Юркой один вариант — второй. Ответы задачек Светка у него на перемене спросит, а вот о музыке ни за что.

Она и Юрка, единственные из класса, получили по контрольной пятерки. Почти всегда так было. Этим самым они с Кобриным выделились как бы в пару недостижимых. У Светки по сочинениям были четверки, а Юрка и сочинения писал как настоящий писатель. Правда.

А Светка сочинения не любила. Особенно на свободную тему. Однажды дали задание написать об улице, на которой они живут. А что писать об их дурацком районе, где рядом с двухэтажными деревянными домами — грядки с луком и картошкой? Что тут интересного? То, что сосед, Витькин отец, каждый день приходит пьяный и идет по улице, разбрасывая руки и ноги, того и гляди свалится. И валится — несколько раз Светка видела, как дядя Жора лежит на земле. Тогда ребята искали Витьку: “Иди, поднимай отца”, а ему было стыдно и он, наоборот, сам прятался. Или написать про их собаку Ладу с хвостом-колечком, как она заболела и умерла? Светка щенком нашла её на улице, выходила, гуляла со своей любимицей каждый день. Она долго плакала, когда Лада умерла, ведь это был её друг. Или написать о том, как тётя Юля из их подъезда ездит в Чечню работать радисткой, а дома остаётся её двенадцатилетний сын Вовка, и к нему приходят старшие дружки, и они там пьют вино. А тётя Юля ездит зарабатывать деньги, как она объясняет, иначе им с сыном не на что жить. Папа говорит, а зачем ей тогда жить, если сын распустится и станет наркоманом? Потому что никто не знает, что делают у Вовки старшие ребята, может, и колются.

Нет, не о таком районе мечтает Светка, ей нужен центр города, большой белоснежный дом, где живут приличные люди, где нет пьяниц, а все ребята поголовно учатся в музыкальных школах. Ну, пусть не поголовно, пусть половина. Сама Светка в музыкальной школе тоже не учится, но зато она изучает английский в престижной вечерней школе. И она ездила в Болгарию с ребятами из этой “Лингвы”, и они даже немножко употребляли там свой ломаный английский.

Светка сидела в своей комнате и грызла ручку, думая о сочинении. В голову ничего не лезло. Подошёл папа:

— О чем ты думаешь, кума Ерёма? — это у него присказка такая. — Половину ручки уже изгрызла.

— Задают дурацкие темы, вот и ломай голову, — буркнула дочь.

— А какая тема?

— Наша улица, наш двор.

— Прекрасная тема, Светка! — папа оживился, заулыбался, морщинки вокруг глаз так и засияли.

— Что тут прекрасного? Что я напишу? Про наш старый драндулет под окном?

— Драндулет очень даже замечательный. Я не боюсь оставить его в лесу на несколько дней. Если бы это был “Мерседес”, представляешь, что бы от него осталось?.. Рожки да ножки... Светка, в самом деле интересная тема.

Папа сел на диван. Ага, прочно заинтересовался.

— Интересная? Вот и напиши.

— За тебя?

— За меня. Что тут такого?

— Хорошо.

Папа взял бумагу, карандаш — он не любит ручки, всегда пишет карандашом и удалился в кухню.

— А тебе спать пора, — заглянул снова, — ложись, завтра утром перепишешь.

И когда Светка легла, и он зашёл к ней её поцеловать, Светка спряталась под одеяло.

Она уже не маленькая, чтоб её целовали перед сном.

А папа вышел во взрослую комнату и сказал маме (Светка слышала):

— Обрати внимание, она спит в бюстгальтере.

Мама ничего не ответила.

— Светлана, ты слышишь? — спросил папа громче. Светкину маму тоже звали “Светлана”, поэтому Светку зовут кратко, а маму — полным именем. Папе уж-жасно нравится это имя, поэтому он и дочь так назвал. Наверное, он крепко любит маму.

— Слышу, — ответила мама, — пусть спит. Я так же спала в четырнадцать лет.

— Но ведь это вредно.

— Ничего.

— Хотел её поцеловать — под одеяло спряталась. Прямо дикий какой-то зверёк.

— Большая уже, стесняется, — ответила мама.

За папино сочинение Светке поставили пятёрку. Когда продиктовали отметки, она почему-то повернулась и посмотрела на Кобрина. Тот поднял большой палец: “Молодец!”. Светка покраснела. Знал бы он, какой она

“молодец”. Это папа молодец, не она. Учительница прочла сочинение всему классу. Всем понравилось.

Ничего. В следующий раз она напишет сочинение сама, папа просто показал ей, что нет таких тем, по которым бы нечего было писать.

Похвалить папу Светка не смогла — он уехал в Москву за товаром. Папа коммерсант, часто ездит за своими, как он выражается, “железками”. Это тяжёлый труд, Светка знает. Толкаться на базах, ходить в конурки-склады других коммерсантов, носить тяжеленные рюкзаки и сумки — Светка ни одну из них с места не сдвинет, грузить всё в вагон, выгружать — очень тяжело. А риск! Ведь коммерсанты ездят за товаром с деньгами.

У отца есть пистолет. Без него нельзя. В последний коммерческий рейс было вот что. Отца зажали между забором и складом на каком-то московском рынке человек восемь “идиотов”, как высказался папа. На улице уже темнело.

— Ну что, боишься бандитов? — спросил один, очевидно, главарь.

— Нет, ребята, чего вас бояться? — сказал папа своим глухим голосом. (Светка хорошо представила, как он это спросил. Прищурился и спросил). Он сунул руку в карман. И тогда бандиты передумали наступать. А папа достал пистолет и направил прямо в середину толпы.

— Да ладно, мы только попугать хотели, — лениво сказал главарь, и вся ватага размылась, растаяла.

Всё это папа рассказывал маме, когда Светка, по их мнению, уже спала, а они смотрели телевизор.

Хоть папа и коммерсант, но живут они так себе. У них двухкомнатная квартира в “деревяшке”. Правда, комнаты большие и кухня тоже, но Светка хотела бы жить в большом, белоснежном доме.

Папа сдаёт свой товар в магазины, накидывая сверху какую-то денежку, совсем небольшую, иначе покупать не будут, из этого складывается его выручка и бюджет семьи. Мама получает совсем мало. Сам папа не торговал. Мама уговаривала — тогда они имели бы гораздо больше средств. Папа отказывался наотрез:

— Стоять на рынке не буду!

Папа у Светки большой и сильный. Чёрные волосы с проседью. Глаза голубые, маленькие, с острыми ресницами. Если он не побреется два дня, он зарастает щетиной по самые эти ресницы и тогда у него ужасно колючие щёки. Светка знает это по тому времени, когда она ещё позволяла папе себя целовать. Но в последний год — ни за что. При нём она ни за что не разденется у врача. Папа удивляется. Как же он не понимает, что Светка выросла, что в четырнадцать лет девочка уже не просто девочка, а взрослая девочка. Светка — в пять лет, и Светка — в четырнадцать — есть разница? Если она сама чувствует это, то почему не чувствует он? А вообще Светка папу своего очень любит и не хотела бы никакого другого.

Светка похожа на отца. Она выше всех девчонок в классе. Наверное, будет тоже длинная, как он. Вот этого бы не надо. Что за каланча под два метра. Только глаза у неё не голубые, а зелёные. Папа говорит, что Светка похожа на сосенку — высокая и тонкая, глаза — под цвет хвои. Светке нравится сосна. Она где-то песню слышала: “Я хочу быть высокой сосною”. Ну, насчёт того, хочется ей быть деревом или нет, она не знает, скорее нет, но если уж быть деревом, то именно смолистой пахучей сочной, по веткам которой прыгают белки.

Юрка Кобрин подошёл к ней после уроков и сказал:

— Слушай, Сергеева, если я тебя на день рождения приглашу, это не будет смешно?

Шедший мимо Вовка Авдеев услышал и захохотал:

— Будет, будет, ещё как!

И стал показывать на Юрку и Светку пальцем.

— Ты, Авдеев, олух царя небесного, — сказал Юрка. Покраснел и отошёл от Светки. Она даже ответить ничего не успела. Ох и рассердилась она на Вовку. Такой дурень! Конечно, она бы пошла к Юре. Что здесь смешного? Он хороший мальчишка. Учится замечательно, и внешне ничего. У него только нос немного прыщавый. Но это, все знали, пройдёт. Даже без всяких мазей, которые без конца рекламируют по телевизору. Просто у них такой возраст прыщавый. Подростковый. Светке казалось, что прыщики у них не только на лице, но и где-то в душе. То вдруг захочется плакать. То — беспричинно — смеяться. Иногда Светка бредёт по улице, видит — на земле палка валяется. Ну, валяется и валяется. А Светка её вдруг подбирает и бросает высоко в небо. Не глупость ли это? Как будто руки чешутся — до того хочется зашвырнуть палку выше облаков.

Светка пришла домой и написала:

“Юра! Это нисколько не смешно, если ты пригласишь меня на день рождения. С. Сергеева”.

Светка думала, что завтра она отдаст эту записку Юрке. Конечно, если Авдеева не будет поблизости. Но ближе к вечеру уже перед сном она посмотрела эту свою записку и порвала в мелкие клочки. Вот ещё — мальчишкам записки писать! Она не Галка Игнатович — та постоянно переписывается записками с мальчишками. Да ещё на уроках.

Одну такую “записочку” Галка показала. После школы они, как всегда, шли домой вместе. Галка вытащила перчатки из кармана и на снег выпал сложенный вчетверо лист.

— А, — сказала Галка и подобрала листок с тротуара. — Это мой урок по географии. — Она развернула листок. — О-о, целый конспект! О чём на географии говорили, напомни.

— О природных ресурсах.

— Вот-вот. Посмотри, какие природные ресурсы я нарыла.

И подала Светке лист.

14 соревнования по плаванию. Придёшь за меня поболеть? — прочла Светка первую строчку, узнав Галкин почерк.

Нет времени, — это уже другой почерк. С кем Галка на географии сидела? Ага, с Игнатом. Она с разными мальчишками сидит на разных уроках. С девчонками тоже, случается, сидит, но реже. Учителя устали делать ей замечания. Махнули рукой.

Значит, это почерк Игната.

Ну и дурак. А вечером на дискотеку придёшь?

Не знаю. Очень много уроков.

И почему ты меня ненавидишь?

Я тебя ненавижу?!

А как же.

Ты что. Смотри, обижусь. Никогда больше так не говори.

Не буду. Я хочу умереть.

Ты глупая. Так тоже никогда не говори.

Ты что, мне запрещаешь? Запрещаешь?
Я тебя прошу. Для твоей же пользы.
Какой заботливый.
А как же. Я вообще хороший.
Ещё забыл, что очень скромный.
Точно.
Вообще-то у меня уже есть к кому на свидания бегать. Так-то!
А к кому?
Ты его не знаешь. Я сама его всего 2 раза видела.
Если не знаю, тем более скажи.
Ему 17.
Но имя. Имя.
Зачем? Ну, Ромка.
А фамилия?
Зачем мне его фамилия, я же не замуж за него собираюсь.
А за кого ты замуж собираешься?
Ни за кого, ты же знаешь.
Хочешь остаться вечной девственницей? Так 7-летние девочки говорят. А тебе уже 14.
И не собираюсь я девственницей оставаться.
Что же, вне брака? Только без детей! С кем же? Когда?
Ты про что это?
Про лишения тебя девственности.
Найду кого-нибудь.
Кого? Любого?
Нет.
Выбирай того, кто тебя любит!
Меня никто не любит, и я никому не нужна.
Кто же тогда тебя девственности лишать будет?
А кто мне больше понравится.
И когда же это всё-таки произойдёт?
После дня рождения, весной. Может быть, кого-нибудь найду, может быть, это будешь ты.
Ну что ты. Я тебя не достоин.
— Прочла? — спросила Галка. Лицо её светилось загадочностью. Словно она дала Светке заглянуть за краешек своей тайны.
— Ты даёшь, — сказала Светка. — Как тебе не страшно о таких вещах с мальчишками говорить?
— Говорить, может, и страшно, но мы же переписывались. Всю географию! Знаешь, это классно! И потом то, о чём в записке — просто детский сад.
Светка пожала плечами и подумала, что она ни за что не будет говорить о таких вещах с мальчишками. Ни говорить, ни переписываться. Никогда.
— Светка! — слышался под окном именно Галкин голос. Но в этом не было ничего удивительного, они жили с Галкой в одном доме, только в разных подъездах.
Светка вскочила с постели и подбежала к окну. Было темно, ничего не видно, но Галкин голос сказал:
— Светка, выйди на секунду! Очень нужно! Тебя Юрка Кобрин спрашивает.

— Сейчас! — Светка стала лихорадочно натягивать брюки и свитер. Вообще-то ещё не было поздно — девять вечера, но в их семье привыкли ложиться пораньше, зато и рано вставали. Если бы дома был папа, он ни за что бы не выпустил Светку на улицу. Да ещё к мальчишке. Папа ужасно строг к мальчишкам. Когда он видел, что Галка стояла в подъезде с какими-то ребятами, у него глаза прятались в щёлочки, он приходил домой и раздражённо говорил:

— Куда Галкины родители смотрят? Я бы её сейчас за шкурку и — домой.

— Папа, да они же просто стоят и разговаривают!

— Всегда сначала стоят-разговаривают, а потом дети получают.

— Папа! Ты говоришь глупости!

— Ладно, ладно, глупости. Постой вот так у меня.

Натянув на босу ногу сапоги, накинув дублёнку, Светка выскочила на улицу. Действительно, под фонарём рядом с Галкой Игнатович стоял Юрка — в куртке, в шапочке “шлемом” — она очень ему шла. “Странно, — подумала Светка, — откуда здесь Кобрин взялся?”.

— Чего? — спросила она, подойдя к ребятам.

— У тебя нет телефона, пришлось разыскивать, — объяснил Юрка. — Мы же в школе не договорились из-за олуха Авдеева. Ну как, придёшь ко мне на день рождения?

— Когда?

— Завтра.

— Меня тоже пригласили! — похвасталась Галка, выступив вперёд.

— Хорошо, мы придём. Да, Гал?

— Конечно, придём! Спрашиваешь! А кто там ещё будет?

— Моя сестра, её подруга и парни из нашего класса.

— Вовку ты, наверное, не пригласишь, — сказала Светка. Девчонки засмеялись.

— Я что, похож на идиота? Ну, жду вас в пять вечера. Пока!

Юрка ушёл, а Галка осталась.

— Он тебе нравится? — спросила она.

Светка пожала плечами.

— Я об этом не думала.

— Мне — нет. Та-акой серьёзный. У него только пятёрки на уме. Сдохнуть можно. И нос у него прыщавый. У него, наверное, завтра и музыки-то никакой не будет. Или Бетховен какой-нибудь.

Когда Светка зашла домой, мама уже спала.

“Что же мне ему подарить? Если бы папа успел сделать чучело белки, я бы подарила ему белочку”, — Светка стала думать о подарке и незаметно уснула.

Она проснулась с каким-то непонятным радостным чувством. Как будто за дверью стояла новогодняя ёлка, а под ней в каком-нибудь её детском башмаке — подарок от родителей. И тут же вспомнила — наоборот, это она должна придумывать подарок. Юре Кобрину. Но радость шла именно отсюда — мальчишка пригласил её на день рождения! Подарить ему какую-нибудь книгу? Лучше всего — справочник или энциклопедию — Юрка это любит, раз всё знает. А ещё недавно Светке самой подарили книгу рассказов про школу — классная книжка, если она ещё есть в книжном магазине, надо её купить. Но интересно ли это Юрке? Может, он читает

уже исключительно взрослую литературу или только то, что задают по программе — Пушкина, например. А что — это мысль. Если есть “Евгений Онегин” в красивом издании — Светка купит. Мама на это деньги даст. Или можно купить видеокассету. Какой-нибудь фантастический фильм. Наверняка у Юрки есть “видик”. А ещё можно — аудиокассету, нет, вообще-то выбрать подарок можно. А какую музыку Юрка любит, как угадать? Вот же, думала Светка, восемь лет проучились в одном классе, а я про него ничегошеньки не знаю. Как, впрочем, и про других мальчишек.

В школе на перемене она отозвала Юркиного друга, Игната, и, краснея, спросила:

— Подскажи, что любит из музыки Юрка?

— Если песни, то Шевчука. Группа ДДТ. Купи последний альбом, у Юрки его ещё нету.

— Хорошо.

После школы Светка купила кассету Шевчука. Хотелось самой послушать, да не будешь ведь сдирать упаковочную целлофановую шкурку. Лучше она потом попросит у Юрки на день-два. Интересно всё-таки, что же слушает в свободное время этот отличник, за которого, наверное, отец не пишет сочинений.

Девчонки принарядились. Светка не захотела вылезать из любимых брюк, но надела нарядную водолазку, а Галка надела юбку с разрезом и красную, с блёстками, кофточку.

— Как тебе мой прикид? — Галка засмеялась. — Слушай, я в первый раз иду на праздник к мальчишке. А ты?

— Я тоже.

— Интересно, чего это он меня пригласил? — продолжала Галка. — Тебя понятно, ты ему как сестра, раз вы учитесь одинаково. А я причём? Может, я ему немножко нравлюсь? А, Светуль?

— Конечно, нравишься, — сказала Светка, — ты только ресницы мало накрасила. Сильнее надо, — Светка съехидничала. Туши на ресницах Галки было, наверное, целый килограмм.

Сама Светка не красится. Во-первых, ей и не хочется, во-вторых, если увидит папа... Конечно, сейчас его нету... и всё можно. Мама у неё не строгая, разрешит. Нет, ей просто не хочется краситься, да и всё.

Дом у Юрки тот самый, белоснежный, о котором мечтает Светка. Второй этаж с большим балконом, пять окон. У Юрки собственная комната, на столе — компьютер. В углу телевизор, а на нём ещё видик. Тут же, как толстая рыба, музыкальный центр. Компьютер включён, и на чёрном экране-заставке плавают космонавты. У другой стены — рыбки в аквариуме. Книги на полках, точно энциклопедии. “Да, — подумала Светка, — что ему какая-то одна-единственная моя кассетка?”.

Но Юрка сразу поставил её. Но тут же выключил.

— Шевчука надо слушать внимательно, в оба уха. Ну, девчонки, мальчишки, предлагаю отметить мой юбилей. Как-никак — пятнадцать.

Все сели за стол. В бокалы разлили кока-колу из двухлитровых бутылок. Галка, когда это увидела, удивлённо приподняла брови: неужели Юрка не употребляет ничего покрепче? Уж шампанское можно было выпить в пятнадцать лет. Сестра Юрки, брюнетка Виолетта, сказала:

— Мама оставила меня за вами поухаживать, но я вижу, вы люди самостоятельные. Мальчики, сами ухаживайте за девочками. Юра, ты у меня самый лучший брат.

Она чмокнула брата в макушку и вышла. Подруги её не было и в помине. — Конечно, самый лучший, раз другого нету, — проворчал Юрка. — Галка, ты чего не пьёшь?

— А шампанского у тебя нет? Или хотя бы пива?

— Торопишься жить? — спросил Юра, ухмыльнувшись. — Нет, родители не купили. Впрочем, пиво у отца в холодильнике стоит. Принести?

— Принеси, я выпью за твоё здоровье. Если тебя за это не убьют.

Юрка принёс пиво в большой пластиковой бутылке, разлил по бокалам Галки и Игната — он тоже пива затребовал.

— Галь, давай поменяемся фамилиями? — спросил Игнат. — Я буду Игнат Игнатович.

— А я — Галина Виноградова?

— Хорошо, правда? Махнёмся?

— Нет, давай подождём, — сказала Галка. — Просто, когда мы будем жениться, ты возьмёшь мою фамилию.

— Вы что уже договорились? — засмеялся Юрка.

— Представь себе, — Галка кокетливо подмигнула Игнату.

— Разговор, насколько я помню, шёл только о девственности, — усмехнулся Игнат. — Ну, Юрий Петрович, за твоё драгоценное здоровье.

Потом танцевали, и Галка прямо спросила Юрку:

— Ты почему меня пригласил? Я что, тебе нравлюсь?

— Прямо сказать или косвенно?

— Как это — косвенно?

— Что такое косвенное предложение, помнишь из русского?

— Нет, конечно, ну ты даёшь.

— Это не главное, а...

— Да ладно, лучше скажи прямо, а то я ещё не пойму.

— Чтобы Светке не было скучно домой возвращаться. Вы же рядом живёте.

— Да?

— Да.

— Только поэтому?

— Разве этого мало?

Галка выскочила в прихожую и стала натягивать сапоги.

— Вот дурная, — сказал Юрка, — что я такого сказал?

— Это ты дурной, — ответил Игнат. — Девчонкам надо всё объяснять косвенно, — и тоже пошёл в прихожую. — Галь, брось, чепуха. Останься, потанцуем.

Галка стояла в одном сапоге, а другой собиралась натягивать.

— Я тоже домой пойду, — сказала вдруг Светка. — А то мне и правда скучно без Галки возвращаться.

— Галь, вот видишь, и Светка уйдёт... — сказал Игнат.

— Да я тебя провожу, Светлана, — донёсся из комнаты Юркин голос.

— Иди ты, Кобрин, знаешь куда? — Светке стало обидно за подругу.

— Ну девчо-онки, — заканючил Игнат, — да что вы... глупые какие... Мало ли парни чего сморозят, всё слушать... Ведь это пустяк...

— Пусть уходят, — вдруг крикнул Юрка. И врубил музыку. Громко-громко. Того самого, Шевчука.

— А ты пей свой лимонадик! — крикнула Галка, но неизвестно было, услышал он или нет — музыка гремела на весь дом.

Девочки выбежали на улицу.

— Зря ты вспылила, — упрекнула Светка. — Сама просила, чтобы он правду сказал. Он и сказал. И что такого сказал? Глупая ты, Галка. Слишком обидчивая, вот что.

— Значит, ему ты нравишься, — задумчиво произнесла Галка. — Поняла? — она вдруг разозлилась и топнула ногой по мёрзлой земле.

— Ты что? — удивилась Светка. — На меня-то чего злиться?

— Ничего. Крыса ты.

— Ну спасибо. Между прочим, я из-за тебя ушла от Юрки.

— Можешь возвращаться к своему Юрке. А-атличники, блин!

Галка побежала по двору, утыканному машинами, среди которых было полно иномарок, наверное у Юркиных родителей тут же стояла какая-нибудь “Хонда”.

“Вот ненормальная, — подумала Светка. — Ну конечно, так готовилась, красилась-мазалась, лучшую кофточку надела... А чего Юрка, собственно, сказал? “Я пригласил тебя из-за Светки”.

Стоп!

Ведь это же открытый текст! Ему нравится она, Светка. Может, он потому и не стал выражаться “косвенно”, чтобы Светка услышала. Вот это да! Светка Сергеева нравится отличнику Юре Кобрину. “Ну и как тебе? — спросила себя Светка. — Да никак!”.

Назавтра в школе Галка не смотрела на Светку. А если и смотрела, то вид у неё становился вызывающий. “Ну и злись, — подумала Светка. — Сама ты крыса”.

И Юрка на неё не смотрел. Один раз подмигнул Игнат. Да ну его. Да ну их всех, мальчишек. С Галкой надо помириться — домой возвращаться не с кем. Но пусть она сама подойдёт. Светка не обзывала её крысой.

Светкино место у окна. Она видит, как между рамами валяется бабочка. Именно — валяется. Как сухой лист. Светка знает, что весной, стоит только пригреть солнышку, бабочка проснётся. Но как трудно верится в это сейчас. Бабочка похожа сейчас на беличью шкурку, которая у Светки в морозилке. Только шкурка уже никогда не станет белочкой. Только чучелом — красивым, пушистым, но чучелом. Его можно будет кому-нибудь подарить. Светка видела — в магазине такие стоят очень дорого, значит и подарок будет хороший, дорогой.

К доске вызвали Кобрину. Чего вызывают — всё равно пятёрка. Юрку можно не спрашивать, а просто ставить по всем предметам “5”. И выпускать из школы. С золотой медалью, естественно.

Юрка начертил треугольник, написал “дано” и положил мел.

— Я не готов отвечать.

— Как? — переспросила Агния Львовна. — Что ты сказал?

— Не готов.

В классе стояла изумлённая тишина.

— Сегодня вечером пойдёт зелёный снег, — сказала Ирка Павлова.

— Вечером! Глянь — уже идёт, — сказал Петя Вавилов.

Все посмотрели в окно. Шёл снег. Светке показалось, что он и вправду зелёный.

Толчок в спину. Светка оглянулась — сосед, сидящий сзади, протягивал ей сложенный вчетверо листок. “Это из-за тебя”, — было написано в записке.

Юрка только что сел на своё место. Он написать бы не успел. Да он и не смотрит на Светку. Девочка глянула на Игната. Он как будто этого и ждал, соорудил дурацкую гримасу и развёл руками.

Светка дёрнула плечом. Она-то при чём? Получил Кобрин двойку — пусть радуется. В конце концов надо же когда-нибудь получить двойку.

Но Юрке не поставили двойку.

— Подготовишься и сдашь теорему завтра, — сказала Агния Львовна.

— Конечно, отличник, — протянул Вовка Акимов.

— Акимов, дорогой, если бы ты мне сдавал все свои неподготовленные уроки, я бы тебе не пятёрки, шестёрки ставила, — сказала Агния Львовна.

— Лучше семёрки, — сказал Акимов.

К доске вызвали Светку.

— Гонение на отличников, — услышала она чьи-то слова, пока шла к доске.

Может, и гонение, но Светка получила свою пятёрку.

Вернулся из Москвы отец. Опять заставил всю квартиру коробками. И в кухне коробки, и в прихожей, и в комнатах. И как он один умудряется привозить так много? Теперь полмесяца будет развозить на своей старой “копейке” по всяким магазинам.

— Как дела, кума Ерёма? — спросил у Светки.

— Пап, ты знаешь — всё нормально.

Не любит Светка, когда спрашивают. Что может измениться за десять дней?

Стоп! Он правильно спрашивает. А разве ничего не изменилось? Очень даже изменилось. Галка до сих пор не разговаривает со Светкой — раз. Юрка Кобрин даже не смотрит — два. Но разве можно сказать об этом папе? Во-первых, ему неинтересно. Во-вторых, он не поймёт. Подумаешь, одна не разговаривает, другой не смотрит. Вот и хорошо, что не смотрит, — скажет папа. Он же не любит мальчишек.

На перемене Светку отозвал в сторону Игнат. Они стояли у стены, Светка опершись на неё и подогнув одно колено, чтобы казаться поменьше ростом.

— Ну ты и верзила, — сказал Игнат, — куда ты растёшь?

— В гору Килиманджаро, — сказала Светка. — Зачем звал?

— Понимаешь, тут конкурс один объявили — сиди в школе пять дней, как дурак, и рисуй, что хочешь. А потом рисунок куда-то пошлют. Если выиграешь — поедешь в Америку.

— Ну?

— Чего — ну? Юрка попросил, чтобы ты оставалась. Он хочет участвовать.

— Я и без твоего Юрки собиралась рисовать. Передай Юрочке, что я не хочу о нём знать. Ни-че-го.

— Вот-те на! Парню, можно сказать, первый сознательный юбилей испортила, и — не хочу знать!

— Я испортила?

— А кто ушёл?

— А кто сделал так, чтобы мы ушли?

— Никто не делал. На всяких дур смотреть...

— Галка — не дура.

— Не дура — мальчикам глазки строить. Думаешь, не видно?

— Она — моя подруга. И между прочим, из-за Юрки твоего мы поссорились.

— Вот и хорошо. Не мирись с ней. Она тебе не пара.

— Это тоже твой Юрочка сказал?

— Это я сказал сам.

— Это мне решать.

Игнат развёл руками — тебе решать — решай, и отошёл.

Игнаша — интересный парень, у него роскошная рыжая шевелюра и озорные глаза. Только ростиком он не вышел. Ну да мальчишки в девятом всегда ещё маленькие. Зато посмотришь на выпускников — дяди! Игнат такой же будет. И Юрка, наверное, тоже.

Светка переживает, что сейчас она выше всех девочек в классе и даже выше многих мальчишек. Папа её успокоил. Ещё недавно она горбилась, коленки сгибала, чтобы казаться меньше ростом, а однажды папа показал ей на улице на высокую красивую женщину. Женщина шла, гордо подняв голову, и все на неё оглядывались.

— Красивая, верно? — спросил папа.

— Да, — согласилась Светка.

— А представляешь, если бы она горбилась? — спросил папа. — Был бы длинный крючок. А теперь, гляди, гляди, стройная, как сосна, чудо! И ты такая же будешь, если перестанешь горбиться.

И теперь, когда Светка начинает сутулиться по старой привычке, она вспоминает эту женщину с гордой походкой и сразу выпрямляется. К тому же папа достал абонемент в бассейн, и они вместе стали плавать. Какое это было наслаждение — бросаться в голубую воду и плыть, плыть до усталости. Рядом по соседней дорожке плыл папа. Размеренно, спокойно. Такой замечательный папа! Лучший в мире! Какой ещё папа на свете будет ходить в бассейн для того, чтобы у дочери была хорошая осанка?

Юрка рисовал так: посмотрит в окно, на верхушки деревьев и чего-то нарисует. Снова посмотрит, и снова уткнётся в альбом. Словно он что-то срисовывал с этих голых верхушек. Глаза у него интересные — цвета неба. Серое небо — и глаза такие, небо заголубеет, очистится от туч, и голубеют глаза.

Светка без опаски смотрит на Юрку. Ведь он на неё ни разочка не взглянет и даже не знает, что она за ним наблюдает. Они как бы поменялись местами, раньше Светка на Юрку не глядела.

Интересно, что он рисует? Как странно — Юрка, один из мальчишек в школе, пожелавший участвовать в конкурсе. Ещё в кабинете рисования сидело пять девчонок из разных классов.

Светка нарисовала свой любимый (как и у папы) лес. Сосны до неба. А под соснами стоят лось и лошадь. Они встретились в первый раз в жизни и вот глядят друг на друга. Лошадь думает: какая странная лошадь. С рогами. Лось думает: какой странный лось. Без рогов, с длинным хвостом. Так и стоят, удивляются. А на самой толстой сосне сидит белка и смотрит вниз, на зверей. В её лапках — шишка. Белка-озорница. Думает: в кого бы запустить этой шишкой? В лося без рогов или в лошадь с рогами?

Рисовали они пять дней, после уроков. Светка сделала несколько вариантов рисунка. На пятый день Юрка вдруг оторвал взгляд от верхушек деревьев, перевёл его прямо на Светку и сказал:

— Хочешь посмотреть, что я нарисовал?

Светка пожала плечами:

— Давай.

Он сидел через стол от неё. Приподнялся и передал.

У раскрытого окна сидит девчонка. У неё зелёные глаза и волосы до плеч, как у Светки. И такие же соломенные, как у неё. Перед девчонкой

книга, но она сейчас не смотрит на страницы. Её взгляд устремлѐн вдаль. Девчонка о чём-то мечтает.

Подпись стояла такая:

“Мне нравится девочка”.

Светка покраснела. Разве можно не узнать себя в Юркином рисунке? Да ещё эта подпись. Однако, он смелый... Очень смелый... Нет, ни за что она не скажет, что узнала себя. Ни за что! Ведь кроме цвета глаз и волос, сходства больше не было.

— Хороший рисунок, — сказала она. — Лучше бы ты назвал его “Мечта”.

— А тебе эта девочка никого не напоминает? — спросил Юрка и густо покраснел.

— Нет, — сказала Светка. И сама вспыхнула. — А что?

Рисовали они одни, без учителя. Альберт Иванович был только в начале урока, раздавал рисунки и уходил на целый час. А потом возвращался и собирал листы.

— Можно на твой рисунок взглянуть? — спросил Юра.

— Конечно.

Светка протянула ему альбомный лист.

Юрка повертел рисунок так и эдак, отставил его на вытянутой руке, поглядел, прищулив глаза (почти как папа). И спросил:

— Ты любишь лес?

— Очень. Я часто там бываю.

— Я тоже люблю. Но бываю редко. Не получается как-то.

— Мой папа — охотник, он меня иногда берёт с собой.

Зашёл Альберт Иванович и собрал рисунки.

— Должен вас огорчить, — сказал учитель рисования, — больше вы свои работы не увидите. Я унесу их в гороно, потом их отправят в Москву... Не увидите, если, конечно, не станете победителями. Что сомнительно.

Станный Альберт Иванович. Зачем так говорить? А может, кто-то именно из их школы и выиграет конкурс? Альберту Ивановичу будет стыдно.

Из школы они вышли вместе с Юркой. Стали спускаться по ступенькам. Школа стоит на пригорке, вниз, на тротуар, ведёт длинная лестница, ступеней, наверно, как у Потёмкинской — на уроке истории они смотрели фильм “Броненосец Потёмкин”.

Они спускались медленно, на каждой ступени стояли, словно придумали такую игру — постоять на каждой. Было уже поздно, пять вечера, сумерки, нет, не сумерки — осенний вечер, особенно тёмный, потому что ещё не выпал снег.

— У тебя хороший рисунок, — сказал Юрка. — Добрый.

— У тебя тоже хороший.

— А тебе моя героиня правда никого не напомнила?

— Нет, никого, — торопливо ответила Светка и, на шаг опередив Юрку, — прыг-прыг через ступеньку — побежала. Она бежала и по улице — прочь, прочь подальше от этого отличника. Честно говоря, она просто испугалась. За что Юрка так относится к ней? Хорошо, что он прямо не сказал: “Я рисовал тебя”. Как хорошо, что она не спросила: “Зачем ты рисовал меня?”. Теперь уже точно ясно, что Юрка влюблѐн в неё. Но пусть он об этом молчит, пусть, иначе его придётся обходить за тридевять земель, прятать глаза, бояться. Ну бояться она теперь его и так будет. А может, перейти в другую школу? Зачем он показал ей рисунок? Глупо...

Дни бежали за днями быстро, как первоклассники друг за другом на переменках. Уже прошли осенние каникулы, которые в их северном городе были уже тоже зимними. На каникулах они с классом ходили в поход. “С классом” — громко сказано. Собралось восемь бродяг. Остановились на лугу у замерзающей реки. Река была вся озябшая, фиолетово-синяя, и с краёв её уже начинал греть ледок. Было видно, как под ним вода согревалась, успокаивалась, засыпала.

Ребята развели костёр, вскипятили чай, сварили суп из пачек, пообедали от души и орали песни. Игнат бренчал на гитаре. Потом разбились на команды и стали играть в футбол. А Светка пошла в лес, что стоял с краю поляны.

Как же она любила лес! Пользовалась любым случаем, чтобы побродить под высокими деревьями. Эх, сейчас бы сюда её собаку, Ладу. Она любила лес не меньше Светки. Бедная Лада... Сосны шумели под ветром, замершая земля, чуть припорошенная снегом, отзывалась на шаги капустным хрустом. Светка повернула, чтобы пойти обратно, а то гитары уже не было слышно, а одни только сосны, и увидела идущего навстречу Юрку.

Светка спряталась за сосну. Она вспомнила Юркин рисунок, и у неё вдруг забилось сердце.

— Сергеева, да я тебя видел, — сказал Юрка, остановившись неподалёку. — Я всё время шёл за тобой. Эх ты, следопыт!

— Следопыт — это ты, — ответила Светка, выступив из-за дерева. — Ты ведь шёл по моим следам. А зачем?

— Так просто. Нет, я за тебя боялся. Девочка — одна в лесу.

— Я умею ходить по лесу, меня отец научил. В следующий раз за меня не бойся.

— В следующий раз ты сама меня возьми с собой.

— Ха-ха, как же, — сказала Светка. И быстро зашагала к лагерю.

— Подожди!

Юрка догнал её и тронул за плечо.

Она остановилась и повернулась к нему.

Юрка стоял напротив неё и смотрел как-то странно. Из кармана куртки, как круглый чёрный жук, торчал один наушник на проводке. Плеер, видимо, был в кармане поглубже.

— Даже в лесу не можешь без своей музыки? — язвительно сказала Светка, кивнув на наушник.

— Могу. Видишь, не слушаю.

Юрка потупил взгляд и потёр сосну, под которой они стояли, по рыжей коре. Оторвался лоскуток верхней сосновой шкурки — полупрозрачный, ломкий. Он разломал этот несчастный рыжий лоскут, зачем-то понюхал руку и снова уткнулся в землю. На ней тут и там валялись сосновые шишки.

— Подари мне шишку, — вдруг произнёс Юрка.

— Что, сам не можешь взять? Смотри, сколько их тут, — Светка пожала плечами и поддела первую попавшуюся шишку ногой.

— Хочу, чтобы ты подарила.

Светка снова пожала плечами и подобрала с земли шишку. Чем-то она не понравилась; выбросив, взяла другую.

— Держи, — и шлёпнула Юрке в протянутую ладонь.

— Thanks, — Юра зажал шишку в кулаке, потом раскрыл его, повертел шишку в ладони так и эдак, словно на ней был Светкин автограф, и

спрятал в карман. Заодно и наушник заправил. — Я буду хранить её дол-го-дол-го. Всю жизнь.

— Храни, пожалуйста, — сказала Светка, пожав плечами. Подумаешь, какая-то шишка... И спросила: — Слышишь, как лес шумит?

— Шумит? — Юрка прислушался. — Правда. А мне казалось, здесь очень тихо.

— В лесу редко бывает тихо. А сейчас, папа говорит, лес шумит особенно — под ногой хрустнет сучок и слышно далеко. В это время он даже никогда не охотится. — Они пошли к лагерю плечом к плечу — сосны стояли друг от друга широко, позволяли. — Именно потому, что лес шумный... — Она остановилась. — Ну что, идём к своим?

— Пойдём, — сказал Юрка, — хотя мне не хочется.

Небольшой спуск, ручеёк в ложбинке. Не ручеёк, родник. Пробивается из-под земли прозрачная шёлковая нить, журчит, как живая, прыгает с высоты два сантиметра, творит себе крошечное озерко — только-только ладонью зачерпнуть и снова — юрк под землю, словно там, под землёй, ему лучше бежать, никакие сучки не мешают.

Светка зачерпнула воды ладонью, раз, другой, третий.

— Попробуй. Вкусно. В лесу всегда самая вкусная вода, знаешь?

— Сейчас проверим, — Юрка тоже напился из родника. — Вкусна, ничего не скажешь. Во-первых, без хлорки. Во-вторых, её сделала вкусной твоя рука.

— Скажешь тоже, — Светка зарделась. — Это что-то вроде романа прошлого, ой, уже позапрошлого века. Только я его не читала.

— Я люблю романы прошлых веков.

— Ты читаешь всё, что задают?

— Стараюсь. "Онегина" прочёл. Татьяна нравится жутко. Ты на неё похожа. А Онегин дурак.

— Скажешь тоже — похожа...

— Наденешь длинное белое платье — будешь Татьяна. Пояс перетягивать не надо, ты и так тонкая.

— Скажешь...

— Книжку в руки — французский роман — точно, Татьяна. Или Наташа из "Войны и мира". Тебе самой кто больше нравится?

— Ты и Толстого одолел?

— А лето на что даётся?

— Так прямо по списку и шпаришь?

— А это плохо?

— Ты, Юра, сам из прошлого века... И зачем тебе компьютер купили? Я не читаю. Мне лень.

— Поэтому у тебя по сочинениям четвёрка. Мне нравится читать. Во всех героинях я вижу тебя.

— Скажешь... Ты, Юра, вообразил про меня Бог весть что...

Светка, прикусив губу, удивлённо глядела на Юрку. Ей не хотелось его разочаровывать, но сама-то она знала, что он несёт чепуху. Она — и Татьяна. Ни капельки не похоже. Деятнадцатый век и — двадцать первый...

— Смотри, белка! — закричала Светка, переведя взгляд на одну из сосен. — Эге-гей! Рыжая!

Светка пожалела, что нет ружья. Сейчас бы она показала Юрке, как она отлично стреляет. Она подняла с земли шишку и подбросила вверх.

Шишка пробила два верхних ветвистых яруса и свалилась на голову Юрке, на его красную шапку с козырьком.

— Метко, — засмеялся Юрка. — Рыжая! — Он тоже поднял с земли несколько шишек и стал кидать — не в белку, не вверх. В Светку. — Рыжая! Рыжая!

Это относилось совсем не к белке.

Светка засмеялась и кинулась прочь от Юрки. Ей стало ужасно весело. Во-первых, Юрка её развеселил своими фантазиями, во-вторых, она была в своём любимом лесу. Настроение в лесу всегда замечательное. Она хохотала, Юрка бежал следом и тоже смеялся.

Так, со смехом, они и вылетели на поляну.

Ребята сидели у костра. Галка давно поглядывала в сторону леса — она видела, как Кобрин отправился туда. К Светке. Конечно, Галка со Светкой помирились, но червячок зависти точил Игнатович. Ей нравился Юрка?.. Не в Юрке дело. Галка завидовала, что подруга нравится Кобрину, а она — пока никому.

Галка первая увидела вылетевших из леса одноклассников.

— Вот и наша сладкая парочка, — съехидничала она. — Объявились.

Все тоже повернулись и посмотрели на “парочку”.

Посмотрели и посмотрели, что такого? Светке было очень весело. Отдуваясь от бега, она плюхнулась на бревно около костра. Юрка зачем-то зашёл в палатку.

— Чаю хочешь? — спросил Игнат.

— Хочу, — сказала Светка, задорно глядя на него.

— Что с тобой, Сергеева? — спросил Игнат.

— Ничего. А что?

— Ты какая-то ненормальная. Посмотри на себя в зеркало!

— У кого-нибудь на этой поляне есть зеркало? — громко спросила Светка.

— Есть, — Галка протянула маленькое круглое зеркальце, которое достала из кармана. Галка несколько раз в день подкрашивала ресницы, без зеркальца ей никак.

Светка посмотрела в зеркальце и увидела одни только глаза.

Счастливые!

Подошёл Юрка к костру. Стал вытаскивать плеер и выронил шишку. Ту самую, Светкину.

— О, нам дровец принесли.

Игнат подхватил эту шишку, и не успел Юрка глазом моргнуть — она полетела в огонь.

Ярче огня полыхнул Юркин взгляд. Игнат ничего не заметил. “Ничего, я тебе другую подарю”, — хотелось сказать Светке парню, но как скажешь при одноклассниках?

После обеда похолодало. Из рта при дыхании шёл пар. Даже у костра сидеть холодно — мёрзнет спина. Собравшись за минуту, ребята отправились в город. Через четверть часа ходьбы выяснилось, что забыли футбольный мяч. Он в кусты закатился, поэтому его не увидели сразу. Вот и собирайся за минуту... Игнат бегал за мячом, а ребята ждали на трассе, ёжась от холода. Юрка стоял рядом со Светкой, и девочке казалось, что рядом с ним теплее. Да так и было — Юрка загораживал ветер. Он слушал музыку, и когда Светка спросила, что же он слушает, вставил ей в ухо

наушник — один проводок был длиннее другого, так что музыку могли слушать двое. Зазвучала скрипка, зашумел лес, запела дорога — всё наполнили собой сильные чистые звуки. Светка вопросительно посмотрела на Юрку. Классика? Если классическая музыка такая, то она совсем не скучная, как казалось Светке раньше. Было красиво! словно всё вокруг похорошело с этой музыкой — верхушки самых больших деревьев и самые тоненькие травинки качались в такт звукам.

— Это Ванесса Мэй, — крикнул Юрка, отогнув наушник. — Вивальди! Нравится?

Светка подняла большой палец.

За время второй четверти Светка два раза была с папой в лесу, и однажды они даже переночевали в охотничьей избушке, на нарах, устланных лосиными шкурами. Вечером истопили печку, было тепло и даже жарко, а утром проснулись — волосы примёрзли к подушке.

— Замёрзла, бельчонок? — спросил папа. — Не вставай, не вставай, я сейчас печку затоплю.

И набросил поверх её одеяла ещё и свой тулуп.

И снова в избушке тепло. Светка разомлела, раскуталась, но поймав на себе папин взгляд, снова нырнула под полущубок.

Выйдя из избушки, она увидела, как сверкал лес, как покоились под белыми охотничьими маскхалатами важные ели, как прямым столбом шёл из избушки розовый, вкусно пахнущий дым. Ей стало хорошо-хорошо, и она почему-то вспомнила Юрку. “Вот бы его сюда. Говорил ведь — любит лес. Любит, но редко в нём бывает. Да, ему бы понравилось тут”.

Они с папой принесли домой трёх косачей. Мама сказала: “Мо-лод-цы”.

Потом папа уехал по делам, а у школьников наступили зимние каникулы.

Что такое школьная ёлка?

Когда Светка была маленькая, её больше всего интересовало само это дерево с игрушками, хлопушками, звездой под потолком. Они с девчонками наперегонки отыскивали на ёлке сначала зверушек, потом “съестное” — стеклянные апельсины, клубнику, грибы... Её радовал подарок — мешочек конфет, с утонувшим в нём яблоком, который каждому ребёнку выдавал на утреннике Дед Мороз — какая-нибудь переодетая учительница. Они с девчонками считали, сколько в подарке шоколадных конфет, сколько ирисок — у кого-то было больше того или другого, менялись, на жевательную резинку, на “чупа-чупс”, один раз Светка выменяла красное яблоко на маленький кораблик с парусами — игрушку из шоколадного яйца. Какой глупый был этот Юрка — это он выменял яблоко на корабль, он стоит у Светки до сих пор на полке с книжками — уместился с краю — маленький, но как настоящий — семь парусов. Светка и забыла, что это Юркин кораблик, а после дня его рождения вспомнила, повертела в руках, разглядывая словно в первый раз, и поставила на полку пониже, где он был лучше виден.

Теперь школьная ёлка манила Светку не игрушками и подарками, а тем сказочным настроением, которое всегда бывало под Новый год.

Новогодний вечер объявили балом-маскарадом, но это название, конечно же, все игнорировали. Какой карнавал, какие костюмы. Дети, что ли? Мальчишки принесли вставные клыки, у кого они были, Вовка Авдеев нацепил клокастую белую бороду — вот и весь маскарад. Остальные мальчишки были в обычных свитерах, джинсах, девочки, конечно же, принарядились, намалевались, но зря они это делали, потому что в зале потушили свет и

горели только разноцветные огоньки на ёлке, можно было даже целоваться (но никто не целовался) и можно было не бегать курить в угол — никто бы не увидел (но все бегали в угол на второй этаж), словом, была обычная дискотека, и только ёлочные гирлянды создавали ощущение сказочности.

Юрка не пришёл на вечер. Светка потанцевала с девчонками, но ей почему-то было скучно сегодня, и она озиралась в полумраке зала — вдруг Юрка всё-таки здесь? Почему-то ей казалось, что случится что-то очень хорошее, стоит только ему прийти. Почему Игнат без него? Друзья всегда были вместе.

— Галка, спроси у Игната про Юрку, — попросила Светка.

— А сама? Трусиха ты, Сергеева. Как первоклассница. Пошли вместе спросим, пора учиться общаться с мальчиками.

Игнат стоял у музыкального центра, перебирал диски.

— Игнаша, ты чего сегодня один? — ласково спросила Галка, подёргав его за рукав. — Тут, понимаешь, некоторые интересуются.

Игнат скользнул взглядом по “некоторым” и просто сказал:

— Юрка уехал. На неделю в Питер, там у него родственники.

— Жаль, — Галка мотнула головой. — Тут одна особа зачихала с тоски.

— Дура ты, Галка! — Светка покраснела и убежала от подруги.

— Как первоклассница, — снисходительно сказала Галка. — А ты не хочешь потанцевать?

— Меня попросили подежурить.

— А Жираф где?

Жирафом называли десятиклассника Митю за невероятно длинную шею. Ему директор доверил музыкальный центр.

— Куда-то отошёл, — Игнат посмотрел на Галку, прищурившись. — Кстати, тут для твоей стеснительной подруги оставили записку, я как раз хотел её передать, да всё ждал, когда в “Почту” будут играть.

В их школе под Новый год всегда играли в эту древнюю игру.

— Раз почтальона нет, передай Светке сама.

Он достал из заднего кармана джинсов чуть помятый конверт.

— О таких вещах надо объявлять сразу, — сказала Галка. — И по возможности громко. Она повернулась и закричала: — Внимание! Начинаем...

Все сразу повернулись к ней, а Игнат перехватил и сжал её руку с конвертом.

— Игнатович, зачем орать?

— Отпусти, больно! — Галка затрясла освобождённой рукой. — Я “Почту” объявить хотела. Уже давно всем играть хочется, о чём эти десятиклассники думают. — Десятиклассники были организаторами вечера. — Разве ж я про записку бы сказала?

— Ну извини, — сказал Игнат мягче. — Я думал, ты уж совсем...

Галка пошла искать кого-нибудь из десятиклассников и, проходя мимо одноклассниц, среди которых стояла Светка, сказала:

— Сейчас в “Почту” будем играть. А для Сергеевой уже есть письмо. Важное!

Игра началась. Но пока все писали письма друг другу, Галка бегала от Светки, время от времени останавливаясь и крутя перед её носом белым конвертом. Светка пыталась выхватить конверт, но у подруги были цепкие пальцы.

— Отдай, Галка!

— Станцуй!

— Вот ещё, — дёрнула плечом Светка. — Скажи хоть — от кого.

— От Кобрина!
— Мели, Емеля! Юрки на вечере нет.
— Если бы был, не было бы письма.
— Нашла где-то какой-то конверт..
— Сейчас посмотрим, что тут написано... Ага. Обратный адрес: Санкт-Петербург.

— Дай посмотреть! — Светка снова попыталась выхватить конверт. Куда там.

— Скажи, что веришь, что письмо от Юрки.
— Верю. Теперь верю уже.
— Тогда спляши.
— Галчонок... пожалуйста, хороший..
— Ты что, его любишь?
— Да при чём здесь это?
— Не любишь, значит, не дам.
— Ты противная, вредная... крыса! — последнее Светка выпалила совершенно неожиданно для себя. Видимо, Галкино словечко сильно обидело осенью, раз так глубоко в ней засело.

Галка захохотала и отдала конверт.

Светка выбежала из зала, подхваченная волной неожиданной радости и удивления. Нет, всё-таки Новый год — замечательный праздник. Почти всегда сюрпризы!

В конверте лежала открытка.

На плече Снегурочки доверчиво сидит рыжая белка с шишкой в лапках. Снегурочка сказочно хороша — огромные глаза, светлые косы. На голове корона из мягкого, снежного, материала.

На развороте были вот какие слова:

“Я люблю имя “Светка”. Я люблю фамилию “Сергеева”.

Светка Сергеева, с Новым годом тебя!

Юра”.

Светка стояла у подоконника в пустынном, залитом светом, коридоре третьего этажа. Из приоткрытой двери компьютерного класса доносились негромкие звуки музыки. Музыка была компьютерная — то есть электронная, но всё равно замечательная, ёлочная... Проходя мимо, Светка заглянула в класс. За крайним у доски компьютером сидел молодой учитель Евгений Семёнович и щёлкал по клавиатуре. Музыка неслась из его компьютера.

— А, Сергеева, — сказал Евгений Семёнович, увидев Светку. — Проходи.

— Не-а, — сказала Светка, сияя до ушей.

— Чего не танцуешь? — спросил Евгений Семёнович.

— Я? Не танцую? Я танцую! — сказала Светка и понеслась по коридору дальше. В ней всё танцевало. Добежав до конца коридора, сопровождаемая этой музыкой, она поняла, что должна узнать, что же это играет такое красивое, и повернула обратно.

— Евгений Семёнович, — она появилась в проёме двери вся — тоненькая, высокая, со смеющимися глазами. — А что это за музыка?

— Сейчас проверим, я знаешь, не силён в классике...

Евгений Семёнович пощёлкал клавишами.

— Чайковский, танец феи Драже. Неужели нравится?

— Ага, — сказала Светка, — очень.

— Больше, чем музыка в зале?

— Там разная музыка. И тоже хорошая... А знаете, мой папа говорил, что его дедушка был знаком с Чайковским. Они разговаривали вот так же, как мы с вами.

— Вот это да! — Евгений Семёнович присвистнул. — Но ведь Чайковский никогда не был в нашем городе!

— А мой прадедущка жил в Клину. Мой папа тоже там родился.

— Молодец, — похвалил Евгений Семёнович папу.

Светка засмеялась.

— Молодец, что родился?

— Ну да, — Евгений Семёнович сам засмеялся. — А потом вот тебя родил, такую замечательную. Тебе Чайковский нравится, потому что он был знаком с твоим предком?

— Нет, просто у него музыка душевная.

— А для меня она просто фон. Я, понимаешь ли, тут кое над чем кумекаю. Поэтому ты мне не мешай. А Чайковского лучше слушать на лазере.

— Угу, — сказала Светка, — не буду мешать. До свиданья.

— С Новым годом тебя! — спохватился учитель.

— Вас тоже с Новым годом.

Светка умчалась.

Галка уже искала её изо всех сил.

— Светка, куда ты пропала? Бросила меня. Что он написал? Я страшно любопытственная.

— Поздравил с Новым годом.

— И всё?

— Разве этого мало?

— Ну-у... — Галка разочарованно сморщилась. — Слабо... А там в почту играют. Я для тебя тоже номер взяла. 13 — ты же любишь это число. А у меня, вот, второй. А почему ты тринадцатое любишь?

— У меня же день рождения 13, забыла?... У папы тоже. У нас семейная любовь к чёртовой дюжине.

Светка нацепила номер на кофточку, и они, как первоклассники, взявшись за руки, вернулись в зал. Светке уже не нужны были никакие письма, ведь она получила главное, которое ждала. Но почтальон — белобрысый Вадик из восьмого "А" буквально через пять минут подал ей две записки.

"Светка, хочешь со мной дружить? Ответь № 4".

Светка не знала, кто прячется под этим номером, да и выяснять не стала. Но ответила сразу: "Спасибо, не хочу".

В другой записке было сказано, что она, Светка, задавака и пусть не воображает, что самая красивая, что лучше всех. Без подписи.

Прочитав это послание, Светка рассмеялась. В другой раз записка такого содержания сильно расстроила бы её, но сегодня её всю распирало от счастья... Она попросила у Галки ручку и написала Игнату, который по-прежнему крутился около музыки под номером "20". Почту он всё-таки тоже ждал, раз нацепил номер.

"Игнат, спасибо за письмо, передавай своему другу привет (может, будешь звонить). Поздравляю тебя и его с Новым годом! И ещё поздравляю всех белок!".

Игнат получил письмо, нашёл Светку взглядом и помахал ей рукой.

Жалко, что Юры нет в городе. Светка бы набралась храбрости и пригласила его в лес — покататься на лыжах. Она бы взяла ружьё. Светка уже

знала, как она это сделает — спрячет его в лыжный чехол и так провезёт в автобусе. Папы нет. Ключ от сейфа лежит в потайном месте, и зря папа думает, что оно Светке неизвестно. Ребята обязательно увидят белочку, и Светка покажет, как здорово она стреляет. Вот Юрка удивится...

И странно — Светке захотелось, чтобы каникулы эти поскорей проскочили, чтобы опять наступила учёба, и она увидела Юрку.

— Привет! — сказали за спиной. У Светки ёкнуло сердце — голос был очень знакомый. И очень желанный. Она не ожидала его услышать, по крайней мере, ещё неделю. Ведь Юрка был в Петербурге!

Она повернулась. В самом деле — Юрка! С хозяйственной сумкой, из которой выглядывал длинный батон.

— Занимаюсь хозяйством, — с притворной важностью сказал Юрка. — А ты чего в нашем районе делаешь?

— А я погреться в магазин зашла. Руки замёрзли. — Светка потёрла руки в варежках. Она и сама не знала, как здесь очутилась. Называется — вышла из дома прогуляться. — Не знаешь, сколько сегодня градусов?

— Двадцать пять было. Разве это мороз? Здорово! Я под Новый год в Питере был, так там, представляешь, слякоть! Снега — воробей наплакал. Лучше пусть мороз под сорок, чем слякоть, ага?

— Мне тоже не нравится зима без снега. Да... Спасибо тебе за открытку! На ней такая чудная белка.

— И тебе спасибо за поздравление, мне Игнаша звонил. Ещё он сказал, что ты зачем-то поздравила с Новым годом всех белок на свете.

— Так и было.

— Белки тебе очень признательны.

Светка не знала, о чём ещё говорить. Все слова куда-то потерялись. Её смущал Юркин взгляд — какой-то повзрослевший, что ли. Она покраснела и прикусила губу. А когда мельком взглянула на Юрку, увидела, что и он покраснел.

Они помолчали.

— Чем в каникулы занимаешься? — спросил потом Юрка.

— Читаю. Телевизор смотрю. Галка в гости приходит.

— А пошли ко мне в гости? Я тут рядом живу, если ты помнишь.

— Помню. Только... — Светке вдруг страшно стало идти к Юрке. Прямо так, без подготовки, вернее, без привыкания к этой мысли... И без Галки... нет, она не пойдёт!

— Лучше, знаешь что?.. Давай на лыжах сходим. Ты говорил, любишь лес.

— Люблю. Но ведь сейчас мороз.

— Сам сказал — какой мороз, чудная погода.

— Да, но для лыжной прогулки морозно всё-таки. Может, сходим, когда потеплеет?

Когда потеплеет? Но скоро может приехать папа, и тогда она не сможет взять ружьё, не сможет показать Юрке, как она стреляет.

— Как хочешь, — она пожала плечами и направилась к выходу.

На крыльце Юрка сказал:

— А что, если и в самом деле сходить на лыжах? Замёрзнем, так вернёмся, да? — Он весело подмигнул Светке. — А то когда ещё потеплеет? Может, теперь только в марте?

Светка повеселела. Она не боялась морозов. Подумаешь, мороз! Она теперь покажет Юрке свой любимый лес и то, что она не простая девчонка,

её есть за что уважать. А это не то, что “похожа на Татьяну, на Наташу Ростову”... Скорее всего, те были скучные барышни.

Встретиться решили на вокзале.

Девочка в тёплом спортивном костюме, на голове меховая шапочка с белым овчинным отворотом и таким же помпоном, за плечами небольшой рюкзак и лыжный чехол. Он достаточно просторный, кроме лыж там поместилось и охотничье ружьё, её “мелкашка”, очень даже запросто поместилось.

— Сейчас ты похожа на снегурочку с моей открытки. Помнишь? Белочки только не хватает, — сказал Юрка, когда они встретились на вокзальной площади. Площадь была окружена невысокими, остриженными в “шары” тополями, в голых кронах которых с гомоном тусовались воробьи.

“Сегодня ты увидишь настоящую белочку”, — подумала Светка и сказала:

— А ты тепло оделся? Куртка у тебя не слишком тонкая?

— Под тонкой курткой толстый-претолстый свитер. Мама вязала. Я не замёрзну.

На нём красная шапочка с козырьком, в которой он был и тогда, когда они осенью ходили в поход.

— Это у тебя лесная шапка? Чтобы тебя в лесу не потеряли, да? — Светка засмеялась. — Мой папа бы тебя не взял на охоту. Ты бы всех зверей распугал.

— А он ходит во всём белом?

— Да, у него есть маскхалат.

— Ужас! Маскхалат. Это звучит по-партизански.

— Да ладно. Я против твоей шапки ничего не имею.

— Спасибо от имени шапки.

— Пожалуйста.

И вот они с Юрой в лесу. Блестит накатанная лыжня. Безлюдно — во первых, будний день, во-вторых, мороз. Школьники вообще лентяи, мало кто из них ходит на лыжах даже в каникулы, даже когда тепло. Светка это по своим одноклассникам знала. Галка, например, все дни торчала у телевизора, вечером выходила поболтать в подъезд с соседскими мальчишками. Да к Светке бегала по три раза в сутки.

Красотища! На елях пышные шапки из бесценного материала. Снег на земле отливает голубым. Небо и земля словно одаривают друг друга. Снежная земля отдаёт небу белый, оттого оно чуть белёсое, а небо, не жалея, отпускает снегу свою голубизну. Им надо пройти поглубже в лес по центральной лыжне, затем свернуть на боковую, затем ещё на одну, а потом выйти на поляну, окружённую вековыми деревьями. Вот здесь могут прыгать по соснам белки. Они с папой были тут не раз, Светка всё тут знает. Жалко, что до избушки далеко, она бы Юрку и туда сводила.

— Ты когда-нибудь был в охотничьей избушке? — спросила она Юрку, когда они остановились передохнуть.

— Никогда. А ты, конечно, была?

— Ну да. Папа сам избушку рубил.

— Мы пойдём к охотничьей избушке?

— Это далеко, не успеем.

— А я думал, мы растопим печь...

— Мечтать не вредно. До избушки мы точно не дойдём.

- А зачем же ты взяла ружьё? На кого мы будем охотиться на лыжне?
Когда в лесу у вокзала Светка надела лыжи, пустой чехол она сложила и спрятала в рюкзак. А ружьё, как заправский охотник, повесила на плечо.
- Ну ты сейчас как амазонка! — только и сказал тогда Юрка.
- Мы будем пугать волков, — ответила сейчас Светка. — Знаешь, сколько их развелось? Говорят, на лыжню выходят.
- Хотят пообщаться с людьми, раз газет не читают.
- Во-во, новости разузнать.

После привала Светка шла впереди, показывала дорогу. Боковая лыжня была вовсе не такая укатанная, как центральная. Вот и ещё одна, крупчатая, рассыпчатая. Вот и она окончилась. Перед ними расстилалась поляна в сверкающем алмазами пуховике. С двух сторон её охраняют сосны с весёлыми рыжими стволами, с двух других — строгие, как учительницы, ели.

— Слушай... — Юрка смотрел на сверкающую целину восхищёнными глазами. — Как прекрасно там, где не было человека!

- Мы с папой здесь были.
- Тогда — где нет следов человека.
- Не жалеешь, что пришёл?
- Что ты. Спасибо тебе.

Сверкающее зимнее царство завораживало. Искрился на ветках сосен спрессованный в белоснежные мантии снег, ветер плавно покачивал их, словно проверял, тяжелы ли меховые убранства.

Светка сняла с плеча ружьё. Белок она ещё не видала, но знала, что надо быть начеку.

Юрка смотрел на приготовления молча. Он сощурил глаза, и Светка подумала, что он сейчас похож на папу. Тот точно так же щурил глаза, когда хотел что-то лучше увидеть или понять.

Вот она, милая!

Белка прыгала по веткам ближней к Светке сосне. Светка тихонько зацокала, белка — в ответ. Да так быстро, как будто разозлилась, что девочка умеет говорить на её беличьём языке. Как бесшумно перелетает она с ветки на ветку, как невесомо — снег, как лежал на ветвях, так и лежит.

— Симпатичная зверушка, — сказал Юрка, — я никогда их не видел зимой. Да и вообще на свободе не видел.

- А где видел?
- В Питере, в парке. Там они ручные.
- Здесь им ручными быть нельзя.
- Светка прицелилась, но зверёк пропал.
- Неужели ты будешь стрелять? Зачем? — спросил Юрка.
- Юра, мой отец — охотник.
- Но ведь не ты?

Юрка не успел больше ничего сказать, Светка выстрелила. Она не знала, попала ли в белочку, она стреляла скорее наугад, в то место, куда по её мнению, белка прыгнула. Но по еле уловимым ручейкам сухого снега, посыпавшегося с веток, поняла, что попала в цель, и белка лежит сейчас под деревом. Она низко сидела и не должна запутаться в ветках.

Светка стала пробираться к сосне. Снег с боков лыж поднимался мельчайшими сухими брызгами, каждая лыжина была как длинная остроносая лодка, рывками плывущая по снежному морю.

Белка лежала с другой стороны сосны. Под ней — невысокий ивняк, на лыжах не подобрёшься, надо снимать.

— Юр, ты меня выдернешь из сугроба? — спросила девочка, повернувшись к мальчишке.

Светка не узнала его. Лицо у Юрки стало необычным. Оно было немного удивлённое, но удивление на нём постепенно пропадало, и оно каменело.

— Угу, — глухо сказал он, — да... я помогу.

Светка достала зверька. Выстрел был отличным — Светка почти не испортила шкурку — папа бы её похвалил. Стекланные бусинки глаз смотрели мимо.

Светка протянула Юрке руку, тот дернул её, и они очутились рядом. Но в ту же секунду Юрка от неё откатил.

— Смотри, какая, — сказала Светка, проведя рукой по пушистому хвосту. — Хочешь поддержать?

— Нет, — глухо ответил Юрка.

И отвёл в сторону глаза. Снял зачем-то шапочку, поправил её с внутренней стороны, снова надел, почти на самые глаза нахлобучил, словно ни на что больше не хотел смотреть.

— Юра, ты что?

— Зачем ты её... убила? — спросил Юрка, глядя вверх сосен. — Всё было так классно...

Светка пожала плечами. Вот уж никак не ожидала, что Юрка, мальчишка, мужчина, будет жалеть какого-то зверька. Ведь это охота!

— Мы с папой охотимся на них. Папа хочет сшить шубу...

— Шубу, — Юрка усмехнулся. — Ты будешь носить шубу из убитых тобой белок?

— А что... Ты же носишь дублёнку...

— Да, но я не убивал этих быков или... овец... что там такое, не знаю.

— Их убивали другие.

— Но это другие! — Юрка отчаянно рубанул лыжной палкой по ветке стоявшей рядом ели. Посыпался снег. — Другие, не ты!.. И не я. Я не хочу, чтобы ты стреляла.

Светка молча надевала лыжи. Ружьё она уже упаковала в футляр, туда же швырнула и беличью тушку. Для неё померк день, и уже не радовали ни сверкающие звёздочки снега, ни тишина, ни небо...

Они молча вернулись к центральной лыжне, молча — до города, молча сняли лыжи. Автобусы им нужны были разные. Первым подъехал Юркин.

— Пока! — сказал он, вскакивая на подножку.

Он слабо, словно нехотя, улыбнулся.

— Пока, — ответила Светка, не улыбнувшись вовсе.

— Знаешь, — вдруг сказал Юрка с подножки. — На твоё плечо белка не сядет.

И укатил.

Дома Светка спрятала ружьё в сейф, швырнула в морозилку убитую белку. Пусть папа с ней разбирается.

Вечером приехал папа. Вместе со своими железками он привёз и щенка.

— Гончак. Зайцев будет гонять, — с гордостью сказал папа, — смотри, кума Ерёма, какой замечательный. Какие лапы! А грудь! Хороший будет зверь! А?... Что молчишь?

Щенок и правда был чудесный. Переваливался на толстых лапах, свешивал набок лобастую голову и изучающе смотрел на Светку. В другой раз Светка бы обрадовалась ему, затормошила бы малыша. А тут только погладила пушистую спинку и отошла.

— Что с тобой, Светка? — спросил папа, прищурившись.

— Ничего. Голова болит, — Светка ушла к себе, закрыв за собой дверь. Ей хотелось побыть одной. Но через минуту она поняла, что необходимо поговорить с папой. То, что произошло в лесу, не давало покоя. Она вернулась в комнату родителей, села на пол, прислонясь к батарее, и обхватила себя за плечи. В квартире было прохладно.

— Папа, — начала она, — вот скажи, мы охотимся с тобой на зверей. Что здесь плохого?

— Ничего плохого не вижу, — удивлённо ответил папа. — Человек охотился всегда. А почему ты спросила?

— Потому, что это нравится не всем.

— Понятно, не всем. Чистоплюям не нравится.

Светка оглядела комнату. Она была необычная, и всегда удивляла Светкиных подруг. Никаких ковров. На стене над диваном — волчья шкура. На полу — медвежья. И Светке всегда это нравилось.

— Это не чистоплюи, это хорошие люди, — Светка боднула головой воздух. — Хорошие. Я это точно знаю.

Щенок подошёл к Светке и жалобно заскулил. Светка притянула его к себе и взяла на колени.

— Понимаешь, Светка... К сожалению, мир так устроен. Человек вынужден убивать. Если он один в лесу и голоден... или ему надо кормить семью. Ведь так?

— Так. А почему так устроено, папа?

— На этот вопрос я тебе ответить не смогу, — папа усмехнулся. — Мир, дочь, увы, несовершенен.

— А кто может ответить?

— Я думаю, никто. — Папа помолчал, переложил из ладони с ладонь какие-то железки. Потом добавил: — Знаешь, дочка, кому не нравится охота, может ведь и не охотиться. Он может пойти в магазин и купить всё, что ему надо.

— Он так и делает.

— В чём же тогда проблема?

— Дело в том, папа, — вздохнула Светка, — мне тоже не хочется больше стрелять.

— И не надо, раз не хочется. Ты девочка. И тут нет проблемы.

Папа распаковывал коробки, вытаскивал из них другие коробки — поменьше, сортировал, что-то сверял с записями в записной книжке, взял в руки калькулятор.

Щенок пригрелся и уснул на коленях у Светки.

До школы оставалась неделя. Одна огромная длинная неделя, после которой Светка поймёт, как к ней относятся теперь Юрка. Они так холодно распрощались. Может, ему уже не нравится имя "Светка" и фамилия "Сергеева".

Неделя эта тянулась словно месяц.

Папа ушёл на охоту. Светка осталась ухаживать за щенком, учить его всяким житейским премудростям — это она уже умела. С Бураном — так называли щенка — она гуляла гораздо чаще, чем с Галкой, которая приохотилась бегать на городские дискотеки.

В первый день учёбы, зайдя в класс, Светка тут же нашла взглядом Юру. Он поздоровался с ней кивком головы... Как вежливый воспитанный человек поздоровался, всего лишь... ужас, ужас... Не подошёл, глаза отвёл в сторону. Заговорил о чём-то с Игнатом! Светка всё поняла, но маленькая, как птичье пёрышко, надежда, ещё теплилась в душе целый урок, перемену, ещё один урок... На большой перемене она не выдержала — ей нужна была ясность — и отправилась в столовую. В это время Юрка всегда ходил в столовую, брал там стакан чая и булку. Светка сбежала от любопытной Галки и встала в очередь как раз за Юркой.

— Юра, — сказала она Юркиной спине, холодея от ужаса.

— Привет, — Юрка к ней повернулся.

— Тебе уже не нравится имя Светка? И фамилия Сергеева? — последний вопрос Светка произнесла почти шёпотом.

Юрка посмотрел на неё внимательно, глаз не отвёл. Потом неуверенно ответил:

— Я ещё точно не знаю... кажется, нет... Извини. Хочешь, ты первая возьмёшь чай?

— Нет, спасибо, я вообще ничего не хочу брать.

Светка выскочила из столовой и побрела куда глаза глядят — вверх на четвёртый этаж, где бродили пары — девушка с девушкой или девушка с парнем — выпускники, где в углу журчал ручеек среди беспорядочно набросанных камней — старшеклассники соорудили тут альпийскую горку, на некоторых камнях стояли горшки с вьющимися растениями, красивый был уголок, если бы стояли вокруг скамейки, тут сидели бы как в сквере, но скамеек не было, голая, покрытая зеленоватым линолеумом рекреация. Светка встала у подоконника рядом с этой альпийской горкой и тут почувствовала, что глаза её наполнились слезами, и как она ни старалась выровнять губы, уголок нижней всё равно пополз вниз.

Она расплакалась.

Прозвенел звонок. Светка никогда не пропускала уроков, но она никак не могла успокоиться. Так и отправилась в класс с красным носом. Опоздала, конечно. Одноклассники и учительница посмотрели на неё с большим интересом. А Светка всю историю просидела, прикрыв ладонью глаза. В конце урока её толкнули в спину и подали записку.

“Светка, держи хвост морковкой! А то некоторые подумают, что ты ревёшь из-за них. Пусть не думают!”.

Галка. Переживает...

Постепенно Светка подружилась с Бураном. Каждый день они вместе гуляли. Папа брал его в лес, натаскивал на зайца. Уже чуть-чуть пригревало солнышко. В конце февраля, перед закрытием охотничьего сезона, Светка согласилась с папой и Бураном тоже пойти на охоту. Папа достал ей где-то широкие лыжи.

Они добрались до избушки, здесь собирались переночевать.

— Я растоплю печь, а ты постреляешь? — спросил папа. — Гляди, вон там, кажется, пара белок на соснах.

— Давай, — сказала Светка.

Взяла ружьё.

Вдруг вспомнила, как Юрка сказал:

— На твоё плечо белка не сядет.

Вернула ружьё назад.

Александр СУВОРОВ

“Небосвод в вечерней позолоте...”

Переделкино

Кирпичная труба котельной.
Столетних сосен колоннада.
Слышна в метельной колыбельной
Слегка печальная отрада.
Здесь летом сладко пахнет клевер,
Цветут беспечные люпины.
А нынче снегом веет север,
Сугробы выгибают спины.
Вдали промчалась электричка —
Растаял звук, как будто масло.
Окно напротив, словно спичка,
Зажглось и миг спустя погасло.
Лишь беспокойная ворона
Тишь беспричинным криком ранит.
Сейчас пустыню небосклона
Закроет сном, и ночь настанет.
И снова мне приснится Север —
Родные сызмала картины.
А здесь под снегом мёрзнет клевер,
А здесь под снегом спят люпины.

Святому

благочестивому князю Александру Невскому

Александр, защитниче пред Богом,
Чем Тебе я послужить могу?
Добромудрым словом, честным слогом
Иль мечом, простёртым ко врагу?

Александр СУВОРОВ

родился в октябре 1946 года на Дальнем Востоке, ребёнком привезён родителями в Сыктывкар, где и живёт до сих пор. Окончил Коми государственный педагогический институт, много лет работал в республиканской газете “Красное знамя”, сейчас — редактор Коми книжного издательства.

Начал писать в школе, первая публикация состоялась в 1963 году в газете “Молодёжь Севера”. С тех пор его стихи публиковались в республиканской периодике, в журналах “Север”, “Техника — молодёжи”, “Россияне”, “Дальний Восток”, “Войвыв кодзув” (в переводе на коми язык), в коллективных сборниках, в 1995 году вышла книга его стихов “Чёрный ящик”.

Член Союза писателей России.

Александр, заступниче чудесный,
В Божьей рати крепок Ты, как встарь.
Обрати, молю я, взор небесный
На меня, сугубый Государь!
Я стою перед Тобой, смиренный,
Строго опустив глаза, стою.
Человек я, видишь, не военный,
Но сумею умереть в бою.
И когда войска сойдутся в битве,
Буду я на правой стороне.
По Твоей, защитниче, молитве
Сил и жизни Бог отпустит мне...

Летит в безоблачном покое
Таинственная птица сна.
Под одеялом ночи — двое.
Им снится лунная весна.
Им снятся праздничные лица
На шумной свадьбе, а во мгле
Летит таинственная птица,
И тихо на ночной земле.
Крадётся грусть — роса на лапах,
Печаль тропит в траве следы,
В саду — тоски холодный запах
И запах будущей беды.
Никто не знает, что случится:
Разлука, хворь или война...
Летит таинственная птица
Бездонного ночного сна.
И двое дышат безмятежно —
Уже одна, родная кровь.
И что-то напевает нежно,
Склонясь над ними, их любовь.

В луга, где медленно пасутся
Ночные вольные слова,
Где ивы ивами зовутся,
Река — рекой, травой — трава,
Где дышит силой ветер чистый,
Где звёздам тесно в небесах,
Конь прилетает норовистый —
Огонь в неистовых глазах.
И я размахивал арканом,
И я подманивал коня.
Мечталось мне: возьму обманом,
Но он обманывал меня.
С разбега он взлетал над лугом,
Прозрачный, словно из стекла.

И бились в воздухе упругом
Его волшебные крыла.
Мне своего дождаться часа,
Конечно, суждено судьбой.
По золотым следам Пегаса
Брожу в потёмках сам не свой.

Не быть ни последним, ни первым —
Забиты народом пути.
По нервам, по нервам, по нервам
К суровым пределам идти.

Не быть ни глупцом, ни пророком —
Закрит неразумием свет.
По строкам, по строкам, по строкам
Спешить за Поэзией вслед.

Не верить в чужие приметы,
Не ждать искупленья грехов.
Поэты, поэты, поэты
Рождаются прежде стихов.

Минуют нас в жизни напасти,
Не вытравит души борьба...
На страсти, на страсти, на страсти
Кипит, обжигаясь, судьба.

И что бы в сердцах ни твердили
Безумцы о вечной любви,
На силе, на силе, на силе
Мир держится.
И на крови.

Ночь

Догорю свечой в окне
И погасну.
Не вздыхайте обо мне
Понапрасну.

Ведь осталась тишина
За покоем.
Эта ночь навек нужна
Нам обоим.

Вспоминайте тихий свет —
Скоротечный,
Ведь в душе остался след
Бесконечный.

А пока горит свеча
Осторожно,
Прикорните у плеча...
Если можно.

Небосвод в вечерней позолоте.
На душе — покой и тишина.
Лишь одной-единственной заботе
Вечная душа подчинена.

Ей бы тайно выйти за предполье,
Крыльями невидимо взмахнуть
И в уединённом богомолье
Силу небывалую вдохнуть.
Ангел пролетит неслышной птицей,
И душа увяжется вослед,
Чтоб освободиться от амбиций
Горьких и невыносимых лет.
Чтобы стало чисто и просторно
В суете невосполнимых дней...
Позолота неба иллюзорна —
Это с высоты души видней.

Тане

1

Ночь была на последнем витке,
Ветер в соснах возился по-птичьи...
Ты приснилась мне в сером платке
И простом деревенском обличье.
Ты смотрела в заречный простор
Сокровенным, непристальным взглядом.
Был давно мне знаком этот двор,
И стоял я невидимо рядом.
Я тянулся к тебе, я хотел
Рук твоих осторожно коснуться,
Но боялся шагнуть за предел
И боялся внезапно проснуться...
И шагнул, и проснулся —
Текло
Утро в форточку струйкой безвкусной,
И твоё золотое тепло
Грело сердце мне радостью грустной.

2

Время тенью торопится лёгкой
Вдоль стальных неподвижных путей.
Прикоснись ко мне грустью далёкой —
И помчится мой поезд быстрее.
И согреется в скуке вагонной,
К нашей праздничной встрече спеша,
Засыпая под стук монотонный,
Призамёрзшая было душа.
И припомнится много такого,
Что хранится без слов и без слёз.
Прикоснись ко мне снова,
И снова
Свистнет в тёмной ночи тепловоз.
Я прижму тебя к сердцу, родная,
Прогоню неразумную грусть...
Поезд мчится, доподлинно зная,
Что я скоро к любимой вернусь.

Тамара ЛОМБИНА

Мёртвая невеста

Побасёнка

Я никак не мог понять, почему бабу Варю все зовут мёртвой невестой. А спросить всё минутка не созревала. Ведь про эту такую страсть так сразу-то с наскоку небось и не расскажешь. Да и не хотелось скороговоркой.

А нынче как раз такой вечер и есть: чай раздухманился на всю избу. Бабоньки сами как дети малые, тени своей ужасаются. Самый раз про мёртвую невесту и послушать бы баечку.

Думалось мне, что, может быть, потому она, бабка Варька, мёртвая невеста, что уж очень медлительная, но чуёт моё сердце, что была за этим ещё и тайна какая-то, да такая, от которой мурашки по спине бежали.

Но знал я, что вот так прямо взять да и брякнуть, мол, бабка Варя, а почему это тебя зовут мёртвой невестой... Тут подходец нужен, изда-лека как-то надо.

Вот и смекнул, как она веретено уронит, спрыгну с печки да подни-му ей веретено, а потом и скажу: "Баб Варь, а ты замужем была?".

Может, она и проговорится...

Ждать было недолго, ближе к ночи всё чаще стали ронять натру-женные руки бабушкиных товаров то спицу, то веретёнце. Дождался и я своего момента. Как на крыльях слетел с печи. Хвать веретено, да и спрашиваю у бабы Вари: "Баб Варь, а ты тоже невестой была?".

Бабушка просто даже растерялась...

— Милок, дак все мы тута бывшие невесты. А сейчас, почитай, невесты без места, — засмеялась она неожиданно по-девичьи громко...

Мне и всем стало ясно: всё, потечёт сейчас ещё один ручеек рас-сказа. Зашевелились чуток, поразмяли руки-ноги бабушки и ласково закивали мне и товарочке, мол, молодец, милоч, — это мне, а ей, мол, давай, не тяни, рассказывай, чай, весь вечер промолчала, пора тебе отрабатывать хозяйский чай-сахар.

**Тамара
ЛОМБИНА**

родилась в Казахстане. Закончила филологи-ческий факультет в г. Актюбинске, институт культуры в Санкт-Петербурге. Член Союза пи-сателей России. Член Союза православных ки-нематографистов.

— Да, вот теперь-то уж и не поверить, что были мы лёгкие да складные, как песня. Ин да вспомню, каждая из нас песня, и каждая по своему мотиву, со своими словами, а теперича кажется мне наша прошлая жизнь одной общей песней. И теперь уж без вас-то вроде бы и у меня нет своей мелодии в памяти.

Старухи завздыхали, зашевелились, но уже стали нетерпеливо покашливать, начиная, мол, не тяни.

— Была ли я замужем? Ой, была, дитятко, была...

Но лучше я расскажу тебе одну бывальщину, не на ночь бы её сказывать, а то ведь, пострел, и не уснёшь...

Была у нас одна семья. Очень хорошая, правильная семья, всё у них ладно да складно... Честь по чести. Девки подрастают, замуж выйдут не порченные, парни женятся, да не позорят мать-отца, живут трезво, своим умом... Вот приспела пора младшую замуж отдавать...

Хорошая девка была Феня, очень даже справная... Всё у неё ладилось, и жених к ней присватался хороший, Васька Смирнов.

Осень тогда была как по заказу, в самый раз для свадьбы. Тихая, тёплая, дородная. Тут тебе и овощи, тут тебе и яблоки... А деревья принарядились, как молодухи на базар, глаза разбегаются, не знаешь, то ли на рябину смотреть, то ли калиной любоваться...

Уже Василий сватов заслал, невесте и платье купили, и венок с фатой готов... Осталось только картошку просушить да в закрома сложить, и за свадебку.

Назначили свадьбу чин по чину на Покров.

А свадьба в деревне — это вам не то, что теперь. Это праздник для всех: и для старых, и для малых, и для тех, кто ещё себе половинку свою не нашёл... Тут уж не только невеста наряд свой приготовила, но и старухи из сундуков свои шали стали доставать, проветривать, а кто и новый платочек прикупил. У Фенькиной семьи само собой переполох... Поскрёбыша замуж отдают. А семья крепкая, зажиточная, — всех удивить хочется — и своих, и дальних.

И уж чем гордилась семья, так это пирогами. У них по породе все бабы и девки такие пироги пекли, что тебе царевна-лебедь. Слово, что ли, какое знают. Так во рту и тают. Как на духу поднималось тесто, хоть сырым ешь. Уж как напекут, то на всю деревню запах. Отец Фёклы очень был форсистый мужик... Даже при своей прижимистости на форс не жалел, пекли так, чтобы всякому мальцу, что на дух пирога прибежит, хоть кусок достался.

Вот уж перед свадьбой Фёкла замесила столько теста, что и не одну деревню можно было накормить. У всех забот накануне — мужики столы сколачивают, бабы холодец, компот варят, огурчики, помидорчики из бочек достают, да и подарок надобно толковый подобрать, чтобы молодой семье на начало жизни был кстати.

Невеста уже и наряд свой примерила, и перед зеркалом покрутилась. Ой и хороша... Это просто ужась какая-то, до чего правильная невеста. Можно яблок на стол не ставить, у ей щёки, как яблоки. А уж косы... теперича и вовсе такие перевелись: как на голове корзиночкой закрутила, — ну чисто царица в золотой короне. Матерь хоть и бегаёт, суется, но нет-нет да слезу и смахнёт. Вроде бы и причины нет, но так уж и бывает, что такая чистая красота всегда слезу на глаз нагоняет, может, чтобы не ослепнуть, а может, чтобы не сглазить, как знать...

Тесто затеяли в самой огромной деже, на пекарне взяли для такого случая, Фенюшка едва справлялась, чтобы промесить его как следует.

Угомонились позднѣхонько-о-о, — продолжала свой рассказ баба Варя, и что-то такое послышалось в её голосе, что у меня мурашки забегали по всему телу.

— Утром рано-ранѣхонько встала мать, зашла к дочке в светёлочку, и... всё село разбудил её вой. Как же выла бедная мать... Да как же ей было и не плакать... перед дежей с тестом лежала мёртвая её кровиночка, её деточка, её красавица, её солнышко, её счастье, её поскрёбышек. Всё так же чисто и живо было лицо, ещё не потеряли румянец щёки, но её губы не скажут матушке и батюшке: "Здравствуйте, мои родимые", не улыбнутся жениху, не пропоют песни...

Осмотрели её бело тело, но нигде ни точки, ни царапочки. Лежит как живая, да то-то и оно, что не живая...

Словно солнце померкло над деревней, даже собаки перестали перебрехиваться. Петухи утром и вечером не кричали своей живой песни. Пришлось всем прятать нарядные платки, красивые платья.

С соседних сёл народ приходил попрощаться с Фенюшкой, посмотреть на неё в последний раз...

Отец хоть и прошёл всю войну и всякое видел, но и он, не сдерживаясь, плакал. Верный пёс Рыжик тихо сидел подле гроба и, слава Богу, не выл, а всё норовил встать на задние лапы и лизнуть свою молодую хозяйку в щёку. Фенюшка лежала как живая, в фате, в подвенечном платье. Даже щёки её не побледнели... Красота её ничуть не убывала, от этого ещё более было родным и всем близким, от этого ещё горше плакали они и убивались...

Но это ещё не все испытания, которые уготовил этот день. Пришёл час и запрягли Сивка в лучшую телегу. Ох уж и убрали-разубрали эту печальную повозку цветами. Мать так причитала и голосила, что тебе плакальщица. Видно, от её воя Рыжик и сошёл с ума. Как начал он кусать невозмутимого Сивка за ноги, что тот понёсся во весь опор. Да так быстро и с такой скоростью, какой от него уж давно никто не ждал.

— Мать Божья, — да прямѣхонько к оврагу полетел обезумевший Сивко вместе с повозкой. Вот тебе беда, да и ещё беда.

Односельчане от неожиданности пристыли к месту. Мать с отцом остолбенели. А повозка уже и у оврага, вот уж и не видно стало безумного коня, и телега с горемычной Фенюшкой канула... Только теперь стали оживать, двигаться односельчане, а жених с отцом и ещё несколько молодых мужиков бросились на помощь мёртвой невесте. Овраг был тёмный, поросший орешником. Первым подошёл к печальной повозке отец, вот и остальные мужики подтянулись. И в эту минуту даже самые смелые едва не скончались от представшей им картины: Феклуша дёрнулась, по ней пошли корчи, то одна рука её дернулась и поднялась, потом вторая рука... Перекосилось лицо, задёргалось, и... она вдруг села. Феня с ужасом оглядела своё ложе, неловко, как кукла заводная, сошла с телеги и протянула руки к отцу.

— Тятенька, что это такое, — указала она рукой на оставленный ею гроб. Но отец с гримасой ужаса, крестясь, стал отступать от мёртвой невесты прочь.

— Батюшка, — бросилась Феклуша к отцу родному. А тот, мол, чур меня, чур. Бедняжечка в слёзы. Как она заплакала, так всем и легче стало, будет ли мёртвая невеста плакать. Ясно, как ясный день, чего ж ей плакать, коль она не ожила. Тут уж и мать, не гляди что полная, прибежала. Детю свою стала обнимать. Кровинушку свою стала целовать. А жених, вовсе обалделый, эдак в сторонке стоит и икает, икает. Ну да потом и до него дошло. Жива его кралечка, жива. Слава Богу. Это уж потом только разобрались в чём дело. Ночью Феклуша стала пробовать тесто на вкус, да и не заметила, как вместе с тестом колечко-то с пальчика снялось, а она, горемычная, его как накусила, так с перепугу и проглотила. Встало оно поперёк горлышка и замерла она почти бездыханно. Но видать, каким-то чудом воздух чуточку попадал, вот она и не померла, а замерла, как бы заснула... А от тряски да от падения колечко — и выпало.

— Не, — как-то засомневался я, — так не бывает, баба Варя, чтобы оживали мёртвые.

Баба Варя опять молодо и звонко засмеялась:

— А как же не бывает, милоч, коли я перед тобой. Покель ещё живая.

— Ага, вот и неправда, — поймал я на слове бабульку. — А тебя как зовут?

— Да вот так теперь и зовут. Уговорили меня родители принять новое имя, чтобы словно и не было в моей жизни этакой страсти никогда. Так-то я в восемнадцать годочков из Фени в Варю превратилась.

— Вот почему тебя мёртвой невестой называют, — догадался я.

— Это кто же меня так называет? — грозно спросила крошечная баба Варя. Но все товарки опустили глаза и усердно закрутили веретёнами и застучали спицами.

Ночью приснилась мне моя соседка Надька со сбитыми коленками и веснушчатым носом. К чему бы это?

Художник "новой культуры"

В истории искусства известно немало художников, наделённых обострённо-социальным сознанием. Их жажда социальных преустройств подчас с равной силой выплёскивается в государственной, политической и художественной деятельности. Такой страстной натурой обладал и Пётр Иванович Субботин-Пермяк (1886—1923), первый профессиональный художник коми-пермяцкого народа.

Он родился в г. Кудымкаре и был девятым ребёнком в семье мельника, работавшего у баронов Строгановых. Жизнь заставила родителей определить его в Пермское реальное училище в десятилетнем возрасте. В старших классах Субботин-Пермяк начал посещать кружок рисования. Закончив в 1907 году учебу в Перми, он уехал в Москву, где поступил на живописно-декоративный факультет Строгановского художественного училища. Одновременно посещал и мастерскую К. Ф. Юона, пробудившего в нём любовь к истории, к народному быту. (Неслучайно его дипломной работой стала картина "Песнь Перуну", 1914). Эти темы постоянно привлекали к себе внимание в ту предреволюционную пору. Ещё в XIX веке патриотически настроенные круги подготовили для них глубокую почву.

В творчестве художников "Мира искусства" и "Союза русских художников" с новой силой зазвучали мотивы и сюжеты из древней истории Отечества. Ей посвящали

свои картины Н. Рерих, А. Рябушкин, С. Малютин, Н. Клодт, Е. Лансере, Е. Шварц, К. Богаевский. Стихи А. Блока, И. Бунина, В. Брюсова, В. Хлебникова обращали мысли современников к самым ранним истокам славянской культуры. В их произведениях создавались многочисленные образы мифологических и былинных героев, причём образ Перуна был чуть ли не самым распространённым. Почти одновременно появляются "Перун" С. Городецкого, "Перуну" В. Хлебникова, "Перуне, Перунс" Н. Асеева.

Получив за картину "Песнь Перуну" золотую медаль и разрешение на поездку в Германию, Субботин-Пермяк вынужден был остаться в Москве: началась первая мировая война. Болезнь освобождала его от военной службы, и он стал преподавателем живописи в Строгановском художественном училище. Начало войны художник переживал достаточно остро. Так, в письме к жене высказывалось следующее глубокое наблюдение: "Наступает такой кризис, что только большие силы будут в деле...". А отсюда следует вывод — работать, работать, работать. Причем сразу в нескольких направлениях: это и огромная преподавательская нагрузка, это и выполнение оформительских заказов для заработка на содержание семьи, это и живопись, в которой он всегда видел главный смысл жизни.

1915-й год проложил невидимый рубеж между периодом становления и периодом зрелости художника. Во второй половине 1910-х

годов Субботин-Пермяк пришёл к большеформатной картине, написанной по живым впечатлениям, но выполненной позднее в мастерской. Выявилось предпочтение к бытовому жанру, связанному, как правило, с пейзажем и натюрмортом. Колорит, всё с тем же преобладанием чистых цветов, стал разрабатываться сложнее: каждый цвет разбивается на множество близких оттенков. Отсюда — ощущение особого цветового богатства, неизменно остающееся от всех произведений Субботина-Пермяка.

Обычно изображались сцены народного быта: "В поле", "Паужина", "Ау-у". Красивые по живописи картины были исполнены мощно и темпераментно. Они совершенно лишены бытовизма в смысле преобладания в замысле обыденности, прозаичности. Художник словно сдувает пыль с поверхности явлений, и они загораются чистыми, яркими красками. Наиболее любимый сюжет — чаепитие на лоне природы. Сохранились три больших полотна — совершенно разные по своему художественному решению. "Отдых над рекой. Чаепитие" (1916) воспринимается как яркое декоративное панно. "Красный праздник" (1917) — неистовый красочный вихрь, увлекающий зрителя в огненный водоворот красных и жёлтых мазков. "Отдых семьи" (1918) — нежная элегия, воплощённая в мягком, плавном, гармоническом построении.

Если сравнить "чаепития" Субботина-Пермяка с многочисленными "чаепитиями" Б. М. Кустодиева, видно, что внутренний настрой их совершенно разный. У Кустодиева — опозитизированный, но и заострённый социальный типаж (купец или купчиха) в характерной для него обстановке. Образы же Субботина-Пермяка рожде-

ны грёзой, мечтой о почти недостижимой в те годы гармонии. Особенно характерно "Чаепитие" 1916 года. Красные пятна платьев напоминают большие огненные цветы на фоне весеннего луга. Всё вокруг торжественно и спокойно. Но потом улавливаешь зыбкие волнообразные ритмы пейзажа, как бы неустойчивость ковра, расстеленного на траве под углом к первому плану картины. Затем замечаешь, что и люди отвернулись от зрителя, устремившись к далёкому горизонту. В какой-то момент всё приходит в движение — и холм плывёт в глубину пейзажа, как корабль или ковёр-самолёт, готовый взмыть над рекой...

Своего рода продолжением темы может считаться полотно "Вниз по реке", написанное в 1918 году. Сцена увиденна как бы изнутри лодки, плывущей вперёд по ласково притихшей воде. Этот холст более точно выражает идею движения к счастью. Если раньше она воплощалась в полёте ковra-самолёта, то сейчас — в медленном скольжении лодки вперёд, в безоглядные дали, напоённые солнечным светом. Реальная сцена снова превращена в волшебную сказку или грёзу-мечту, уводящую от суровой действительности.

Такое представление о будущем — тоже один из ведущих лейтмотивов революционной культуры. В стихах лучших поэтов будущее виделось именно солнечным, лучезарным. "Из отряда солнцеловов", по образному выражению В. Хлебникова, был, несомненно, и Субботин-Пермяк, всегда верный своему вдохновенному призыву: "Надо жить радостно, красочно, ярко!". Такой он стремился показать жизнь и превращал в праздник каждую картину, каждый этюд.

Ольга ВЛАСОВА.

Елена ШУКТОМОВА

Николай Мозымов: вопросы или ответы?

Сам Николай Васильевич Мозымов был против написания этой статьи: к себе он относится достаточно самокритично и искренне считает, что недостойн такого внимания, что его произведения пока не имеют какой-либо объективной ценности, да и высокого уровня мастерства он ещё не достиг. Безусловно, вызывает уважение это отсутствие болезненного стремления к славе — любой ценой, умение строго и объективно оценить себя со стороны, желание избежать дутой популярности. Николай Мозымов ощущает себя "рядовым" — не "генералом" армии искусства и, может быть, именно поэтому стоит поразмышлять о его творчестве. Помимо естественного чувства симпатии к скромности художника есть ещё одно соображение: на примере "рядовых" (гений — всегда исключение) легче выявить общие проблемы или тенденции развития в области изобразительного искусства. Художественные искания Мозымова типичны для его собратьев по профессии — представителей нового поколения художников: их волнуют схожие проблемы, возникшие с приходом нового времени, новой реальности.

Некоторые из этих проблем мы постараемся осветить в этой статье на примере творчества Н. В. Мозымова. Прежде всего возникает вопрос о мотивации творчества: почему люди вообще берутся за кисть или за перо: из стремления к духовности, к чему-то большему, что может дать "голая" реальность? Из желания как-то разобраться в жизни, упорядочить и классифицировать свои наблюдения и размышления? Или это просто жажда самовыражения? В зависимости от ответа на эти вопросы можно, наверное, выявить два типа художников: одни из них задают вопросы, а другие отвечают на них. Конечно, очень соблазнительно объявить наше смутное время временем вопросов без ответов, но не будем спешить с выводами: в нашем искусстве есть немало представителей и того, и другого типа. К какому из них относится Николай Мозымов?

Итак, Николай Васильевич Мозымов родился в Сыктывкаре в 1957 году. Его путь как художника достаточно обычен: художественная школа, затем — художественно-графическое отделение педколледжа № 1, где будущий художник постигал азы своей профессии. С уважением и теплотой вспоминает он своих учителей, и прежде всего Ивана Петровича Муравьёва,

**Елена
Юрьевна
ШУКТОМОВА**

родилась в г. Сыктывкаре. Окончила филологический факультет Сыктывкарского государственного университета. С 1994 года работает старшим научным сотрудником отдела науки национальной галереи Республики Коми. Занимается вопросами коми изобразительного искусства.

преподававшего живопись и рисунок, много давшего своему ученику знаний и умений в области цвето-тонового решения работ. По окончании учёбы, начиная с 1976 года — работа художником-оформителем в разных организациях города. И, конечно, творчество. Это уже — для души.

Постоянно также и стремление к самообразованию, совершенствованию мастерства: Николай Васильевич в каждой работе пытается сделать ещё один, пусть маленький, но шаг вперёд. Художник считает, что в его работе необходим постоянный тренинг и полное отсутствие самоуспокоенности. Наверное, это одна из основополагающих черт в характере Н. Мозымова — желание постоянно учиться.

Так, например, ещё в начале творческой работы художник для журнала "Би кинь" создавал серию рисунков птиц для познавательной рубрики "Птицы нашего края". Рисовал с чучел в краеведческом музее, причём серьёзно, по этапам: сначала — маленькие акварели, потом — работы маслом. До сих пор в коллекции Николая Васильевича сохранились такие анималистические "портреты": "Глухарь", "Тетерев", выписанные натуралистически подробно, добротно.

В этом проявляется ещё одно стремление художника: во всём доходить если не до самой сути, то, во всяком случае, до самой "точки". В определённом смысле это ему даже мешает, так как ведёт к слишком большой тщательности и дробности работ, их "заглаженности" в конечном итоге. Сам Николай Васильевич говорит, что часто чувствует: вот здесь надо остановиться, иначе из картины уйдёт что-то неуловимое, именно то, что и делает её произведением искусства. И — не всегда это получается, может быть, потому, что сам художник ещё не считает, что уже вышел из периода ученичества, он продолжает изучать натуру, а, следовательно, и дробить её.

Может быть, этим объясняется и выбор Мозымовым жанров: натюрморт и пейзаж. Кстати, это излюбленные жанры и многих других современных художников. Чем объясняется этот выбор? Иногда возникает подозрение, что это — своеобразное стремление уйти от проблем и неустойчивости нашей жизни в мир, где можно отдохнуть душой. Вообще, похоже, что желание "бичевать пороки", открывать обществу глаза на "свинцовые мерзости жизни", равно как и пафос созидания и утверждения нового, прогрессивного, чуждо представителям современного искусства. Художники перешли на "нейтральные" темы, и именно природа является своеобразной "экологической нишей" многих из них.

Сравнительно меньше в живописи последних лет и портретов. Не связано ли это с проявлением в искусстве такой серьёзной для современности проблемы, как отчуждение людей друг от друга и, как следствие, невозможность проникнуться чувствами и настроениями другого, пропустить их через себя, ощутить как своё "я"? Или для создания портрета требуется другой уровень мастерства, пока ещё не достигнутый художником? Тогда всё гораздо проще: именно пейзаж и натюрморт являются своеобразной "школой" изобразительного искусства, дающей большие возможности в области оттачивания профессионального мастерства, и этим обусловлен такой, чисто профессиональный, интерес к ним.

Чем является натюрморт для Николая Мозымова? Сам этот термин, как известно, переводится с французского как "мёртвая природа", но есть и другое его толкование: "тихая жизнь" вещей. Именно в этом, втором значении, чаще всего и понимается философия натюрморта: предметы не мертвы, они, правда, неподвижны, но живут своей "тихой" жизнью. Выявить и философски осмыслить это бытие и является задачей художника.

В натюрмортах Мозымова "сырой", "необработанной" природы нет: она скрупулёзно выверена, приведена в состояние симметрии, где все предметы

статичны, прочно стоят на своих местах, композиционно, фактурно, колористически уравнивают и оттеняют друг друга. Таковы его натюрморты "Грибы на подносе" (2001 г.), "Цветы в хрустальной вазе" (2000 г.), "Осенний букет с грибами" (2001 г.) и другие.

Пейзаж — жанр, который традиционно считается наиболее созвучным душе человека. Именно в пейзаже художник может передать самые тонкие чувства, неуловимые оттенки эмоций. Каковы пейзажи Николая Мозымова? Наверное, в них можно отметить те же особенности, которые присущи и его натюрмортам.

Мир природы в этих пейзажах неподвижен, живописно красив и рационально невозмутим — и это не зависит от состояния природы, освещения, фактуры — и, по-видимому, душевного состояния художника. Неподвижен берёзовый ствол — с тщательно проработанными деталями, эффектно выписанным фоном, оттеняющим его красоту ("Берёзовый ствол", 1997 г.). Недвижим весенний вечер, застывший в безвоздушности, несмотря на драматическое сгущение красок и продуманно созданный эффект сумрачного освещения ("Весна", 2000 г.).

Если проводить какие-то художественные параллели, то вспоминается, опять-таки, пейзажная живопись конца XVIII века, русский классицизм, в основе изобразительности которого "лежит условно преобразованное сочинение на тему реальных качеств природы". Сопоставимы и такие черты, как декоративность, разумная правильность построения, тщательная детализировка изображения и продуманность отделки. Пейзажи Н. Мозымова носят следы той же постановочности, что и его натюрморты. Художник в своих произведениях выступает в роли своеобразного конструктора, создавая отлаженный, устоявшийся образ мира.

То же ощущение "сделанности", "сконструированности" и, в конечном счёте, искусственности оставляют пейзажи и многих других современных художников. Конечно, такие пейзажи тоже отражают эмоции автора, только, по-видимому, это уже другие чувства, обусловленные нашей современной действительностью. Только с очень большой натяжкой можно объяснить такой подход "бичом" нашего времени: конфликтом человека и природы. Скорее, наоборот: современный, "урбанизированный" человек, уставший от проблем технической цивилизации, не хочет конфликтовать с природой, он, как никогда, жаждет единения с ней, прямо-таки стремится "прорасти корнями". Может быть, всё дело в том, что именно стремится? Раньше это получалось естественно, органически, без всяких усилий.

Но возможно, что художник, как и два века назад, снова (и уже на новом уровне) начинает открывать для себя мир, в котором живёт, и пытается, не преобразовывая его, объективно воспроизвести вновь познанное — по частям, по отдельным объектам, упорядочивая и komponуя их? В статье, таким образом, возникло уже много вопросов. А как они соотносятся с творчеством Николая Мозымова? Является ли оно искусством вопросов или ответов? Думается, что здесь нельзя прийти к какому-то однозначному выводу.

Вопросы художник постоянно задаёт — себе, желая выяснить, на что он способен, постепенно совершенствуя мастерство, пробуя разные живописные техники (так, в пейзаже "Туман в Заречье" интересно сочетаются тонкие, лессировочные, и крупные, пастозные, мазки). И ответы тоже постоянно ищет — для себя. Но возникают ли эти вопросы у зрителей, знакомящихся с его работами, не приходит ли к ним готовое решение и готовый ответ? В таком случае, неизбежно возникает противоречие с намерениями самого художника. Но хочется верить, что с течением времени эти противоречия сгладятся, обе стороны придут к согласию и взаимопониманию и возникнет равновесие сил, так необходимое для творчества, для созидания.

Владимир БОЙКО

Портреты и сюжеты

Записки неопределённого жанра

Казахстанский парламентский журналист Владимир Бойко завершает работу над второй книгой о парламенте страны и его депутатах “Портреты и сюжеты. Записки неопределённого жанра”. Это галерея очерков-портретов наших известных современников — депутатов высшего законодательного органа республики, видных политических деятелей, а также наблюдения и размышления автора. По его словам, новая книга — попытка восполнить некоторый информационный пробел на медиа-пространстве страны, ближе познакомить казахстанского читателя с деятельностью парламентариев и возродить, по крайней мере, в сфере парламентской журналистики, забытый жанр очерка.

Главы из книги

“Дора” — дура, Штык — молодец!

Небольшой южноукраинский город Николаев, где в пятидесятых годах минувшего века прошло моё детство, был любимым детищем князя Григория Потёмкина-Таврического, видевшего в нём будущую южную столицу России. В память о князе в городе всегда была и никогда не переименовывалась улица Потёмкинская.

Ведущий свою историю от корабельной верфи, город и поныне знаменит созданным более ста лет назад судостроительным заводом, по сути, являющимся градообразующим предприятием. Весьма показательна история его названия: первоначально заводик по фамилии своего владельца и основателя, бельгийского банкира Навалья, справедливо назывался его именем. В конце позапрошлого века совладельцем быстро развивающегося предприятия стало Общество русского судостроения, вследствие чего изменилось и название — “Наваль-Руссуд”. После революции и последовавшей национализации имеющему большие революционные заслуги заводу присвоили имя французского матроса-матейника, впоследствии пламенного коммуниста и секретаря Коминтерна Андре Марти. Но своими же сподвижниками-коммунистами Андре был обличён как полицейский шпион, исключён из партии и “скатился в болото оппортунизма”, чем сильно огорчил своего кремлёвского покровителя товарища Сталина со всеми вытекающими последствиями. Тогда завод называли именем одного из его бывших руководителей, наркома судостроения Ивана Носенко. Однако сын знаменитого красного наркома, майор КГБ Юрий Носенко, бежал в США и выдал ЦРУ многие советские секреты, чем сильно огорчил товарища Хрущёва, по грозному распоряжению которого фамилия Носенко была изъята из всех советских энциклопедий, а самая крупная судовой верфь страны перестала носить его имя. Говорят, по предложению советского премьера А. Н. Косыгина завод дальновидно переименовали в Черноморский, каковым он, вероятно, и останется, если никому не придёт в голову переименовать Чёрное море, скажем, в Оранжевое.

По некоторым непроверенным слухам, уже в “незалежной” Украине на базе полуразвалившегося гиганта было создано акционерное общество закрытого типа “Завод “Наваль”, порезавшее на металлолом и продавшее за рубеж несколько недостроенных советских кораблей и субмарин и впоследствии самоликвидировавшееся с большой выгодой для себя.

Дошкольные годы я провёл преимущественно в компании двоюродного брата Евгения, который был старше меня на пять лет. Наши дома в просторном общем дворе разделяли виноградник, огород и большой фруктовый сад, на самом краю которого, прямо против ворот, высилось гигантское абрикосовое дерево. Его мощный ствол примерно на уровне полутора метров раздваивался, образуя большую рогатку. Взобравшись на вершины крепких ветвей, мы, скрытые густой листвой, имели возможность тайно наблюдать за жизнью всей улицы, которая была как на ладони.

Однажды Женя принёс из аэроклуба ДОСААФ, где он занимался в школе юных лётчиков (что не мешало ему стать музыкантом), большой моток резиновой ленты, которую он почему-то авторитетно именовал “авиационной”. Не знаю, имела ли эта дециметровая, толщиной миллиметра в полтора-два резина применение в авиапромышленности, но мы очень быстро нашли широкие возможности её использования, причём отнюдь не в мирных целях.

Привязав концы ленты к ветвям дерева, мы соорудили гигантскую рогатку. В глинобитном сарае на краю сада давно пылилось множество очень, на мой взгляд, полезных вещей, свидетелей дворянского прошлого нашей бабушки: высокие напольные часы, разумеется, безнадежно испорченные, огромная бронзовая люстра с керосиновыми светильниками, несуразно большое кожаное кресло, очень похожее на царский трон, в качестве какового и применяемое в наших детских играх. Здесь же была и фашистская каска со свастикой, в которой, из-за отсутствия другого применения данного головного убора, по весне наша бывшая дворянка-бабушка с крестьянским проворством разводила известь для подбелки садовых деревьев. С тыльной стороны кресла я вырезал кусок кожи, из которого получился удобный захват для “снаряда”. В качестве оного мы “додумались” использовать увесистый булыжник из мостовой. Орудие называли “Дорой” по аналогии с известной немецкой пушкой. Испытание было решено проводить немедленно, пока никого не было дома.

“Снаряд” со свистом — допускаю, что так мне показалось, — рассёк воздух, пронёсся поверх ворот нашего двора и через несколько секунд на противоположной стороне улицы раздался страшный грохот. Мы бросились к калитке и, замирая от страха и одновременно восторга, припали к щелям.

Последствия артналёта были ужасны: “снаряд” вдребезги разнёс шифер на аккуратном домишке нашего визави, бывшего фронтовика дяди Васи Штыка (вероятно, его фамилия была Штыков). Сам дядя Вася, после контузии очень редко выходивший на улицу и почти не говоривший, внезапно обрёл силы, в исподнем скатился с крыльца и с криком “Ложись! Воздух!” рухнул в кусты крыжовника.

Возле дома стали собираться любопытные и “очевидцы”, а мы с Женькой бросились ликвидировать следы нашего преступления, весьма дальновидно уничтожив все улики вплоть до оборванных “снарядом” листьев. “Дора” была надёжно упрятана в укромный закуток за погребом, куда взрослые вообще никогда не заглядывали.

Спустя четверть часа мы тоже присоединились к небольшой толпе и с открытыми ртами слушали различные версии происшедшего и отрывистые впечатления дяди Васи, речь которого стала на удивление более внятной. В большинстве своём люди сходились на версии маленького метеорита, благо был август, на Украине

обычно сопровождающийся обильным звездопадом. Впоследствии к дяде Васе вроде бы даже приходили специалисты из городского географического общества. Но почему на чердаке так никогда и не был обнаружен наш булыжник, для меня до сих пор остаётся загадкой.

— Бедненький дяденька Васенька, как он, наверное, испугался, — сочувственно поддакнул Женя в унисон родителям, тем же вечером обсуждавшим феномен чудесного исцеления контуженого фронтовика. И своим лицемерным сюсюканьем едва с головой не выдал нашу тайну. Я с затаённым страхом заметил, что его отец, побывавший во всех больших портах мира штурман и капитан дальнего плавания дядя Коля, высоко ценимый мной за рассказы о заморских странах и особенно за привозимые из них подарки, подозрительно покосился на сына, явно не подозревая в нём подобного гуманизма.

Но, как оказалось, куда хуже дело обстояло с моим отцом: закончив войну командиром артиллерийской батареи в звании старшего лейтенанта, а ко времени описываемых событий будучи начальником угрозыска городского отдела внутренних дел, он в законах баллистики разбирался неплохо. Видимо, неслучайно он в тот же вечер, придя с работы, долго курил у ворот, пристально разглядывая крышу дома дяди Васи. А спустя пару дней, проходя мимо дерева-рогатки, отец вдруг резко остановился, оглядел и даже пощупал ствол, обошёл вокруг, а затем стал внимательно изучать землю. Не найдя никаких улик, благоразумно и своевременно нами ликвидированных, он отправился домой, а я, на всякий случай, схоронился за большой русской печью.

— Где Володька? — спросил он у матери с хорошо знакомой мне интонацией, ничего благоприятного, как правило, не предвещавшей.

— Только что, вроде, с собаками в саду возился, — ответила она, что было истинной правдой: с собаками я действительно играл, чем-то их угощал, но, заметив нездоровый интерес отца к дереву-рогатке, благоразумно предпочёл не попадаться ему на глаза.

И как не только в кино, но и в жизни иногда случается, именно в этот миг раздался телефонный звонок: видимо, криминогенная ситуация потребовала присутствия отца на работе, куда он незамедлительно и отправился, даже не поужинав. Больше к этому вопросу отец не возвращался, надо сказать, к счастью, иначе расколос бы он нас, как Папа Карло сухое полено.

Как и реальный прототип нашего оружия — немецкая супер-пушка — наша “Дора” тоже использовалась только один раз. Мы с Женей хорошо понимали, что лишь чистая случайность спасла нас от более пагубных последствий, в результате которых обычная детская шалость становится преступлением. Поэтому мы никогда и никому, даже самым близким друзьям, не рассказывали об этой авантюре.

Около двадцати лет спустя, когда я после службы в армии гостил у брата в Ленинграде, где он успешно строил свою музыкальную карьеру в театре комедии А. Райкина, мы вспомнили об этом эпизоде из детства, чем немало удивили его жену, женщину исключительно интеллигентную, кстати, родную сестру известного хоккейного вратаря. Она, возможно, не без оснований, считала, что таланты Евгения в полной мере раскрываются преимущественно в сфере ухода за юными травести знаменитого театра.

В жизни мне очень повезло на учителей. Не на школьных “марь-иванн”, которых я интуитивно, но — как понял значительно позже, став педагогом — вполне заслуженно не жаловал.

Мне повезло на руководителей — высокопрофессиональных государственных служащих, людей глубоко порядочных, кристально честных и беззаветно преданных своему долгу.

Аппаратную деятельность я начал советником Зауре Жусуповны Кадыровой, которая в те далёкие годы была заместителем председателя облисполкома. Опять-таки советником, а затем в качестве зам. зав. облоно работал под руководством Светланы Жакияновны Джалмагамбетовой, восемь самых непростых лет был советником и пресс-секретарём мэра будущей столицы Аманжолу Куанышевича Булекпаева. Среди своих лучших наставников число четырёх спикеров Сената: с каждым из них мне посчастливилось весьма плодотворно сотрудничать, а у Нуртая Абыкаевича Абыкаева работать также в качестве советника (хотя ни одного совета лично ему я так и не дал). К этому кругу я отношу и депутатов палаты, поскольку все они — личности не просто незаурядные и высокоинтеллектуальные (каковых сегодня немало), а люди, по большому счёту, государственные.

Именно этих людей, подлинных государственников, я считаю своими главными учителями.

Северная южанка (Зауре Кадырова)

Зауре Жусуповна родилась в с. Сарыжас Нарынкольского района Алма-Атинской области, но родиной своей всегда считала целинное Приишимье. Рано осиротела, в молодости и в студенческие годы сильно нуждалась, но никаких родственных и семейных связей никогда не использовала и всего в жизни добивалась сама.

После окончания в 1963 году Казахского государственного женского педагогического института по распределению приехала в Целиноградскую область, и с этих пор её трудовая деятельность и личная жизнь долгие годы были неразрывно связаны со степным краем: учитель, директор школы в Есильском и Жаксынском районах, секретарь райкома партии в Шортандинском районе, секретарь горкома партии г. Целинограда, в течение десяти лет — заместитель председателя Целиноградского облисполкома.

Верность своей второй родине Зауре Жусуповна сохранила навсегда. Во время встречи с секретарём ЦК Компартии Казахстана на приветливое замечание Динмухамеда Ахмедовича “Так мы, оказывается, с Вами земляки, Зауре Жусуповна”, она неожиданно, видимо, даже для самой себя, возразила: “Нет-нет, Динмухамед Ахмедович, я считаю себя северянкой”. Присутствовавшие при этом работники ЦК и Президиума Верховного Совета Каз. ССР обмерли: от землячества с первым руководителем республики ещё никто не отказывался.

А в ходе обсуждения в парламенте кандидатуры Карима Масимова на должность премьер-министра республики Кадырова заметила: Акмолинская земля никогда плохих кадров не давала. Это было истинной правдой: Николай Кручина, Дмитрий Бибилов, Юрий Хитрин, Аманжол Булекпаев, Адильбек Джаксыбеков, Кайсар Омаров, Бейбит Жусупов, Татьяна Мужчилов, Алексей Белоглазов — это лишь неполный список наших земляков-акмолинцев, достигших вершин государственного и политического Олимпа.

Между прочим, в высший законодательный орган страны Зауре Жусуповна баллотировалась исключительно по Акмолинской области и неизменно выигрывала.

Столь трепетное отношение Кадыровой к северу, на мой взгляд, вполне объяснимо: именно здесь, на Акмолинщине, она состоялась как руководитель, здесь расцвел её организаторский талант, здесь её знали, уважали и любили. И не зря любили: её вклад в развитие сферы соцкультбыта, её заботу до сих пор

помнит старшее поколение акмолинских врачей, учителей, работников культуры и спорта, творческой интеллигенции, а свойственные зампреду облисполкома Кадыровой принципиальность и одновременно доброжелательность к простым людям всегда были на слуху, говорили: за учителей и врачей Кадырова кому угодно горло перекусит. Быть может, несколько грубовато, но абсолютно справедливо, так оно и было на самом деле. За что и любят её здесь до сих пор.

С 1985 года жизнь Зауре Жусуповны круто изменилась, она была избрана депутатом и сразу же секретарём президиума Верховного Совета Казахской ССР. В 1987 году Кадырова — секретарь и член бюро Алма-Атинского обкома Компартии Казахстана, затем министр социальной защиты населения Республики Казахстан. В 1995 г. была избрана депутатом Верховного Совета, потом депутатом первого двухпалатного профессионального парламента, в течение второго и третьего созывов являлась депутатом Мажилиса Парламента, председателем комитета по социально-культурному развитию.

Я сказал, что изменилась жизнь Кадыровой. Действительно, судьба вывела бывшего регионального руководителя на высшую орбиту, но не повлияла на жизненные принципы этого человека, на её нравственные идеалы. Всем знавшим Зауре Жусуповну всегда импонировали её личная скромность и порядочность. Мне неоднократно доводилось бывать у неё дома и в Целинограде, и в Алма-Ате, общаться с мужем, человеком тоже редкой порядочности. Семья жила просто, скромно, на ужин подавались обычные котлеты с гречкой без каких-либо кулинарных изысков, порой от зарплаты до зарплаты не доставало денег.

Но вернёмся к парламентской деятельности депутата Зауре Кадыровой. Нужно сказать, что законотворческая составляющая комитета по социально-культурному развитию — что в Мажилисе, что в Сенате — является своеобразным индикатором всего законотворческого процесса и, более того, индикатором не только экономического, но и политического, и социального развития государства, показателем государственной культуры, цивилизованности страны. Кадырова неизменно поддерживает курс Президента на создание экономически процветающего государства с прочными социальными гарантиями для каждого гражданина, искоренение бедности, повышение качества жизни. По её мнению, главная задача страны — стабильное динамичное экономическое развитие, на основе которого должно быть постоянное повышение уровня социальной защиты казахстанцев. И в качестве председателя комитета она неизменно и принципиально стояла на страже интересов простых граждан республики, часто повторяя фразу, ставшую её профессиональным и жизненным кредо ещё с акмолинских времён: «Наша главная забота — малые, старые и больные».

Зауре Кадырова была членом Национального Совета при Президенте, государственной комиссии по государственным символам и четырём депутатских групп, награждена орденами «Знак почёта», «Дружбы народов», «Парасат», четырьмя медалями.

В приветственном адресе, который мой бывший шеф, председатель Сената Нуртай Абыкаев вручил Зауре Жусуповне в день её шестидесятилетия, отмечается: «Вы приняли активное участие в претворении в жизнь многих идей и замыслов Главы государства Н. А. Назарбаева, разработке важных государственных программ, направленных на улучшение жизни, социального самочувствия и повышение благосостояния населения республики».

Вам всегда были свойственны обострённое чувство справедливости, искренность и гуманизм, а Ваша принципиальность гармонично сочетается с человеческим и женским обаянием. Эти замечательные качества являются прочной основой большого авторитета, которым Вы обладаете в кругу друзей и в депутатском корпусе».

Лучше не скажешь.

Был ли “серым” “кардинал”? (Нуртай Абыкаев)

В чём только не обвиняли СМИ, преимущественно оппозиционные и ангажированные, этого государственного и политического деятеля независимого Казахстана. Между тем его жизнь, на мой взгляд, является ярким примером и образцом преданности долгу, беззаветного служения стране и главе государства.

Нуртай Абыкаевич Абыкаев родился в 1947 году в селе Джамбул Джамбулского района Алма-Атинской области. Окончил Уральский политехнический институт им. С. Кирова по специальности инженер-механик, затем Алма-Атинскую высшую партийную школу и Академию государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Сегодня Нуртай Абыкаев имеет учёную степень доктора экономических наук, дипломатический ранг Чрезвычайного и Полномочного Посла и воинское звание генерал-майор.

После завершения в 1972 году службы в армии он начал свою трудовую деятельность инженером на Алма-Атинском заводе тяжёлого машиностроения, занимал руководящие должности на партийной и советской работе. Талантливый организатор, в 1988 году Абыкаев назначается помощником председателя Совета министров Казахстана Н. А. Назарбаева и с этих пор навсегда становится верным соратником Главы независимого Казахстана. Был руководителем аппарата Президента и Кабинета министров, председателем Комитета национальной безопасности, первым вице-министром иностранных дел, возглавлял дипломатическую миссию нашей страны в Соединённом Королевстве Великобритании и Северной Ирландии, одновременно являясь Чрезвычайным и Полномочным Послом в Королевствах Швеция и Норвегия, Ирландской Республике по совместительству, руководил главным штабом государства — Администрацией Президента страны. В марте 2004 года Указом Президента Республики Казахстан назначен депутатом Сената и по предложению главы государства избран председателем верхней палаты высшего законодательного органа РК.

За короткий срок Нуртаю Абыкаеву удалось поднять авторитет Сената на небывалую высоту и превратить этот орган в один из главных центров формирования государственной политики.

Он возглавил Сенат в тот период развития казахстанского парламентаризма, когда наше государство вышло на очередной этап экономических и демократических преобразований. В это время сама жизнь, характеризующаяся динамичным развитием и уверенным оптимизмом населения, потребовала от законодателей более дальновидных и, так сказать, стратегических законов, определяющих характер правоотношений не только сегодня, но и в стабильном будущем. Поэтому оказался востребованным принципиально новый тип нормативно-правовых актов — стратегические законы динамичного развития, способные стать прочной и долговременной основой дальнейшего созидания.

Важным событием в законотворческой политике нашего государства в этот период стало принятие Бюджетного кодекса, законов, направленных на создание и укрепление государственных институтов развития, к которым относятся Банк развития Казахстана, Инвестиционный и Инновационный фонды, приняты серьёзные меры по упрощению налогового режима для частного бизнеса, снижены НДС, социальный налог. Активизировался процесс законодательного оформления вопросов разграничения полномочий между уровнями государственного управления.

Нуртай Абыкаев проводил большую межпарламентскую работу. Он был главой делегаций Парламента Республики Казахстан в Ассамблее государств-участников

Содружества независимых государств, в Парламентских ассамблеях ОБСЕ и Совета Европы, председателем Межпарламентской ассамблеи Евразийского экономического сообщества. Одной из его заслуг является организация и проведение двух съездов лидеров мировых и традиционных религий.

В бытность Н. Абыкаева ощутимо возросли интенсивность и эффективность международной и межпарламентской деятельности палаты, увеличилось не только количество внешних контактов, но и содержание переговоров, их результативность — то есть качество парламентской дипломатии. В это время состоялся первый Евроазиатский форум по миграции, организованный Сенатом и Парламентской ассамблеей Совета Европы, в Страсбурге на заседании Бюро ПАСЕ был заслушан первый отчёт о демократических преобразованиях в Казахстане, также подготовленный верхней палатой парламента.

Расширилась и договорно-правовая база Сената, подписаны Соглашения о межпарламентском сотрудничестве между Сенатами Парламента РК и Чешской Республики и о сотрудничестве между Парламентом РК и Парламентской ассамблеей Совета Европы; Протокол о развитии сотрудничества между Сенатом Парламента РК и Советом Федерации Федерального Собрания России; Меморандум о сотрудничестве между аппаратом Сената Парламента РК и канцелярией Сената Чешской Республики.

Отношениям с Россией Нуртай Абыкаев всегда придавал особое значение. Именно при нём было завершено оформление государственной границы и синхронно ратифицирован парламентами двух стран Договор между Республикой Казахстан и Российской Федерацией о казахстанско-российской государственной границе, достигнуты важнейшие договорённости о сотрудничестве в вопросах освоения космоса, о создании казахстанского спутника связи и вещания “KAZSAT” и казахстанского космического ракетного комплекса “Байтерек” на космодроме “Байконур”.

Отдельно следует отметить положительную динамику укрепления сотрудничества Сената с Советом Федерации России. В контактах с российскими коллегами практиковались самые разные, а главное — полезные формы сотрудничества: Дни Совета Федерации в Сенате и Дни Сената в Совете Федерации, выездные заседания комитетов в Москве и Астане, официальные и рабочие визиты парламентариев, сотрудничество аппаратов двух стран, синхронная ратификация соглашений и другие. “Дружба и чай, — сказал однажды Нуртай Абыкаевич по этому поводу российским коллегам, — должны быть крепкими и не очень сладкими”.

И отношение россиян к Абыкаеву тоже всегда было особенным. На праздничном приёме от имени посла РК в знаменитом ресторане “Националь” в честь 15-летия независимости РК, где мне довелось побывать, отсутствовали разве что Владимир Путин и главная московская тусовщица Ксения Собчак. Члены правительства, депутаты Госдумы и Совета Федерации, высокопоставленные сотрудники российского МИД, видные политики, общественные деятели — все без исключения демонстрировали своё особое, трепетное почтение казахстанскому послу и искреннее уважение к стране, которую он представляет.

В завершение хотелось бы развеять некоторые рождённые прессой мифы, которыми всегда была овеяна мощная фигура этого политического деятеля.

Миф первый: Абыкаев — закрытый для прессы политик.

Было бы неправильным утверждать, что Нуртай Абыкаевич избегал встреч с журналистами: он общался с представителями СМИ в качестве первого вице-министра иностранных дел, руководителя КНБ, в ранге посла. И в качестве председателя Сената тоже встречался не раз, проводил брифинги, давал интервью. Другое дело, он всегда полагал, что руководитель его уровня и

положения в государстве должен общаться с прессой только тогда, когда у него есть что сообщить не столько журналистам, сколько читателям или зрителям. Всё остальное, включая информирование населения о текущей деятельности палаты, взаимодействие с журналистами — это прерогатива пресс-службы. О чём он мне и сказал в первую же нашу встречу.

Миф второй: Абыкаев — “серый кардинал” казахстанской политики, весьма сведущий в “кулуарной дипломатии”.

Вообще, думаю, что “серые кардиналы” (а этот красивый, загадочный, интригующий статус присваивали не только Абыкаеву) — одна из выдумок прессы. Аппаратная практика свидетельствует, что чем выше профессиональный, интеллектуальный уровень руководителя, тем меньше у него склонностей к подобного рода деятельности.

Может ли руководитель Администрации Президента быть “серым кардиналом” в том значении, какое в это понятие обычно вкладывают журналисты? Видимо, они связывают этот “термин” с широкими полномочиями занимающего данную должность лица, которые действительно таковы. Но любой руководитель Администрации главы государства имеет только те полномочия и выполняет только те функциональные обязанности, которые определены для него Указом Президента республики и внутренним регламентом данной организации. И влиять на события и явления он также способен лишь в пределах своих полномочий и только в рамках единой государственной политики. Как он их реализовывает — это зависит от его профессиональных и личностных качеств. Абыкаев же всегда в полной мере осознавал всю ту меру ответственности, которую возлагало на него его положение в государстве и обществе, а его профессионализм не подвергают сомнению даже самые махровые скептики и оппоненты.

Наконец, миф третий: Абыкаев — человек суровый, замкнутый, некоммуникабельный. Могу сказать, что в личном общении Нуртай Абыкаевич — человек весьма обаятельный, обладающий богатым внутренним миром и тонким юмором. Отвечаю за сказанное.

Американская хрустальная мечта (Аманжол Булекпаев)

Биография Аманжолу Куанышевича Булекпаева — воплощённая в реальность мечта американского общества равных возможностей: родившись в простой семье, прошёл путь от слесаря районной автобазы до крупного руководителя и видного политического деятеля независимого Казахстана.

Он родился в первый день года, в который началась самая жестокая и кровопролитная битва в истории человечества — война с фашизмом. Семья Булекпаевых жила в то время в селе Новоишимка Акмолинской области, но детство его прошло в Рождественке.

— Я полюбил Рождественку первой детской любовью, привязался к ней, как к родному дому, и всегда вспоминаю с большой душевной теплотой, — рассказывает Аманжол Куанышевич. — Село было большое, но компактное, уютное, избы в нём были чистенькие, выбеленные, и жили мы там дружно, куском хлеба делились в голодное время.

Семья Булекпаевых жила бедно, после войны всем было очень трудно, особенно селянам, и насчёт куска хлеба — это отнюдь не образное преувеличение.

После службы в армии заочно окончил сперва автотехникум, а затем мехфаксельскохозяйственного института. Долгое время работал в системе автотранспорта: начальником колонны, главным инженером таксопарка, начальником

автотранспортного предприятия, руководил областным пассажирским автоуправлением

— К середине прошлого десятилетия, — вспоминает А. Булекпаев, — проблемы в сфере общественного автотранспорта, особенно в зимний период, обострились настолько, что привели к массовому возмущению горожан — с одной стороны, и к забастовкам водителей — с другой.

Главной причиной автотранспортного коллапса было финансовое положение автотранспортных предприятий. При смешной стоимости проезда месячные расходы автопарков превышали доходы примерно в семь раз, а троллейбусного — в десять. Оба автомобильных и троллейбусный парк в долгах были, как в шелках, их задолженность за электроэнергию, воду, тепло, ГСМ составляла астрономическую сумму.

Больше всего жаль было детей, которых родители по утрам возили в детские сады. Не выспавшиеся, испуганные толчеей на остановках, штурмом автобусов, давкой в переполненных салонах, они капризничали, хныкали и плакали на руках у стервенеющих родителей. Последние, измученные утренним вояжем, тоже появлялись на своих рабочих местах нервными и злыми, как белые медведи в условиях глобального потепления. К этому для полноты картины следует добавить нерегулярно выплачиваемые зарплату, пенсии и пособия, веерные отключения электроэнергии и другие заморочки времени. В общем, зимой по будним утрам первой половины девяностых годов большинство горожан выглядели так, словно в понедельник их мама родила, — вспоминает Аманжол Куанышевич.

Без малого одиннадцать нелёгких лет, включая сложнейшие годы перестройки и переходного периода, Аманжол Булекпаев возглавлял город, сегодня являющийся столицей государства, многое сделал для сохранения, развития и укрепления городского хозяйства. Избирался депутатом Верховного Совета Казахской ССР 12-го созыва. Будучи инициатором и первым руководителем Акмолинской специальной экономической зоны и преодолевая инерцию, а порой и явно умышленно создаваемые разными скептиками и противниками переноса столицы (среди которых был и тогдашний премьер-министр республики) препоны, подготовил город к переезду центральных республиканских госорганов.

Вот как об этом в своей известной книге вспоминает Президент республики:

“6 октября я подписал соответствующий Указ о создании Акмолинской специальной экономической зоны внутри административных границ территории города Акмолы, этим же указом назначил Аманжолу Булекпаеву её первым председателем. Этим решительным способом я прервал “тихий саботаж” Правительства по отношению к новой столице — Акмоле, через специальную экономическую зону дав возможность новой столице поправить и оздоровить свой бюджет”.

После переезда столицы Аманжол Куанышевич возглавлял таможню “Астана”. В сентябре 1999 года избран, а в октябре 2005 года вновь переизбран депутатом Сената Парламента страны.

Являясь членом комитета палаты по международным делам, обороне и безопасности, он и сегодня принимает активное участие в законотворческом процессе. Богатый профессиональный и жизненный опыт, умение глубоко вникнуть в суть проблемы и найти её оптимальное законодательное решение он эффективно использует в своей работе над проектами будущих законов. Вносимые им предложения к разрабатываемым законопроектам отличаются знанием рассматриваемого вопроса, аналитическими и научными оценками, взвешенным подходом к решению глобальных государственных задач. Принципиальная

государственная позиция сенатора А. Булекпаева содержит глубокое понимание стратегического курса главы нашего государства и отражает интересы народа республики.

Отличительными личностными качествами А. К. Булекпаева являются неизменно внимательное и доброе отношение к людям, личная порядочность, хороший, здоровый юмор и обострённое чувство справедливости. За многие годы совместной работы с этим незаурядным человеком, прирождённым организатором и сильным руководителем, я ни разу не слышал, чтобы он оскорбил или унизил подчинённого, хотя критические ситуации в неоднозначный переходный период в городском хозяйстве случались практически каждый день.

Это вовсе не значит, что Аманжол Куанышевич на посту мэра крупного города был этаким “добрым дядюшкой”. Отнюдь нет. Вот, к примеру, один из эпизодов, впоследствии нашедших отражение в книге Президента страны Н. А. Назарбаева “В сердце Евразии”. В Акмоле тогда возник стихийный митинг, к людям из всего находящегося в областном центре начальства вышел, конечно, только Булекпаев и стал разъяснять ситуацию, но обстановка накалялась...

“Тут к Булекпаеву подошёл один очень хорошо знакомый ему пенсионер. Этот пенсионер, недавно приехавший в Акмолу, писал во все инстанции и требовал квартиру вне очереди. Булекпаев же ему постоянно отказывал: мол, не имею права. Увидев Аманжолу на площади, он подошёл к нему и, используя ненормативную лексику, спросил — чего, мол, тебе здесь надо. Булекпаев тоже, скажем так, выразил своё недовольство.

Тут все собравшиеся обратились к Булекпаеву: “Аманжол, что такое случилось?”. Тот отвечает: так, мол, и так, всё время квартиру вне очереди просит, пишет во все инстанции, жалуется, а я ему отвечаю — пока я председатель горисполкома, квартиру незаконно, вне очереди, ты не получишь. Напряжённая обстановка на площади мгновенно разрядилась. Все стали смеяться и подшучивать”.

Мне памятен ещё один случай, как нельзя лучше характеризующий Булекпаева и как руководителя, и как человека.

Наш город традиционно помогал селу, особенно в период сезонных сельскохозяйственных кампаний: ежегодно на уборку урожая направлялись множество грузовых автомашин и обученных комбайнеров, до поздней осени тысячи студентов и работников различных бюджетных организаций Акмолы выезжали в пригородные хозяйства на уборку овощей.

Однажды на совещании в кабинете Булекпаева председатель одного из местных райисполкомов распоясался и на очень повышенных тонах стал распекать руководителей городских промышленных предприятий.

— Послушай, айналайн, — окоротил его А. Булекпаев, — кричать в этом кабинете имею право только я! Ты кого матом кроешь?! Да каждый из них руководит предприятием, которое даёт продукции в десятки раз больше, чем весь твой район, а их коллективы больше твоего райцентра, включая инвалидов и грудных детей!

“Айналайн” уgomонился.

Таких примеров немало, всех не перескажешь, скажем так, вследствие специфики жанра.

Сегодняшняя Астана — это, конечно, уже не Акмола, не Целиноград и уж тем более не Акмолинск. Это новая страница славной истории города. Но было бы неправильным забывать предыдущие страницы и, конечно же, их авторов. Аманжол Булекпаев свою страницу в историю города вписал. Хорошую страницу, содержательную.

Как уже сказано выше, за десятилетие своей деятельности в аппарате Сената мне довелось работать со всеми четырьмя его спикерами, счастливо избрав при этом как “барского гнева”, так и “барской любви”, удачно миновавших меня “пуще всех печалей”. Их портреты своё отражение в этих “Записках”, несомненно, найдут, как и другие портреты.

По ряду причин, прежде всего, этического характера я не могу сегодня писать о действующем председателе Сената Касым-Жомарте Токаеве, но сказать несколько добрых слов об одной из лучших его книг — “Свет и Тень” — считаю допустимым и вполне корректным. Итак

Свет и тени казахстанской дипломатии (книга Касым-Жомарта Токаева “Свет и Тень”)

Осенью 2007 года в Астане вышла в свет книга К.-Ж. Токаева “Свет и Тень”, которая мгновенно стала бестселлером, 26 ноября в столичном отеле “Риксос” состоялась её презентация казахстанским журналистам.

Если иметь в виду период от замысла произведения, то есть осмысления и систематизации описываемых событий, обдумывания сюжета и конструирования архитектуры книги, до последней точки её эпилога, то работа автора над “Светом и Тенью” заняла около полутора лет. Писалась же книга не более полугода.

Я подчёркиваю: “Свет и Тень” была **написана** автором в прямом смысле этого слова, в лучших творческих традициях классической литературы: авторучкой, с поправками, вставками, зачёркиванием строк, вычёркиванием целых абзацев и так далее, что свидетельствует о наличии так называемой “творческой лаборатории” писателя, о большом авторском арсенале художественных и публицистических методов, средств и приёмов. Видимо, это во многом предопределило жанр книги.

Касым-Жомарт Токаев не новичок в литературе: “Свет и Тень” — его пятое произведение. До него во многих странах мира вышла книга “Преодоление”, обретшая тогда большую популярность среди читателей, интересующихся международной тематикой.

“Свет и Тень” является своеобразным продолжением предыдущей книги “Преодоление”, имеющей подзаголовок “Очерки казахстанского дипломата”, каковыми она, по сути дела, и является. Но жанр новой книги, которая носит подзаголовок “Очерки казахстанского политика”, на мой взгляд, во многом превосходит жанр очерка.

В то же время “Свет и Тень” — это и не мемуары в привычном понимании этого жанра, и не публицистическое произведение. Её жанровый диапазон значительно шире.

Дело в том, что мемуарные произведения традиционно строятся на воспоминаниях авторов без претензии на глубокие авторские обобщения, авторский анализ и, как правило, не устремлены в будущее. При этом мемуары далеко не всегда объективны, ведь не зря остроумно замечено: “Если вы уверены, что в прошлом ничего нельзя изменить, значит, вы ещё не уселись за написание мемуаров”.

Во-вторых, как правило, удел мемуарных произведений, их предмет и герои — дела и личности давно минувших дней. Дела, быть может, грандиозные и личности зачастую великие, но навсегда оставшиеся в прошлом, в истории. Последняя страница прочитана, книга закрыта, читатель возвращается в настоящее.

Выгодное отличие книги К. Токаева от произведений мемуарного жанра заключается в том, что в ней прошлое неразрывно переплетено с настоящим и, самое главное — с будущим. Последняя страница прочитана, но книга не закрыта, она продолжается настоящим, которое устремлено в будущее. Нет настоящего без прошлого и нет будущего без настоящего — таков лейтмотив книги.

Однако, на мой взгляд, было бы ошибкой считать “Свет и Тень” публицистическим произведением: это не газетная хроника тернистого “казахстанского пути”, основанная на справках о развитии экономики или сухих протоколах международных мероприятий. Согласитесь, что как бы подробно ни освещались в печати, скажем, встречи и переговоры лидеров ведущих мировых держав, всё равно в газетных репортажах воспроизводятся лишь визуальные моменты, отражаются только самые общие фрагменты переговоров и встреч лидеров государств и министров, доступные прессе. В то же время “за кадром” остаётся немало интересных деталей, которые могут быть известны только непосредственным участникам событий. В этом и заключается ценность книги “Свет и Тень”, представляющей собой облечённое в художественную форму свидетельство такого участника.

Наконец, “Свет и Тень” — это плод глубоких раздумий автора над историческими судьбами государств и великих политических деятелей современности, неординарных личностей, с которыми он не только встречался, но был хорошо знаком.

Сам автор определяет жанр произведения как “политический роман”. Как человек, имеющий некоторое (весьма, впрочем, спорное) отношение и к литературе, и журналистике, я рискну не согласиться с этим мнением и обозначить жанр книги как роман-эссе, что, впрочем, ничуть не умаляет её достоинств. В пользу романа говорят объём, многоплановость, наличие нескольких сюжетных линий, объединённых едиными героями, одним из которых является автор. А в пользу очерка (эссе) — приверженность автора исторической правде, искренность повествования, глубокие авторские обобщения, раздумья и выводы, явственно ощутимая лиричность, и, конечно же, неповторимый, присущий только Касым-Жомарту Токаеву стиль. Пятьдесят на пятьдесят, как говорится. Во всяком случае, аналогия с известным романом-эссе В. Чивилихина мне представляется вполне уместной.

Почему автор назвал свою книгу “Свет и Тень”?

Думаю, название имеет глубокий философский подтекст. Сам автор так отвечает на этот вопрос:

“Вся наша жизнь, по сути дела, это свет и тень. Ещё древние заметили, что мир дуален: “И был день, и была ночь”. Неизменными спутниками нашей жизни стали правда и кривда, ибо с хорошим всегда соседствует плохое.

Что касается дипломатической деятельности, то для неё характерны компромиссы, которые, по существу, сочетают в себе давление и уступки, демарши и переговоры. Поэтому книга названа “Свет и Тень”.

Образно говоря, большая дипломатия — это как спектакль в театре: есть сцена, но есть кулисы и закулисы, есть занавес. Есть артисты, есть и статисты, есть гримёры и рабочие сцены. Кто-то пребывает под светом рамп, купаясь в лучах славы и зрительских симпатий, а кто-то, соответственно, находится в тени.

По словам автора, “в этой порой изнурительной работе были успехи и неудачи, радости и огорчения, надежды и разочарования”. Это тоже — “свет” и “тень”.

Как уже сказано, “Свет и Тень” является продолжением “Преодоления”, получившего известность не только в Казахстане, но и за рубежом. Думается,

успех этой книги, переизданной в США, России, Китае, Сингапуре, Пакистане, Саудовской Аравии, Турции, Ливане, Болгарии, доброжелательно оценённой иностранной критикой и прессой, политическими деятелями и дипломатами многих государств, дал импульс продолжению работы по обстоятельному освещению тех исторических событий, свидетелем и неперенным участником которых был автор.

Сам он так говорит об этом:

“Считаю, что казахстанская и зарубежная общественность должна знать, какие усилия предпринимались Президентом Нурсултаном Назарбаевым для укрепления международных позиций Казахстана. Это была поистине напряжённая работа. Ведь мы начинали буквально с чистого листа, дипломатическая служба практически отсутствовала, не было опыта самостоятельного ведения международных дел. За столь короткий срок наша страна проделала путь, который, по образному выражению основателя современного Казахстана Президента Н. Назарбаева, равен столетию”.

Закономерно, что в этом многоплановом произведении о становлении нового Казахстана показана выдающаяся роль основателя независимого государства Президента РК Н. А. Назарбаева. Впервые в новейшей истории Казахстана на конкретных примерах читателю открывается его многогранная, титаническая внешнеполитическая деятельность в сложный транзитный период нашей истории.

Вот как говорится об этом в первой главе “Инаугурация Президента”: *“Перед мировым сообществом предстал выдающийся государственный деятель, на долю которого выпала труднейшая миссия создания нового государства. В самые тяжёлые моменты депрессии и кризисов Н. Назарбаев не терял уверенности в светлом будущем Казахстана, он вёл за собой многонациональный народ страны, разъяснял людям суть реформ и обеспечивал их осуществление своим мощным авторитетом”.*

Думаю, не ошибусь в оценке, если скажу, что на сегодняшний день “Свет и Тень” — это лучшее произведение, в котором объективно показана деятельность казахстанского лидера во всём её многообразии.

Но при этом вы не найдёте в книге приторных славословий в адрес главы государства, образ Президента подаётся через его конкретные дела, представлен в рабочем процессе.

Другое достоинство книги “Свет и Тень” в том, что это яркая галерея портретов наших великих современников и многих незаурядных личностей. Среди них — президенты и главы правительств, высшие должностные лица ведущих стран мирового сообщества. Но это не официальные портреты лидеров в парадных мундирах. Герои книги (скажем, Борис Ельцин, Евгений Примаков, Нельсон Мандела, отец и сын Буши и другие) выглядят обычными людьми, со свойственными им достоинствами и простыми человеческими слабостями. *“... ценнейшим примером для подрастающего поколения являются главные герои этой книги. Наблюдая за их деятельностью, можно обрести полезные навыки работы во всех сферах общественно-политической жизни”*, — пишет автор.

Читателю интересно узнать, что, будучи послом в Китае, Дж. Буш-старший раскатывал по Пекину на любимом транспорте всех китайцев — велосипеде, а его постоянным партнёром по теннису был высокопоставленный офицер КГБ, что Тони Блэр в юности не грешил благонаравием, Джордж Буш-младший не силён в географии, зато был большим поклонником виски “От учителя”, что Борис Ельцин либерально относился к СМИ, поскольку не читал газет, а Михаил Касьянов обладает завидным аппетитом.

Эти детали — как штрихи к портретам, как мазки кисти на холстах художников-импрессионистов: без такого мазка портрет, конечно, тоже будет вполне узнаваем, но куда менее изящен. Не погрешу против истины: изящество — весьма примечательная черта стиля Касым-Жомарта Токаева, и не только в творчестве.

А очерк о Нельсоне Манделе, думаю, было бы правильным распечатать большим тиражом, раздать нашим чиновникам и периодически проводить их тестирование на знание этических норм и соблюдение моральных принципов государственных служащих.

Одновременно следует отметить, что в книге читатель не найдёт и намёка на оскорбление достоинства её героев, потому что К. Токаев всегда свято следует своему авторскому кредо:

“Нужно всегда помнить, что Слово может и воодушевить, и обидеть. А порой Слово ранит и даже убивает. Ответственный политик всегда рационален, гибок и твёрд. Он чётко видит цель и просчитывает пути её достижения... Настоящий патриот никогда не кичится перед публикой, а думает об единстве нации перед лицом возрастающих угроз”.

Думаю, эти слова в полной мере относятся как к героям книги, так и к её автору.

И последнее. В апреле 2008 года мне довелось презентовать московское издание книги “Свет и Тень” российским читателям в Российском гуманитарном университете. Интерес к книге был просто потрясающий, пятьдесят выставленных организаторами на презентации экземпляров буквально смели, что совершенно объяснимо: есть книги, которые читатель осиливает примерно до середины, есть опусы, читая которые, засыпаешь на третьей странице. А “Свет и Тень” любой, даже взыскательный читатель дочитает до конца, причём с большой пользой для себя.

Парламентская журналистика и этика журналистов

История свидетельствует, что отношения парламентариев и журналистов всегда складывались очень непросто. В этой связи уместно вспомнить опыт первого английского парламента, в котором депутаты принципиально дистанцировались от журналистов, вследствие чего последние вынуждены были получать информацию о происходящих в Вестминстере процессах от парламентского швейцара.

На протяжении прошлого века пресса во многом способствовала становлению органов народного представительства практически во всех государствах мирового сообщества. Но, пожалуй, в мире не найдётся страны, где история взаимоотношений журналистов с парламентом была бы лишена своих драматических страниц.

В Казахстане парламентская журналистика как отдельное направление пока ещё только развивается. По большому счёту, сегодня в стране имеется пул политических журналистов, пишущих в том числе и о парламенте. Среди них немало опытных профессионалов, которые разбираются в законотворческом процессе и помогают гражданам республики представить, как работает главный законодательный орган республики, какие законы готовят и принимают депутаты. Без этого специфического журналистского сообщества страна просто жила бы в неведении о правовых отношениях и правовом поле.

Следует сказать, что происходящий, но изрядно затянувшийся процесс формирования корпуса парламентских корреспондентов является не только

очередным рубежом развития отечественной прессы. Это одновременно и важный этап развития казахстанского парламентаризма, поскольку парламентская тематика, являясь важной частью проведения государством информационной политики, не ограничивается сообщениями о принятых нормативно-правовых актах. Пишущий о парламенте журналист в определённой мере одновременно и сам участвует, и вовлекает читателей, зрителей, слушателей в активный законотворческий процесс. Поэтому от политической культуры парламентских журналистов, их профессионального умения разбираться в важных общественных процессах, их бережного, деликатного обращения со словом сегодня зависит не только дальнейшее развитие реально действующего института парламентаризма, но и продвижение демократии в стране.

Вполне закономерно, что взаимодействие со средствами массовой информации является важной составляющей в повседневной работе депутатов и аппарата парламента. От того, насколько правильно они строятся, во многом зависит решение важнейшей проблемы — повышения уровня юридической грамотности населения республики, его информированности о принимаемых законах, а соответственно — о своих правах и обязанностях.

Главными источниками получения журналистами информации о работе высшего законодательного органа государства и законотворческом процессе являются пресс-службы палат парламента. Их цель — формирование с помощью средств массовой информации и просветительской работы с населением ясного представления и устойчивого общественного мнения о законотворческой и представительской деятельности парламента. Именно яркость (или безликость) журналистских материалов о парламенте и депутатах определяют уровень доступа корреспондента к источникам парламентской информации. Соответственно, яркость (или безликость) деятельности работников пресс-служб — от руководителя до рядового эксперта — определяют параметры медиа-пространства каждой из палат парламента.

Но при этом уместно иметь в виду, что во всём мире пресс-службы не являются самыми информированными подразделениями тех структур, которые они представляют. Любая пресс-служба обеспечена только **официальной** информацией и лишь в том объёме, который позволяет ей взаимодействовать со СМИ в целях информирования населения и создания благоприятного имиджа представляемой организации.

Существует такое понятие — уровень информации. В любой организации, в том числе и в парламенте, есть информация, которую вправе озвучить только первый руководитель. Есть личная информация. Другое дело, что работник пресс-службы может владеть такой информацией — не своего уровня или чьей-либо личной. Но озвучить её он не вправе. Во всяком случае, с вопросом, например, о том, какую зарплату получает депутат парламента, правильнее обращаться непосредственно к парламентариям.

В этой связи логичен вопрос: обязан ли журналист, освещающий работу парламента или другого государственного органа, быть политически беспристрастным или он должен занимать ту или иную позицию в соответствии со своим мировоззрением?

Думается, ответить можно, только увязав данный контекст с жанровой спецификой журналистики. Однозначно, журналист вправе иметь и высказывать своё мнение, но он должен определиться с жанром подачи материала. Если корреспондент готовит информацию, парламентский репортаж или интервью, то выражение собственного мнения неуместно, поскольку противоречит самой специфике жанра, в то время как корреспонденция допускает, а парламентский очерк или аналитическая статья — требуют выражения авторской позиции.

Но журналистам не мешает иметь в виду, что в условиях ангажированности многих казахстанских средств массовой информации любой из них легко может быть вовлечён в орбиту политических игр или лоббирования законопроекта.

В отношении парламента у казахстанских журналистов всегда наблюдался некоторый скепсис, который, обычно, если не разрушается вовсе, то, по крайней мере, минимизируется обратно пропорционально тому, как долго журналист работает в парламенте и насколько глубоко вникает в суть законотворческого процесса.

Тем не менее некорректное, не деликатное отношение прессы к парламенту и депутатам не такая уж редкость: имеют место эпатажная подача материала, подтасовка цитат, искажающие смысл в целом, бывают случаи, когда журналисты, демонстрируя поверхностное знание вопроса, неправильно интерпретируют те или иные события или факты парламентской жизни, допуская при этом неуместную иронию.

Случается, что в погоне за читательским интересом отдельные журналисты используют броские, кричащие заголовки, подгоняя под них содержание своих корреспонденций, речь в которых идёт о каких-либо частных случаях и ситуациях, не касающихся основных направлений парламентской деятельности. Между тем заголовок должен логически вытекать из содержания материала. К сожалению, многие журналисты сегодня демонстрируют юридическую безграмотность, что для парламентского корреспондента является признаком непрофессионализма.

В результате читательская аудитория не получает адекватной картины того, что происходит на парламентской арене. Думается, что это понижает кредит читательского доверия не столько к парламенту, сколько к авторам подобных публикаций и к изданию.

Корреспондентам следует помнить об особой специфике парламентской журналистики. Чтобы стать профессиональным парламентским журналистом, недостаточно владеть стилем и лексикой. Парламентский корреспондент должен знать Конституцию республики, Конституционный закон “О Парламенте Республики Казахстан и статусе его депутатов”, Регламент Парламента РК и регламенты палат, разбираться в нюансах прохождения законопроекта, сущности и принципах законотворческого процесса.

Большой проблемой современной казахстанской парламентской журналистики является текучесть журналистских кадров. Многие талантливые отечественные журналисты прошли через парламент, на этой стезе стали настоящими профессионалами, но сейчас, к сожалению, оттачивают свои перья в других сферах.

Наконец, очень тревожной представляется и весьма ощутимая в последние годы тенденция к снижению грамотности журналистских текстов. Постоянный мониторинг публикаций даже без серьёзного лингво-стилистического анализа свидетельствует о наличии значительного количества стилистических и семантических промахов и погрешностей, грамматических и пунктуационных ошибок. Некоторые из них являются следствием невнимательности корректоров, однако большинство — результат бедности лексического запаса авторов, слабого знания ими основ русской грамматики, орфографии и синтаксиса.

Конечно, отнюдь не ошибки в текстах и не кричащие заголовки представляют сегодня лицо отечественной парламентской журналистики. Она развивается и неизбежно достигнет зрелого уровня.

И наконец: за годы моей деятельности в аппарате Сената сменилось шесть руководителей пресс-служб. Ни об одном из них я ни одного худого

слова сказать не могу. Это были люди разного уровня — и по профессиональным, и по личностным качествам, и по масштабу. Но каждый из них свою страницу в историю пресс-службы палаты, безусловно, вписал, свой вклад в её развитие внёс. Но об одном из хотел бы сказать особо. Это

Аргынбай Бекбосын — поэт, гражданин и руководитель пресс-службы

Думается, в стране не так уж много найдётся людей, которые вправе считать себя более причастными к процессам демократизации общества, создания новой законодательной базы развития средств массовой информации независимой республики, чем А. Бекбосын. С именем этого экс-депутата и хорошо известного в стране журналиста связано одновременно и становление независимой журналистики, и развитие парламентаризма нового Казахстана.

Депутатская деятельность А. Бекбосына в Мажилисе высшего законодательного органа нашего государства заслуживает уважения: он многое сделал для создания новой законодательной базы независимого Казахстана, и в частности, для проведения в стране государственной правовой реформы, направленной на демократическое преобразование государства и общества.

Благодаря его высокому профессионализму, глубокому знанию жизненных реалий в законодательстве нашего государства нашли отражение многие важные положения, касающиеся жизни простых людей, их социальной и правовой защищённости. Общеизвестно, что в своей парламентской деятельности А. Бекбосын демонстрировал не только широкий кругозор и глубокую эрудицию. Его предложения к законопроектам отличались подлинным гуманизмом и патриотизмом, всегда были направлены на благо нашей родины, а принципиальная депутатская позиция содержала глубокое знание национальных особенностей, традиций и менталитета нашего народа и неизменно отражала интересы населения республики.

Но кроме того, Аргынбай Бекбосын — известный в республике журналист и поэт. Он относится к счастливой плеяде ярких талантов, которые щедро дарят свои творения родине и народу. Им создано немало высокохудожественных произведений, всемерно способствующих возрождению и развитию многонациональной казахстанской культуры, нравственному обновлению личности, сохранению родного исторического наследия.

Сегодня имя поэта Бекбосына популярно не только в южном регионе нашей страны, его переводы Омара Хайяма и собственные творения известны всей республике. Своим литературным талантом он продолжает и укрепляет традиции казахского народа, его нравственные идеалы. В богатом, многожанровом творчестве А. Бекбосына заложены непреходящие идеи добра, любви и справедливости, гармонии человека и мира, природы и времени.

В течение нескольких лет возглавляя пресс-службу Сената Парламента страны, он многое сделал для информирования населения республики о деятельности палаты, о принимаемых парламентом законодательных актах. В эти годы в полной мере раскрылись его организаторские возможности, гармонично сочетающиеся с большим творческим даром. На протяжении работы в качестве руководителя пресс-службы он пользовался неизменным уважением журналистов.

Наконец, Аргынбай Бекбосын обладает прекрасными личностными качествами — богатым внутренним миром, душевной щедростью, он остроумный собеседник, весёлый и общительный человек.

г. Астана.

Людмила ЕНИСЕЕВА-ВАРШАВСКАЯ

Аристократ духа Яков Штейн

Государственному академическому русскому театру драмы им. М. Ю. Лермонтова 75 лет. Год рождения — 1933-й. Место рождения — Семипалатинск. С января 1934-го театр живёт и работает в Алма-Ате. Имя М. Ю. Лермонтова дано ему в 1964 году в связи со 150-летием со дня рождения поэта. 1975 год — присвоение звания «Академический». Основатель театра и его первый главный режиссёр — Ю. Л. Рутковский. В числе постановщиков спектаклей были Л. В. Варпаховский, Г. А. Товстоногов, Б. В. Бибииков, О. И. Пыжова, А. Ридаль. Многие для становления театра сделано возглавлявшими его в разные годы режиссёрами Я. С. Штейном, М. В. Сулимовым, А. Л. Мадиевским. С 1984 года по сей день художественный руководитель коллектива — народный артист РК, лауреат Государственной премии РК и независимой премии «Платиновый Тарлан» Р. С. Андриасян. В 1984 году театр награждён орденом Дружбы народов.

Материал, подготовленный для наших читателей журналистом Людмилой ЕНИСЕЕВОЙ-ВАРШАВСКОЙ, посвящён одному из зачинателей Лермонтовского театра, режиссёру, художественному руководителю этого коллектива Я. С. Штейну, с чьим творчеством связаны яркие страницы становления театра. Ученик Алексея Дикого, последователь школы Московского художественного театра, после работы в театрах Москвы, Ленинграда и Владивостока Яков Соломонович Штейн (1900—1956) в 1943 году приехал в Алма-Ату и вступил в права художественного руководителя театра русской драмы. За 11 лет он поставил в нём более 60 спектаклей, среди которых «За тех, кто в море», «Хожение по мукам», «Иван Грозный» («Орёл и орлица»), «Кобланды», «Любовь Яровая», «Лисички», «Русский вопрос», «Бесприданница», «Бешеные деньги», «Ревизор», «Кража», «Порт-Артур» и другие.

Случилось так, что в лето 1956-е, под конец гастролей во Фрунзе умер от инфаркта художественный руководитель театра русской драмы Яков Соломонович Штейн. И когда эскорт с телом покойного двинулся домой, на знаменитом Курдайском перевале его встречали выехавшие навстречу все имеющиеся на тот момент в Алма-Ате театры — закончившие здесь свои выступления фрунзенцы, коллективы Казахской драмы, театра оперы и балета имени Абая, ТЮЗ, корейская и уйгурская труппы.

Наутро к драмтеатру на улице Дзержинского проститься с Яковом Соломоновичем пришла едва ли не вся Алма-Ата. По традиции того времени, траурная процессия следовала до Ташкентской аллеи пешим ходом, и лишь там уже все сели на машины.

Утрата, которую понесла очень театральная в те поры казахстанская столица, а с ней, естественно, и вся республика, была колоссальной. Ушёл один из столпов становящейся на ноги казахстанской культуры, человек, масштаб личности которого задавал тон как сценическому, так и всему искусству республики в целом.

— Когда Штейн заступил на вахту в Русскую драму, которой незадолго до этого руководил мой отец, — рассказывает профессор театроведения Галина Юрьевна Рутковская, — я смотрела все его постановки. Яркие и разнообразные по режиссёрскому раскрытию, темпераменту, стилю, они

были совершенно не похожи друг на друга. Вот “Униженные и оскорблённые” по Достоевскому. Это такая боль человеческой души, такая глыба болезненных чувств, что, столкнувшись с ними, зрители буквально замирали. После этого — “Мадемуазель Нитуш”. Оперетта. Лёгкость, смех, шутка, пластика! И как играют актёры, как они работают! Единый, если так можно выразиться, канкан. И вдруг третья грань — “Наследники Рабурдена” Золя, спектакль о продажности мира денег. Невероятный гротеск, где каждый персонаж — явление. И что самое потрясающее — я, прожившая всю жизнь со своими родителями, не узнаю в мадемуазели Фике актрису Кручинину, то есть свою собственную маму!

— Как только в 1943 году в театр пришло сообщение о том, что к нам едет новый руководитель, — вспоминал тогдашний помощник администратора театра, а впоследствии заместитель министра культуры республики Исаак Иванович ПОПОВ, — мы с моим начальником отправились на вокзал. Я взял чехмодан у Штейна. С ним была очень милая дама — Нина Ивановна Трофимова, его жена и хорошая актриса. Яков Соломонович очень органично вошёл в коллектив — без крика и конфликтов. Быстро сориентировавшись, сформировал по-своему труппу. А чтобы пополнить её молодёжью, открыл театральную студию, куда поступил и я.

Живя на пульсе времени, Яков Соломонович всегда чувствовал, что сейчас нужнее всего зрителю. В военное и послевоенное время, когда важен был подъём духа, кроме классики, он вводил в репертуар патристических “Победителей” Чирского, “За тех, кто в море” Лавренёва, “Далеко от Сталинграда” Сурова. Широта мышления не исключала профессионального изящества. Мне нравилось, что в работе над спектаклем Штейн придавал особое значение деталям, будь то костюм, грим, появление героя на сцене или уход с неё. Всё это прорабатывалось по многу раз и создавало потом ощущение завершённости постановки. Неряшливость и даже очаровательная небрежность у него не проходили.

Что же касается существования двух театров в одном здании, то это не так. Это не были два театра в одном здании. Это был небольшой клуб имени Дзержинского, в который в 1933 году поселился Русский театр драмы. В 1936 он стал Республиканским театром драмы, когда создали Комитет по делам искусств, выделив его из Наркомпроса. Это был один театр с двумя творческими коллективами, но с одной дирекцией, с одним технологически обслуживающим персоналом. В казахской труппе художественным руководителем был Гольдблат, в русской я застал ещё Соломарского, после которого в 1944 году заступил Штейн. Директор театра Жубаншалиев очень деликатно проводил работу по творческому равенству обеих трупп и по тому, чтобы труппы эти работали совместно. Вот почему Яков Соломонович ставил спектакли и с русской труппой, и с казахской. Нередко в казахских спектаклях были заняты русские актёры и наоборот. Блистательным опытом в этом плане был негр Бретт, исполненный Шакеном Аймановым в русскоязычном спектакле “Глубокие корни” Гоу и д*Юссо. А прежде было ещё общее сценическое полотно “Иван Грозный” (“Орёл и орлица”) по пьесе Алексея Толстого.

На моих глазах ставился также “Абай”. Шакен Айманов был привлечён к нему как режиссёр наравне со Штейном. Спектакль получил огромный общественный резонанс и был представлен на Сталинскую премию. Шакен за постановку эту премию получил, а Штейн не получил, потому что он был Штейн. Это были времена космополитизма, и я помню то достаточно нервное состояние, которое испытывал из-за этого и Шакен Айманов, и Яков Соломонович, которого просто оскорбили.

Что меня поражало в Якове Соломоновиче? Он был лидером. Лидером признанным как внутри своего коллектива, так и среди общественности его. Он получил звание заслуженного деятеля искусств республики.

Мне приятно, что театр, в котором я начинал свою жизнь, продолжает активно работать, и во главе стоит тоже лидер. Это Рубен Суменович Андриасян. Те традиции, что были при Якове Соломоновиче, во многом сегодня сохраняются и развиваются.

— “Иван Грозный”. Спектакль этот, — говорит народная артистка СССР Хадиша Букеева, — был для меня этапным. Штейн поручил мне сыграть в нём жену Ивана — черкесскую княжну Марью Темрюковну. Это был эксперимент по освоению казахскими актёрами нового исторического материала. Работать со мной Якову Соломоновичу пришлось много, и его терпение, желание довести идею до завершения сделали своё. Спектакль получился удачным, все были им довольны, а я усвоила очень важные для себя уроки.

Впрочем, практиковались тогда не только совместные постановки, но и параллельные. И если на казахской сцене ставили ауэзовского “Кобланды”, то на русской шёл переводной вариант под названием “Любовь и честь”. То и другое смотрели с удовольствием. С одной стороны, это был обмен опытом, перетекание одной культуры в другую, с другой — возможность сравнить режиссёрские трактовки, оформление, актёрскую игру. Возьмите ту же своенравную Карлыгу. Букеева подавала её в суровых эпических красках, а Харламова преподносила лирически.

Несколько спектаклей Яков Соломонович поставил и в Казахской драме. Одним из них был “Абай”. К работе над ним Штейн привлёк мастера казахской сцены Шакена Айманова. Сначала они вместе делали инсценировку одноимённого романа Ауэзова, потом вместе создали спектакль, который, получив большой резонанс, был представлен на Сталинскую премию. Правда, получилось так, что Айманов этой награды был удостоен, а Штейну в ней отказали — не вышел с “пятой графой”. Вслух этого, конечно, никто не произносил, но шла волна космополитизма, и все всё понимали. Шакен же до конца жизни испытывал неловкость от того, что так всё сложилось.

Во многих спектаклях Штейн занимал артистку Валентину Борисовну Харламову, чья игра отличалась лиричностью, душевной мягкостью, психологической точностью. Евгения Гранде, Наташа в “Униженных и оскорблённых”, Елена Андреевна в “Дяде Ване”, Лариса в “Бесприданнице”, Любовь Яровая... Но особенно хороша она была в “Мадемуазель Нитуш”.

— Сначала мама была в отчаянии, — вспоминает её дочь Валентина, — всего одна-две странички текста, и роль, что называется, без ниточки. Но Яков Соломонович сделал из неё героиню. Заказал своему студийцу, замечательному композитору Всеволоду Булгаровскому музыку, ввёл вставные номера. Получился настоящий фейерверк. И когда со своей опереттой приехали к нам чимкентцы, они сказали: “Не может быть! Как ТАКОЕ сделать из пустяка?”.

Одной из главных заслуг Якова Соломоновича было открытие той самой театральной студии, о которой говорилось выше. Одним из воспитанников её был заслуженный артист республики Евгений Попов. Он рассказывал:

— Я был рабочим Алма-Атинского завода тяжёлого машиностроения, когда попал к Якову Соломоновичу — там у нас был свой самодеятельный театр, руководил которым знаменитый впоследствии кинорежиссёр, а

тогда студент эвакуированного в Алма-Ату ВГИКа Борис Кимягаров. А оттуда я поступил уже в театральную студию, которую в конце 1944-го организовал Штейн. Мы занимались в 25-й школе, и Яков Соломонович почти сразу стал использовать нас в спектаклях. Помню, первый раз мы вошли в театр. Боже ты мой — сам Амангельды, он же Умурзаков, Калеке Куанышпаев, Сералы Кожамкулов, Шакен Айманов! Мы рты пораскрывали. Мы — казахская и русская труппы — 22 года были Объединённым театром под одной старой обрушившейся крышей и жили более чем дружно — как одна семья, как родня. А учителей каких для нас пригласили! Историю театра вели высланные в Алма-Ату Лев Игнатьевич Варшавский и Юрий Осипович Домбровский, технику речи — основатель Института художественного слова, заслуженный артист РСФСР, профессор филологии, логопед Василий Константинович Серёжников. Так, как он читал лекции и учил нас разговаривать — это, конечно, редкостный случай. Искусству грима обучал работавший ещё со Станиславским, Немировичем-Данченко и Качаловым гениальный и тоже репатриированный сюда Сергей Иванович Гуськов!

До первого самостоятельного выхода на сцену нас занимали в массовках, мы выходили толпой — как в казахских, так и в русских спектаклях. Первые две фразы Яков Соломонович дал мне в комедии Масса и Червинского “Где-то в Москве”. Я играл пассажира на каком-то вокзале. Гордости моей, конечно, не было предела. Но вторая роль у меня была вообще потрясающей. Я исполнял в “Иване Грозном” холопа князя Курбского — Ваську Шибанова. Там у меня уже было, по-моему, восемь или десять фраз. И мало того, сам Лев Игнатьевич Варшавский в рецензии мою фамилию упомянул! Я купил кипу газет, навыврезал статью со своей фамилией и получилась целая брошюра.

Шли занятия и репетиции, мы выходили в массовках и набирались знаний. А в это время начались, оказывается, так называемые еврейские дела — космополиты и прочие. Штейна начали таскать, вызывали на какие-то комиссии, собеседования, приезжали представители из Москвы. Но он никогда ни единым словом, ни единым движением не показал нам, что у него что-то там происходит.

— Яков Соломонович всегда был комильфо. Всегда с бабочкой, в зелёной велюровой шляпе и с тростью, — дополняла эти воспоминания выпускница театральной студии, доктор медицины Галина Евгеньевна Плотникова. — Он учил нас никогда не становиться спиной к людям, считая, что актёр должен говорить в зал. Строгий на вид, умевший держать любого человека на расстоянии, он был в то же время заботлив и человечен. Знаю об этом по собственному опыту. Едва услышав, что в Алма-Ате есть театральная студия, я тут же побежала к нему: “Возьмите меня, пожалуйста!”. — “Так ведь идёт уже второй год обучения”, — ответил Яков Соломонович. “А вы меня послушайте!” — попросила я. Он послушал и взял. Потом, через какое-то время я сказала: “Яков Соломонович, я очень хочу прочесть дуэт Марии Стюарт и Елизаветы”. — “Ну, конечно, — съязвил он, — вам нужна только Мария Стюарт. На меньшее вы не согласны!”. Но я опять попросила, чтобы он меня послушал. И вот после вечернего спектакля — а это была уже глубокая ночь, транспорт в такое время в Алма-Ате не ходил, и улицы города тонули в темени, — он всё-таки остался, созвал худсовет и сказал: “Раз уж она готовилась, давайте пойдём ей навстречу!”. После моего чтения — представьте себе! — меня зачислили в труппу. Я стала играть в театре. А потом прошло какое-то время, и наш педагог по художественному слову Ганн, уезжая в Москву, сказал Якову Соломоновичу, что

хочет оставить меня продолжателем своего дела. Штейн согласился, и живое художественное слово теперь преподавала я. С гордостью могу сказать, что моими учениками были такие замечательные актёры нашего театра, как Женя Попов и Виктор Ахрамеев.

Яков Соломонович, хотя он и сам был блестящим режиссёром, приглашал, чтобы поднять театр, и других своих коллег. Так в 1947 году Товстоногов поставил с казахской и русской труппой “Победителей” Чирскова, где по-новому раскрылись дарования Айманова, Бадырова, Серикова, Букеевой, Харламовой, Аркадьевой, Тельгараева, Кайрова. Тогда же режиссёр Ридаль, осуществляя постановку горьковских “Варваров”, сумел увлечь всех артистов так, что они отдали этому спектаклю максимум всего, что в них было заложено. Работа над этой вещью стала настоящим праздником для всех, и я её не забуду никогда.

Яков Соломонович всегда вызывал во мне удивление и восхищение. Я не знаю ни одного такого худрука, хотя мама моя была актрисой, и я росла в Москве, в театральной среде, который бы так упорно индивидуально работал с актёрами. Например, был у нас в театре Аркадий Яковлевич Зак. Хороший, яркий актёр, но опереточный. Причём, опереточный комик. И настолько это у него всё это проявлялось, что невозможно. Но театр-то у нас был как-никак драматический! И вот когда начали ставить “Интервенцию” и дали в ней Заку роль еврея — такого мягкого, ироничного, то Яков Соломонович часами репетировал с ним, убирая всё лишнее и наносное. И получился настолько пронзительный, непривычный персонаж, что никто в нём не мог узнать самого Зака.

Яков Соломонович был очень сердобольным. Помню, одно время мы играли в абсолютно ледяном зале. Зрители сидели в шубах, а мы на сцене были в декольте. Я тогда исполняла Лидочку в “Свадьбе Кречинского” и хорошо помню, как Яков Соломонович велел, чтобы костюмерный и пошивочный цеха в течение всего спектакля стояли за кулисами с платками. И как только мы, отговорив своё, выбегали за кулисы, нас немедленно укутывали этими платками.

Штейн был справедливый. Я не помню ни в студии, ни в театре какого-либо скандала или конфликта. А если даже что-то где-то и намечалось, никто не смел выяснять такого рода отношения в присутствии Якова Соломоновича.

Жена Якова Соломоновича — Нина Ивановна Трофимова была ведущей артисткой театра. Тут же, при них была их дочь Наташа. Она тоже начинала было проявляться, училась в студии, но я не помню ни разу, чтобы Яков Соломонович разрешил ей что-то сыграть. Считал, что семейственность — вещь неприличная. В результате Наташа ушла из театра, блестяще окончила институт иностранных языков и работала потом преподавателем.

Яков Соломонович всегда был в гуще общественной деятельности. Но откровенные разговоры, если вы помните, велись раньше в основном на кухне. Считалось, что это единственное место, где можно говорить обо всём откровенно. У Якова Соломоновича был свой круг близких ему людей. Он очень дружил с литераторами Юрием Осиповичем Домбровским, Николаем Ивановичем Ановым, моим мужем Александром Лазаревичем Жовтисом, дневал и ночевал у Льва Игнатьевича Варшавского. Так случилось, что мне удалось быть в этой гуще, присутствовать при этих разговорах, и я, конечно, многое для себя из них почерпнула.

Меня часто спрашивают: как и чем жил тогдашний театр? Да не один театр, отвечаю я, а целых два — казахский и русский. Два в одном здании.

Два театра, два главных режиссёра, две театральные студии — и все в одном здании! Кстати, с главным режиссёром Каздрамы Шакемом Аймановым Яков Соломонович был очень дружен, и они очень любили друг друга. И никогда никаких недоразумений насчёт свободной сцены, помещения для занятий, репетиционного зала для артистов или музыкантов не было и в помине. Я не помню даже ни одного громкого разговора. Обе труппы — казахская и русская — жили одной жизнью и помогали друг другу. Вот шёл спектакль “Иван Грозный”. Он шёл по-русски, а вся массовка была из казахской и русской студий. И казахские мальчики в русских боярских кафтанах играли очень хорошо. А потом была постановка “Кобланды”, где я играла Карлыгаш, и все массовки как в русском, так и в казахском спектаклях были объединёнными. Один общий и тот же состав.

— Насколько я помню, — продолжает народный артист республики Юрий Борисович Померанцев, — Штейн в самом деле работал с актёрами много, утончённо и скрупулёзно. И тяготел он не столько к камерным спектаклям, а к большим полотнам — “Хождение по мукам”, “Любовь Яровая”, “Порт-Артур”, “Незабываемый 1919-й”. Он умел организовать всю труппу. В “Любови Яровой” я играл в массовке какого-то господина с усиками, и делал это с превеликим удовольствием. Ученик Алексея Денисовича Дикого, Яков Соломонович был прекрасным постановщиком — он умел крепко лепить спектакль, делать мизансцены. Он как-то сразу обратил на меня внимание. Я встретился с ним, будучи актёром ТЮЗа, где он ставил “Трёх мушкетёров”. Я сыграл у него Короля, и он пригласил меня в драмтеатр. Там я с ходу сделал с ним несколько больших ролей. Особенно памятна инсценировка романа “Униженные и оскорблённые” — я вёл повествование от автора, являя собой как бы самого Достоевского. Спектакль был необычным, пользовался большим успехом. И хотя работать со Штейном долго не пришлось, встреча с ним определила весь мой дальнейший путь.

Состав труппы тогда был чрезвычайно сильным и, соответственно с этим, спектакли были тоже очень интересные. Причём Яков Соломонович делал их не только сам, но действительно приглашал и других режиссёров — Георгия Товстоногова, Григория Ридалья. И работы эти ни в чём не уступали московским. Я хорошо помню “Варваров” в постановке Ридалья. Когда я увидел этот спектакль, то просто обалдел — насколько он был великолепно сделан и как блистали в нём все актёры. И когда я через несколько лет поехал в Москву и посмотрел тех же “Варваров” в Художественном театре, то ушел расстроенный. Ридалевская постановка была намного талантливей и состоятельней.

О том, какая была тогда атмосфера в театре, говорит такой эпизод. Штейн первый в Союзе поставил на нашей сцене спектакль о целине “Наследники”. Целина в то время играла очень большую роль в жизни страны, и наш казахстанский литератор Николай Иванович Анов написал пьесу. Но окончательно она создавалась в театре. И я помню, как мы репетировали. Мы ещё не знали текста, в руках у нас были тетрадки. Мы выехали в совхоз к целинникам, и Яков Соломонович сказал им: “Вот сейчас мы вам, героям нашего будущего спектакля, продемонстрируем застольный период работы над ним. Актёры, ещё не знающие своих ролей, прочтут их, что называется, с листа. Ваша задача — прослушать всё, а потом высказать свои мнения, пожелания, поправки, подсказки”. И я помню — сидят целинники, и мы читаем всё это. А когда прочли, то там-то всё и прояснилось — что есть жизнь, а что выдумка. Пошли замечания, живое обсуждение, предложения. И так, общими усилиями пьеса была доведена до кондиции.

Рано ушедший из жизни, Штейн любил её, как любил тех, с кем шёл бок о бок по ней. Иногда это могло быть что-то не очень существенное, но весьма приятное. Он мог, например, угостить за свой счёт пивом всех участников на первомайской или ноябрьской демонстрации. Мог провести очередную репетицию в горах, на пленэре, с последующим “завтраком на траве”.

Я думал, что встреча наша продлится долго и долго, но, к сожалению, трагическая смерть отняла его у нас. И это для меня одна из самых тяжёлых утрат.

— Здесь вспоминали о времени, — вновь вступает в разговор Галина Юрьевна Рутковская, — когда Яков Соломонович ставил в ТЮЗе “Трёх мушкетёров”. В те поры я была в литературной части театра, и когда начались прогоночные репетиции, наблюдала не столько за тем, что происходит на сцене, сколько за Яковым Соломоновичем. На сцену можно было не смотреть вообще, ибо всё прочитывалось в его движениях, мимике, жестах. В том, как он срывался с кресла, летел на подмостки, вырывал шпагу у исполнителя Портоса: “Вы не так фехтуете, так не мог фехтовать мушкетёр” и начинал работать за героя. Это был огонь. Огонь во всём. Даже его шевелюра казалась огненной. И — озарённое лицо. А когда он шёл, и даже не шёл, а, я бы сказала, вышагивал по улице с тросточкой, — это было нечто!

Да, Галина Юрьевна права — Яков Соломонович был необычайно живым, темпераментным и на редкость красивым человеком. Собрав все эти штрихи к его портрету, хочу сказать и я, каким запечатлелся он в моей детско-юношеской памяти. Душа его, как мне кажется, находилась в непрестанной работе, а сам он относился к разряду людей, которых именуют аристократами духа. Дома, в квартире, кабинет его состоял сплошь из книг. От пола до потолка, от одного дверного косяка до другого. Посреди комнаты стоял огромный круглый стол, вмещавший “во дни торжеств” до тридцати человек. Праздновалось всё, что могло праздноваться, и всегда с неожиданными сюрпризами, костюмированными домашними представлениями, переодеваниями и хохмами. Был свой круг близких и знакомых, и в этой радостной суете участвовали как взрослые, так и ребята.

В обычные дни кабинет располагал к спокойным занятиям и раздумью. В одном углу его стояло глубокое мягкое, как в старинных гостиных, кресло, в другом — невероятных размеров фикус-баобаб. Библиотека вбирала, казалось, всё. Здесь была подписная классика и так называемая “учебка”, изъятые отовсюду и сохранившиеся разве что лишь на этих полках книги про Камерный театр, “Габиму” и Михоэлса, школу Таирова и Мейерхольда. Отсюда друзья брали чтиво для своих детей, библиотека подпитывала тех, кто жил для искусства, из её сокровищ черпал бесконечные знания сам хозяин.

Отец мой безумно любил Штейна и ходил к нему едва ли не каждый день, вернее, ночь, потому что спектакли заканчивались почти в двенадцать. Он шёл к “Яше на чаёк” и приходил уже к утру, давая своему собеседнику чуть-чуть вздремнуть перед работой. Разговорам не было конца, и в неторопливом течении их рождались идеи новых постановок, складывалась конструкция будущих спектаклей. Возражений эти ночные бдения не вызывали. Мама, Смолянинова Любовь Александровна, вчерашняя студийка, актриса театра, как и многочисленные посетители нашего дома, относилась к своему Учителю с благоговением и почтением.

г. Алматы.

Бахытжан КАНАПЬЯНОВ

Словарь столетий

I

“Из числа тюрок я — один из самых красноречивых и ясных в изложении, образованнейший, благороднейший по происхождению и самый ловкий в метании копья”, — скупое, но с чувством собственного достоинства говорит о себе великий представитель правящей династии Караханидов, талантливейший этнограф, языковед, географ, историк, ко всем этим определениям более всего подходит ёмкое слово — энциклопедист — Махмуд ибн аль-Хусайн ибн-Мухаммед аль-Кашгари. Правнук правителя Богра-хана (Бурахана) родился в первой четверти XI века, ориентировочно в 1029-1039 годах в местности Барскоон вблизи Иссык-Куля. Выходец из рода Барсаган династии Караханидов. Получил образование в Кашгаре и продолжил учёбу в Бухаре и Багдаде. Обладал научно-энциклопедическими знаниями по правоведению, арифметике, Корану, шариату и хадису, а также досконально изучил арабо-персидские языки, литературу и культуру. По мнению исследователей, именно в Багдаде Махмуду аль-Кашгари пришла идея создания великого труда своей жизни — “Диван Лугат ат-Турк” (“Словарь тюркских языков и наречий”).

“Диван Лугат ат-Турк”, — утверждал в своё время известный тюрколог А. Н. Кононов, — является единственным источником информации о жизни тюрок XI века: о предметах их материальной культуры, реалиях быта, об этнонимах и топонимах, родоплеменном делении, о терминах родства, о титулах и наименовании различных должностных лиц, названиях пищи, питания, о домашних и диких животных и птицах, о терминах животноводства, о географической терминологии, о городах, названиях болезней и лекарств, анатомической терминологии, о металлах и минералах, о военной, спортивной, административной терминологии, об именах различных исторических и мифологических героев, о религиозной и этнической терминологии, о детских играх и забавах”.

По одной из версий, “Диван Лугат ат-Турк” Махмудом аль-Кашгари создан на основе труда учёного из Багдада Абр ар-Рахман ал-Басри “Китаб ул-айни” (VIII в.). Копия, сотворённая в 1266 году, была найдена у продавца старых вещей в 1915 году. В данном труде, состоящем из трёх томов и восьми книг, научно систематизированы около семи тысяч тюркских слов. Махмуд аль-Кашгари впервые в истории тюркологии использовал историко-сравнительный метод, создал основы диалектологии, сохраняя особенности тюркских племён, при описании слов использовал 242 бейта и 267 пословиц и поговорок. В Словаре наряду со строками, воспевающими героизм тюркских народов, чувства влюблённых, явления природы, приведены и образцы суфийской поэзии, которым в дальнейшем следовал в своих поэтических и философских трактатах Ходжа Ахмет Яссави.

Интересна и древняя круглая карта, составленная автором Словаря, где указываются места расселения тюркских племён, других стран и народностей того периода. Центром данной уникальной тюркской карты являются Кашгар и Баласагун, что существенно помогло известному учёному-археологу У. Х. Шалекенову спустя тридцать лет с начала ведения археологических раскопок окончательно локализовать расположение города Баласагуна в местности Актобе Чуйского района Жамбылской области.

По некоторым данным Махмуд аль-Кашгари являлся автором ещё одного научного труда “Китап-и-джавахир-аннахв фи Лугат ат-Турк” (“Про ценные качества синтаксиса тюркских языков”), однако, к нашему глубокому сожалению, эта книга не сохранилась.

По утверждению известного узбекского учёного Эргаша Агзамовича Умарова, тюрки за период с VII по XIX века создали значительное число письменных памятников. Они написаны на рунической, согдийской, брахми, уйгурской, арабской графике и хранятся в востоковедческих фондах Парижа, Лондона, Дели, Стамбула, Тегерана, Вены, Берлина, Санкт-Петербурга, Ташкента. Среди лингвистических трудов особо выделяется “Диван Лугат ат-Турк” Махмуда аль-Кашгари, единственный экземпляр которого хранится в Стамбуле в библиотеке Миллет Генель. Рукопись словаря состоит из 319 листов размером 239х169 мм. На каждой странице данного тюркско-арабского памятника 17 строк, написанных почерком насх. Особая ценность словаря состоит в том, что тюркские слова огласованы, то есть показаны орфография и орфоэпия слов. Судя по колофону, Махмуд аль-Кашгари завершил работу после четырёхразового редактирования в 446 году хиджры, что соответствует 1074 году. Текст сохранившейся рукописи был переписан с оригинала двумя столетиями позже — в 644 году хиджры, т. е. в 1266 году писцом Мухаммад ибн Аби Бакр ибн Аби-л-Фатх ас-Сави, позднее — ад-Димашки.

В предисловии “Дивана” учёный указывает, что труд его посвящён аббасидскому халифу ал-Муктади, высокому духовному авторитету, правившему в Багдаде в 1075-1094 гг.

При составлении словаря Махмуд аль-Кашгари, как установили Г. Бергштрессер и А. Б. Халидов, опирался на арабский словарь Абу Ибрахима Искака ибн Ибрахима аль-Фараби “Диван ал-адаб фи байан Лугат ал-араб” (“Словарь арабского языка в литературных цитатах”).

Таким образом, сейчас науке известен прототип “Дивана”. Ценность данного словаря заключается в том, что Махмуд аль-Кашгари тысячу лет тому назад как диалектолог на коне объездил места, где проживали тюрки. В предисловии “Дивана” он пишет: “Я прошёл их города и степи, узнал их наречия и стихи: тюркский, туркмен-огузский, чигил, йагма и кыргызский. Наречия всех племён усвоены мной в совершенстве и изложены изящной чередой”. Ввиду огромной ценности “Дивана” для тюркоязычных народов, населяющих широкие просторы Азии, он на протяжении двадцатого столетия издавался сначала на турецком, затем на узбекском, уйгурском, английском, казахском¹ и персидском языках. Теперь благодаря труду Зифы-Алуа Ауэзовой он впервые издан на русском языке в Алматы издательством “Дайк-Пресс” в объёме 1300 страниц.

¹ Известный казахский поэт и учёный Аскар Егеубаев в конце прошлого века перевёл “Диван Лугат ат-Турк” Махмуда аль-Кашгари на казахский язык, поэтически придав древнетюркским лексемам именно казахское звучание, тем самым эмоционально приблизил древний памятник к современному казахскому читателю.

II

Зифа-Алуа Ауэзова впервые в истории востоковедения осуществила полный русский перевод с арабского оригинала тюркского лексикографического Словаря “Диван Лугат ат-Турк”², составленного в XI веке Махмудом аль-Кашгари.

Первые же отзывы крупнейших научных центров Евразии свидетельствуют, что данный фундаментальный и уникальный труд “обречён” на славное будущее, ибо “Словарь” во все времена был и остаётся объединяющим средством общения нашего бытия. И это тем более актуально и принципиально важно в эпоху Интернета и новых технологий, когда идёт “карикатурная” война представителей христианского и мусульманского миров, когда мы, земляне, переступаем порог глобализации нашей эпохи, во многом чреватой нивелированием наших чувств и этического восприятия нашего прекрасного и противоречивого бытия.

Уникальна сама судьба “Словаря” Махмуда аль-Кашгари. Ценнейший источник знаний общечеловеческого масштаба обретает славу далеко за пределами мусульманского мира. Гениальный труд Махмуда аль-Кашгари был сотворён в далёком XI веке и через рукописные свитки целое тысячелетие ждал своего часа, своего “мига сознания”, своего “момента истины”, когда в начале двадцатого столетия был впервые издан в Турции, затем были издания фрагментов на немецком (К. Брокельман), на турецком (Б. Аталай). На основе гениального труда Махмуда аль-Кашгари были созданы “Словарь среднетюркского языка” и “Древнетюркский словарь”, “Этимологический словарь тюркского языка до XIII века” в СССР, Китае, Великобритании, Турции, Азербайджане, США. Обо всём этом, а также о многих других факторах создания “Словаря” и его последующей удивительной судьбе, возраст которой вбирает в себя целое тысячелетие, с научной глубиной знания исследуемого материала, ёмко и образно выражено и высказано в обширном предисловии учёного и автора перевода. Со всей убеждёностью отмечаю, что само это предисловие является своеобразным дастаном, эпосом и поэмой в прозе во славу великого труда Махмуда аль-Кашгари. “Кубом дымящейся совести” называл книгу Борис Пастернак. Со всей ответственностью это определение я отношу как к “Дивану Лугат ат-Турк” Махмуда аль-Кашгари в целом, так и к переводу данного словаря на один из пяти протокольных языков Организации Объединённых Наций — русский язык, который в силу сложившихся исторических обстоятельств является объединяющим средством для большинства тюркоязычных этносов.

Я горжусь, что именно в Казахстане, именно в Алма-Ате был сотворён и издан данный перевод “Дивана Лугат ат-Турк”.

В настоящее время уделяется пристальное внимание и со стороны государства, и со стороны общественности глубокому изучению государственного языка — казахского, который во все времена был неотъемлемой и составной частью тюркоязычного мира. Убеждён, что в этом нравственном и глубоко национальном, всенародном начинании роль и значение данного перевода “Дивана Лугат ат-Турк” чрезвычайно существенная,

² Махмуд аль-Кашгари. Диван Лугат ат-Турк. Перевод и предисловие З.-А. М. Ауэзовой. Индексы Р. Эрмерса. Алматы. Дайк-Пресс, 2005.

если не определяющая. Через пословицы и поговорки, через фольклорные поэтические образы, которые в силу своей нетленности пережили и переживут не одну земную жизнь и не одно поколение, и которые, словно жемчуг или бисер, рассыпаны по всем бессмертным страницам “Словаря”, именно эти страницы и образы неоценимо помогут нашим современникам поверить в будущее казахского языка, который во многом, благодаря этому изданию, станет не только языком наших отцов и наших предков, как это собственно и было до недавнего времени, но и полнокровным языком наших детей и внуков.

Благодаря полному переводу гениального труда Махмуда аль-Кашгари, осуществлённому большим учёным и патриотом тюркской и казахской культуры Зифой-Алуа Ауэзовой, русскоязычный мир познал и познает великое и непреходящее значение тюркских наречий, которые на равных, а во многих случаях и превосходят по образности и глубине суждений арабские и ирано-персидские словосочетания и словообразования. Это постигал и понимал во время создания своего труда Махмуд аль-Кашгари, это постигала и глубоко осознавала за время создания своего перевода данного “Словаря” Зифа-Алуа Ауэзова.

“Тюркские наречия идут наравне с арабским языком, подобно двум коням на скачках” (ДЛТ, стр. 5).

“Аллах Всевышний вознёс светило Удачи к созвездиям тюрков,
царство их расположил среди небесных сфер,
назвал их ат-турк
и наделил могуществом,
сделал Правителями Века
и вложил им в руки бразды правления миром,
возвысил над [остальными] людьми,
усилил тех, кто был им близок и предан, направив к истине”
(ДЛТ, с. 2).

Мне довольно часто приходится бывать на южном берегу Иссык-Куля, вблизи Барскоона, где на расстоянии одного-двух горных перевалов, но уже в Китае, находится Кашгар, где родился создатель “Дивана Лугат ат-Турк” Махмуд Кашгари, а вблизи Кашгара есть селенье Опал, где он похоронен. Барскоон является родиной отца и предков Махмуда аль-Кашгари. По Барскоонскому ущелью не раз проходил со своим караваном в Кашгар мой предок Чокан Валиханов. Каждое лето, находясь в одном природном ландшафте, в котором творили и обитали знаковые фигуры тюркского этноса, я не раз задавал себе вопрос: “Почему, проживая подолгу в Кашгаре, красочно и образно описав его обитателей, будущий учёный и член Российского Географического общества Чокан Чингисович Валиханов ни словом не обмолвился о Махмуде аль-Кашгари?”. Не было и свитка его “Словаря” среди книг, которые он привёз из Кашгара. И только в дневнике Чокан Валиханов вскользь упоминает о предке Махмуда аль-Кашгари Богра-хане. Воистину, всё в воле Аллаха, Милостивого, Милосердного, в Нём помощь!

Видимо, необходимо было Время-Космос, Время-Мир, Время-Судьба. Одним словом, заман-ажун, когда сквозь толщу времени, словно сквозь прозрачную толщу чаши Иссык-Куля, проступят и проступают страницы бессмертного свитка “Словаря” Махмуда аль-Кашгари. И как волны Иссык-Куля, которые порой выносят на берег нашего бытия останки затопленного города в образе амфор и глиняных чаш, так и волны времени

выносят ключи к тайным глубинам “Словаря”. Выносят не всем, но избранным. В данном случае Зифе-Алуа Ауэзовой. Этой маленькой, но полновластной хозяйке великого Храма Тюркологии. То, что не успел свершить наш предок Чокан Валиханов, то, что не успели академики В. В. Бартольд и С. Е. Малов, то, что в силу исторических причин и диктата своего времени не довели до логического завершения А. Н. Кононов и И. В. Стеблева — выпала честь и высокая ответственность завершить нашей современнице Зифе-Алуа Ауэзовой. Выход перевода “Дивана Лугат ат-Турк” совпал с окончанием первого этапа Государственной программы “Культурное наследие”. Необходимо отметить, что данный перевод был осуществлён и издан вне финансовых и временных рамок этого проекта. И тем самым превзошёл все мыслимые ожидания, ибо сам процесс творчества и сам процесс перевода только тогда являет собой существенный, а в данном случае, академический результат, когда он не отягощён календарными сроками, когда сам процесс происходит вне регламента и вне протокола.

Выпускница восточного факультета Ленинградского государственного университета, учёный-востоковед Зифа-Алуа Ауэзова чётко понимает и всесторонне пропагандирует дело всей своей жизни “Диван Лугат ат-Турк” Махмуда Кашгари. Мало того, она соизмеряет сей труд с реалиями современности, подчёркивая непреходящее значение данного “Словаря”: “Диван Лугат ат-Турк” свидетельствует о том, что в XI веке тюркский язык, распространившись по обширным географическим ареалам, являлся главным объединяющим фактором тюркского этноса, вобравшего в себя множество идейных и антропологических элементов человечества. Избрав для своего сочинения форму словаря, аль-Кашгари объединил многочисленных носителей тюркского языка своей эпохи в единую цивилизационную систему.

Заявленная высота соперничества языка тюрков с арабским и многогранная демонстрация богатства словесного наследия тюрков на фоне их исторического триумфа, когда тюркские военачальники были удостоены титула “Султанов Ислама”, бесспорно свидетельствуют о том, что Махмуд аль-Кашгари предрекал тюркскому языку статус второго международного языка в мусульманском мире — языка, по значимости, богатству и выразительности соразмерного языку Корана.

В результате исторических событий X—XI веков обозримое пространство цивилизационного единства тюрков ассоциировалось с “землями Ислама”, важнейшим культурным компонентом которых являлся язык арабов. Именно через арабский язык и арабский алгоритм языкознания сведения о языке и культуре тюрков могли наиболее благоприятным образом распространиться в обширном мусульманском социуме. Исходя из этого, Махмуд аль-Кашкари наполнил категории арабо-мусульманской науки содержанием тюркских наречий, создав прообраз фундаментального произведения тюрко-мусульманской культуры.

“Диван Лугат ат-Турк” расширил область познаний мусульманской науки XI века, впервые обогатив её энциклопедическими сведениями о языке и культуре тюрков. В XX веке этот гениальный труд обрёл славу далеко за пределами мусульманской цивилизации, явившись ценнейшим источником знаний общечеловеческого масштаба”.

Как когда-то существовала школа великого Абая, так в настоящее время, на стыке веков, складывается и уже даёт свои творческие всходы и результаты Школа гения казахской словесности Мухтара Омархановича

Ауэзова. Я, как поэт и издатель пятидесятитомного собрания сочинений М. О. Ауэзова, со всей ответственностью отношу и себя к этой школе. Фамилия Ауэзов в творческом, духовном и нравственно-эстетическом плане является нациообразующей фамилией. И тем выше ответственность, и тем более велика задача — найти свою тернистую тропу и свою высоту в мире науки и просвещения. Считаю и глубоко убеждён, что с этой задачей и с этой высотой Зифа-Алуа Ауэзова справилась блестяще, являясь творцом непреходящих ценностей, снискавших всестороннее признание в стране и за рубежом.

III

Принято считать, что необходимость создания Словаря Махмуда аль-Кашгари вызвана в первую очередь тем, чтобы всесторонне ознакомить представителей арабского мира, проповедующих на уровне государственного статуса Ислам, с образцами местных тюркских культурных, бытовых и социальных наречий, элементами фольклора, языка, ритуалов и обычаев.

Но это, на мой взгляд, только внешняя, видимая сторона многовековой судьбы Словаря Махмуда аль-Кашгари. Словарь познакомил и роднил по тюркскому диалекту многих обитателей Восточного Туркестана, Центральной Азии, Ирана, Кавказа, Поволжья, Приуралья, жителей берегов Сырдарьи и Амударьи, Или и Иртыша, Крыма и Восточной Европы. Он стал своеобразной предтечей “Кодекса Куманикус”, который был создан в XII веке в Крыму, а может быть, в Генуе или в Венеции.

По утверждению академика Марата Карибаевича Барманкулова, X-XII века — тюркский Ренессанс. Арабский халифат был свергнут. Их язык перестал быть обязательным, государственным. Возникли благоприятные условия для возвращения и развития тюркского литературного языка. Большинство литературных памятников вновь стало создаваться на общетюркском языке. На родном, тюркском языке, были созданы “Благодатное знание”, “Подарок истины”, “Словарь тюркских наречий”. Караханидское государство стало центром развития тюркоязычной культуры.

Оно возникло в середине X века на территории Семиречья и части Восточного Туркестана — Кашгарии. Родоначальником династии Караханидов стал Сатука Богра-хан (915—955 годы). Постепенно территория Караханидов стала расширяться, вбирая в себя остальные районы Восточного Туркестана, долины рек Чу, Таласа, Сырдарьи, значительную часть Мавераннахра.

В Караханидское государство вошли канглы, карлуки, чигили, ягма. Столицей стал город Кашгар, затем Баласагун, позже Узген.

Вместе с Караханидским государством стала возникать в XI столетии на западе Кипчакская империя. Она охватила огузские земли в бассейне среднего и нижнего течения Сырдарьи, приаральские и прикаспийские степи, Хорезм. Уже в середине XI века Кипчакская империя простиралась от Иртыша до Волги и далее до Днепра и Дуная.

В Таразе возводятся величественные архитектурные сооружения тюрков. До сих пор сохранились Айша-Биби, мавзолей Баба-хатун, купола Аяккамыра и Алаша-хана, мавзолей Караханидов.

Среди тюркоязычных учёных выделяются Махмуд Кашгари, Юсуф Баласагуни, Ахмед Югнаки, Ахмед Яссави.

“В 1072-74 годах Махмуд аль-Кашгари составит “Словарь тюркских наречий”. Это было глубоко научное издание. И в то же время нечто вроде учебника и альманаха. В труде представлены основные жанры тюркоязычного фольклора. В том числе о походе Александра Македонского в область тюрков-чигилей.

Будучи представителем караханидской знати, а может, и прямым представителем династии, Махмуд аль-Кашгари посетил почти все регионы проживания тюрков. В Багдаде у него созрел замысел труда, который бы объяснил всем менталитет тюркских народов, их обычаи, мировоззрение. Важно было собрать и обобщить обширный историко-культурный и лингвистический материал, показать особенности мировосприятия тюрков, впитавших в себя предшествующее многовековое наследие предков”³.

Я бы добавил, что объяснить не только другим, но и себе самим, тюркам, о своём благородстве и величии.

Махмуд аль-Кашгари не только возвеличивает своих соплеменников, он обличает их пороки и недостатки.

И ныне не потерял актуальности его пассаж по поводу стяжательства и накопительства: “Вещи и имущество человека — его враги... Скопив богатство, считай, что это низвергся поток воды — словно волна, катит он своего обладателя вниз. Все мужи испортились из-за вещей. Увидев богатство, они кидаются на него, словно гриф на добычу... Они держат приобретённое, плача от скупости, они копят и копят золото. Из-за вещей, не памятуя о божьих сыновьях своих и родственников они и в самом деле готовы задушить”.

Читая и перечитывая страницы Словаря, словно бы погружаешься в невидимые, но осязаемые волны поэтической Вселенной, извлекая вместе с прибрежной пеной бытия крупинцы “вещества поэзии” тюрков:

*Красное с жёлтым, словно подруги,
Не разнять их вовек.
Зелёное с алым, держась друг за друга,
Твердят: “Так живи, человек!”*

Как переводчик казахского фольклора, замечу, что в своё время, работая над переводом лироэпической поэмы “Кыз-Жибек”, я не раз и не два обнаруживал эти поэтические словосочетания: “красное с жёлтым”, “зелёное с алым”, “белое с золотым”. К примеру:

*— Ткут белый с золотом узор,
И, как неотканый ковёр,
Так продолжается, Жибек,
Весь наш с тобою разговор.
— На узор узор взамен
Я сплетаю, Тулеген,
Мне рисунок подсказали
Родичи семи колен.*

Если проецировать время сотворения казахским народом фольклора “Кыз-Жибек” (XVII век) на более раннее время создания Словаря Махмуда аль-Кашгари (XI век), то можно смело утверждать, что многие казахские

³ М. Барманкулов. “Хрустальная мечта тюрков о квадриции”. Алматы. ОФ БИС, 1999.

пословицы, поговорки, прибаутки, поэтические фрагменты тюркского фольклора стали известны не только арабоязычному миру, но ещё задолго до времени рождения Словаря были близки и понятны многим разрозненным племенам единого тюркского эля.

Именно эти элементы крылатых слов и народной поэзии тюрков стали основой при создании в будущем героического эпоса и лироэпических фольклорных произведений — “Кобланды-батыр”, “Камбар-батыр”, “Ер-Таргын”, “Алпамыс-батыр”, а также баллад и стихов Казтугана, Доспамбета, Асан Кайгы. Об этом широко и подробно исследуется в книгах Мухтара Магауина “Кобыз и копьё”, “Алдаспан”, “Поэты Казахстана” и в книге Немата Келимбетова “Древние литературные памятники”, где автор непосредственно ссылается на влияние Словаря Махмуда аль-Кашгари при возникновении фольклорных произведений.

На примере многовековой истории Восточного Туркестана можно также утверждать, что книгопечатание ксилографическим способом (и древнекитайское, и древнеиндийское, и древнетюркское) берёт своё начало в VII веке в Туркестане. “Находка тангутских ксилографов в Харо-Хото говорит о высоком уровне развития книгопечатания в XI-XII веках в государстве Западное Ся⁴.

Начало книгопечатания в Тибете относят к X-XI векам. Несомненно, оно было заимствовано из Восточного Туркестана.

Итак, начало книгопечатания в Восточном Туркестане относят к середине VII века. Все остальные регионы: Тибет, Китай, Тангут, Монголия освоили ксилографическое книгопечатание на несколько веков позже.

Время появления древнетюркских ксилографических памятников относят к VII-VIII векам. Верхняя граница колеблется в пределах XI-XV веков.

Можно с полным правом утверждать, что Восточный Туркестан первым в мире освоил книгопечатание ксилографическим способом с середины VII века. Это были буддийские тексты. С того же времени начали появляться и первые ксилографические древнетюркские издания. Тюркское книгоиздание способом ксилографии продолжалось не менее девяти веков непрерывно.

Ксилографические тексты на тюркском языке зафиксированы как на руническом, так и на курсивном письме⁵.

Время создания Словаря (XI век), его многовековая судьба, вбирающая в себя почти тысячелетие, выводят на определённые исторические параллели — и во времени, и в пространстве, которое пусть в изменённом виде, но всё же присутствует названиями географических местностей на древней тюркской карте Махмуда аль-Кашгари.

Как известно из истории Караханидов, Махмуд аль-Кашгари лично сам четырежды редактировал “Диван Лугат ат-Турк”, прежде чем подарить его высокому духовному авторитету, правившему в Багдаде в 1075-1095 годах, аббасидскому халифу аль-Муктади.

Спустя два века, в 1266 году, переписчик Мухаммад ибн Аби Бакр ибн Аби-л-Фатх ас-Сави сделал копию с оригинала, а позднее — ад-Димашки, только неизвестно — копию с копии, или также с оригинала.

⁴ Восточный Туркестан.

⁵ М. Барманкулов. “Хрустальная мечта тюрков о квадрации”. Алматы. ОФ БИС, 1999. С. 106-107.

Обычно о том, что была неоднократная редактура или была произведена копия, свидетельствуют колофоны-приписки к рукописи: кем и когда была совершена переписка копии с рукописи или же редактура. Но суть не в этом, наверняка были ещё копии, да и не одна. Ещё в середине первого тысячелетия обитатели Восточного Туркестана имели тюркскую письменность “с непривычными для Китая поперечными строками и на непривычном для Китая материале — пергаменте, выделанной коже”. Позднее тюрки писали и на пальмовых листьях (индийское письмо), и на шёлке, а в канун создания Словаря в Восточном Туркестане уже повсюду практиковалась бумага.

Великий Шёлковый путь и в канун своего заката был транспортной артерией не только всевозможных товаров с Востока на Запад и наоборот. Этот путь, который веками пролегал через Баласагун и Кашгар, был и путём духовного взаимообмена. Местами сосредоточения местного люда и торговцев-караванщиков, разумеется, являлись караван-сарай, религиозные центры в облике мечетей, церквей, костёлов, синагог, буддийских храмов и монастырей, где сооружались ступы и святилища, а также несомненно многолюдные восточные базары и европейские рынки. Продавалось и обменивалось всё — от пряностей до рабынь и рабов, от шёлка и мануфактуры до печатных и рукописных книг и религиозных текстов.

“Тюрки основывали свои чисто светские своды правил, энциклопедии поведения на знании всей философии, науки, религии мира — от Аристотеля и Платона до Конфуция, Иисуса и Магомета. Но шли они от своих легенд и представлений, излагали их на тюркском языке и на тюркском алфавите, как руническом, так и курсивном.

Древнетюркский вклад в философию жизни каждого и в представления об общем государственном строительстве — это блестящий ряд сочинений, идущий от Орхоно-енисейских поэм VIII века, “Ырк битига” — “Книги сентенций” X века, от “Книги Коркута”, вобравшей в себя легенды VII-XIII веков Ахмада Югнаки, энциклопедии “Словарь тюркских наречий” — “Диван Лугат ат-Турк” XI века Махмуда Кашгари, “Кодекса Куманикуса” XII-XIII веков.

Эти сочинения запечатлены как тюркским письмом — руническим и курсивным, так и письмом индийским, манихейским, китайским, арабским и латинским. В них нашли отражение светские представления прототюркских государств Элама и Хараппы, таких религиозных деятелей, как Заратуштра, Будда, Мани, Тенгри и Умай, Иисуса, Магомета, Яссави, античная философия Аристотеля и Платона, Конфуция, аль-Фараби, достижения персов и арабов, тема любви как всеобщего правила поведения Низами. И в то же время в них преобладали реалии тюркской жизни, их взгляды на жизнь и мироздание, основанные на добре, гуманности, деловой активности, росте благосостояния, возможности сосуществования разных противоположностей — хозяев и рабов, друзей и врагов, тюрков и не тюрков, зелёного и пурпурного, алого и жёлтого”⁶.

И среди этой духовной пищи в корджунах каравана были и аналогичные Словари, столь необходимые в дни многомесячного путешествия по просторам обитания многочисленных тюркских племён.

⁶ М. Барманкулов. “Хрустальная мечта тюрков о квадронации”. Алматы. ОФ БИС, 1999. С. 77-78.

Махмуд аль-Кашгари в “Диване Лугат ат-Турк” не только перечисляет состав тюркских племён, вошедших в Караханидское государство. Он, словно бы комментируя созданную им карту, сообщает: “Первое из племён около Византии — печенеги, кипчаки, огузы, йемеки, башгирты, басмилы, кей, йабаку, татары, кыргызы, а они около Сина. Все эти племена от пределов Византии простираются на Восток. Затем чигили, тухси, ягма, играки, джаруки, чумулы, уйгуры, тангуты, хитай, а это Син, тавгач, а это Масин. Эти племена расположены между югом и севером”.

Кипчакская империя, вбирая многие из этих племён, расстилалась к северо-западу от Восточного Туркестана.

О том домонгольском периоде воистину родственно-братских отношений Степи и Поля, о смешанных браках достойных представителей тюрков и русичей не раз писали в своих трудах Лев Гумилёв и Олжас Сулейменов.

То, что было, мягко говоря, не понято, не принято и не признано советскими учёными-исследователями “Слова о полку Игореве”, являлось для моего учителя Олжаса Омаровича Сулейменова естественным в силу незаурядного ума и большого таланта учёного и поэта.

Время создания “Дивана Лугат ат-Турк” Махмуда аль-Кашгари — было и временем событий и действий, запечатлённых в “Слове о полку Игореве”. Это было временем заката Хазарского каганата и расцвета Кипчакской империи, временем проникновения на обширные просторы Степи и Поля христианства, мусульманства, иудаизма, буддизма.

Ещё было далеко до прихода Чингисхана, возникновения Золотой Орды, а затем Крымского, Казанского, Сибирского, Астраханского, Казахского ханств, а затем родной по языку и фольклору, родной нам, казахам, до последнего позвонка Орды Ногайской. Но уже в это уникальное время жили и действовали городища Чуфут-Кале и Мангуп, в которых обитали караимы и крымчаки, их всех вместе с половцами-куманами-кипчаками, печенегами, берендеями, торкинами, гагаузами, огузами, татарами, мангытами, канглами, уйсунями, уйгурами, жалаирами, адаями, черкешами, киятами, конратами, дулатами, мадьярами, шымырами, албанами, найманами, уаками и многими, многими другими родами и племенами Степи, Поля, Черноморского побережья, Северного и Южного, Каспия, Кавказа, Кашгара, Баласагуна, Туркестана, Алтая, Тарбагатая, Иртыша и Забайкалья, Западного и Северного Китая, Центральной Монголии объединял и зачастую спланивал великий тюркский язык.

Естественно, что тюркизмы этой эпохи, видимые и невидимые, произрастали добрыми семенами во многих диалектах, а зачастую являлись и корнеобразующей основой.

“Слово” — уникальный памятник, в котором сохраняются многие тюркские лексемы в их самых первых значениях.

Невидимый тюркизм — одно из главных доказательств подлинной древности “Слова о полку Игореве”, в основе языка которого лежит южно-русский диалект XII века”⁷.

Олжас Сулейменов убеждён, что автор “Слова о полку Игореве” знал один из тюркских языков и разбирался в наречиях. Олжас Сулейменов

⁷ О. Сулейменов. “Аз и Я”. Алма-Ата, Жазушы, 1975. С. 59.

утверждает, что автор “не стенографирует речи персонажей, но достаточно точно стилизует их: бусоврамне у него говорят на западно-кипчакском звонком диалекте. Гзак окает, как среднеазиатский тюрок: “ходын” вместо “хадын”, “когань” вместо “каган”.

Половецкая конфедерация племён не была моноязыкой, как, например, казахская после XVI–XVII веков. Языки половцев ещё не утратили племенной специфики, и поэтому мы вправе ожидать в тюркских элементах “Слова” диалектное разнообразие.

“Ордынский” язык XV–XVI веков был уже однообразнее. И даже если П-16⁸ знал его обиходно, то не все авторские тюркизмы “Слова” были доступны его пониманию”⁹.

То, что с присущей ему интонацией, вьедливо и с сарказмом “впечатывал” в свой труд “Аз и Я” Олжас Сулейменов, то, о чём с чувством собственного достоинства доказывал “невегласам учёным”, а именно присутствие на молекулярном уровне “видимых” и “невидимых” тюркизмов в “Слове о полку Игореве”, необходимо признать, что эти самые тюркские слова и наречия посредством пословиц и поговорок, а также иных словосочетаний уже “работали” на академическом уровне в “Диване Лугат ат-Турк” Махмуда аль-Кашгари, присутствовали со времён событий, описываемых в “Слове”, и ранее, а следовательно, смею утверждать, что автор “Слова” не только знал один из тюркских диалектов, но и сам был носителем этого языка. Также как представители многих племён и народностей Поля и Степи, перечисленных мной выше, которые единой корневой системой тюркских наречий являлись своеобразными соавторами Словаря Махмуда аль-Кашгари, соавторами в силу того, что с самого рождения были носителями великого и неумирающего тюркского Слова.

Необходимо отметить, что известный казахский тюрколог Абжан Кырышжанов, являясь автором многих научных трудов по Орхон-енисейскому руническому письму, Старокипчакским литературным памятникам, а также “Кодексу Куманикусу”, ещё в 1970 году опубликовал монографию “Исследование по лексике старокипчакского письменного памятника XIII века “Тюркско-арабского словаря”.

А если проецировать от времени создания Словаря Махмуда аль-Кашгари в глубь веков, то луч поиска падёт на стелы VII–VIII веков орхонских надписей, освещающая письменность “вечных камней”, которая вбирает в себя именно тюркскую основу.

Судьба Словаря Махмуда аль-Кашгари менее драматична, чем многовековая история “Слова о полку Игореве”. Ровесники по времени создания и действию, эти два великих памятника пришли к нам сквозь громаду лет не в оригинале, а в списках, и в том и в другом случае присутствует базар — Астраханский и Стамбульский. О том, как один из списков “Слова о полку Игореве” вместе с целым возом старых бумаг и хлама увёз с Астраханского базара некий “таинственный казах”, подробно описывает Олжас Сулейменов в книге “Аз и Я”. А копия рукописи Словаря Махмуда аль-Кашгари, как пишет в своём предисловии З.-А. М. Ауэзова, в начале XX века принадлежала человеку по имени Назиф Паша, проживавшему в Вани

⁸ Переписчик XVI века.

⁹ О. Сулейменов. “Аз и Я”. Алма-Ата, Жазушы, 1975. С. 127.

Огуллари в Турции, он передал её в дар своей родственнице как ценную вещь. Приблизительно в 1915-1917 годах копия рукописи была выставлена на продажу на книжном рынке Стамбула и приобретена известным библиофилом Али Эмири. Позднее (вместе со всей коллекцией Али Эмири) она попала в библиотеку Миллет Генель в Стамбуле, расположенную в районе Фитих. Здесь она и хранится по сей день.

Необходимо отметить, что многие древние рукописи и издания аналогичным путём приходят к своему бессмертию. Достаточно вспомнить великого караима Авраама Самуиловича Фирковича (1787—1874 гг.). Являясь носителем тюркского языка, как и его древний народ — караим, он специально неоднократно совершал поездки в XIX веке в города Ближнего Востока, Крыма и на Кавказ, приобретая (в основном на базарах) и записывая древнееврейские тексты и эпитафии. Последние годы жизни “Великий караим” Фиркович безвыездно жил в Чуфут-Кале, где и был похоронен в караимском некрополе на верховьях Иософатовой долины, а его коллекция, насчитывающая 15000 позиций древнееврейских, караимских, крымчакских, самаритянских, арабо-тюркских рукописей и фрагментов, хранится в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге.

Даже этот краткий анализ показывает, что списки самого Словаря Махмуда аль-Кашгари, а также его аналогов во все последующие века верно служили познанию, культурно-политическому взаимодействию между народами и племенами Великого Турана, Арабского халифата, Кипчакской империи, а затем империи Чингисхана, государств Степи и Поля, стран Восточной Европы и Египта. Достаточно сказать, что династия мамлюков — Кутуза, Бейбарса, Калауна, ан Насира, господствовавшая в Мысыре (Египет) не один век, наряду с исторически родным тюркско-кипчакским языком вобрала в себя и государственный язык Корана — арабский. Великий путешественник Ибн Баттута в корджунах своего каравана вёз не только свои дневники и записи. Ему помогали совершать свои путешествия и словари, подобные “Дивану Лугат ат-Турк” Махмуда аль-Кашгари.

Трагедия Отрарской библиотеки XIII века спустя столетия горечью сопрягается с трагедией мировых культурных ценностей Багдада и Ирака века двадцать первого. И всё это ложится общей виной на наши плечи, ибо мы все равнодушно созерцаем телекартины этой несправедливой войны, созерцаем, несмотря на то, что наши великие предки, передавая своё сокровенное наследие, свои Словари между прошлым и грядущим, всегда свято верили звёздам будущего, на ландшафтах которого должны раскрыться все цвета и все оттенки “зелёного и пурпурного, алого и жёлтого, белого и золотого” мира бессмертного Словаря — “Дивана Лугат ат-Турк” Махмуда ибн аль-Хусайна ибн-Мухаммед аль-Кашгари.

Сергей ГОРБУНОВ

Система

В проходах купейных вагонов и в тамбурах стояли “левые” тенге — безбилетные пассажиры. Одни, проехав от пункта А до пункта Б, выходили, а их место занимали другие, едущие дальше. Так и катил поезд, один из многих подобных в Казахстане, стуча колёсами на стыках рельсов и множа неучтённый капитал.

Замечено, что люди особо откровенничают с незнакомыми собеседниками в больницах и поездах. Возможно, это объясняется неуверенностью и опаской за исход болезни и предстоящей дороги. Поэтому пациенты и пассажиры стараются выговориться, чтобы что-то не осталось недосказанным. При этом не опасаясь, что сокровенное обернётся против того, кто его поведал, так как собеседники, скорее всего, больше и не встретятся.

Но если такие беседы возникают стихийно, то пришедший в моё купе железнодорожник начал её осознанно, так как узнал по своим каналам, что я работаю в республиканской газете. Поинтересовавшись: нет ли проблем и претензий, выдали ли постельное бельё (к слову, белоснежное и ранее невиданное в подобных поездках), он перешёл к теме, которая его волновала. Те откровенность и решительность, с которыми он излагал факты, свидетельствовали о том, что это делается сознательно, в надежде на то, что я обнародую услышанное.

Суть сводилась к следующему. Система пассажирских железнодорожных перевозок в Казахстане, по словам рассказчика, разваливается. Структура АО “Пассажирские перевозки” “Казахстан темир жолы” распадается на товарищества, которым на откуп отдают поезда, то есть маршруты. Такое — по всей республике. При этом новые владельцы не скрывают того, что пришли “делать деньги”. А чтобы в этот процесс были вовлечены проводники, начальники поездов, другие работники, всех их заставили уволиться на добровольной основе с прежней структуры, а затем написать заявление о приёме в новую. Но теперь уже товарищество решало: кого взять в рейсы, а кого оставить на “перроне”. Те, кто попал во вторую категорию, тоже были разделены на две группы. Одним тут же дали расчёт, а вторых оставили как бы в отстое (в резерве), поручая второстепенные работы и выплачивая по минимуму. Снизили заработки и тем, кто ездил в рейсы. Если кто-то пытался роптать, тут же подвергался гонению или попадал в отстой.

... Здесь я прерву рассказ собеседника, чтобы подтвердить правдивость его слов. Вернувшись из командировки, в Интернете я нашёл материал по результатам проверки Центральной транспортной прокуратурой РК железнодорожных маршрутов “Костанай — Алматы” и “Костанай — Караганда”. Так вот там, практически один в один, было то, о чём рассказывал мой собеседник. И про то, как “добровольно” уволившись,

проводники потеряли компенсацию в размере среднемесячной зарплаты, и то, как в новой структуре они стали получать меньше, так как им снизили категорию.

В другой публикации рассказывалось о том, как Западная транспортная прокуратура Актюбинской области выявила не только ранее перечисленные нарушения, но и то, что новые владельцы маршрутов высчитывают с проводников деньги за разбитые пассажирами стёкла.

... Но вернусь к своей поездке. По словам железнодорожника, всё это они терпели, так как боялись потерять работу. Но когда с бригад поездов стали требовать (и собирать) “вступительные” и различные поборы с поездок, исчисляемые не одной тысячей тенге, — люди взбунтовались и обратились в правоохранительные органы. В итоге в начале этого года в помещении ТОО “Дамир-Транс”, курирующего маршрут “Павлодар — Алматы”, был задержан начальник поезда, при котором обнаружены 1300 долларов США и 43 000 тенге.

— Эти деньги он нёс для передачи вышестоящему руководству, — заявил мой собеседник. — Но не донёс, так как правоохранительные органы сделали всё, чтобы оборвать цепочку передачи побора (эта схема уходит в верха “Казахстан темир жолы”), и привлечь к ответственности лишь начальника поезда, который собрал с проводников взятки. Против него возбудили уголовное дело, но, похоже, на том всё и закончится.

— Но в материалах прессы, а она широко освещала данный факт, фигурировала фамилия одного из влиятельных работников ТОО, принуждавшего поезда бригады отчислять “дань”, и которому несли собранные деньги, — говорю своему собеседнику.

— Я же вам сказал, что всё было сделано так, чтобы этот человек их не получил, — последовал ответ. — Его тут же перевели на вышестоящую должность, и он теперь с её высоты “прессует” тех, кто посмел обратиться в полицию. (К слову, “обработка” тех, кто написал письмо и подключил прессу, началась сразу же, как был арестован начальник поезда и опубликованы материалы. Их заставляли отказываться от своих слов и пытались представить как группу недобросовестных работников. — С. Г.).

— Но ведь на железной дороге всегда были безбилетные пассажиры, “левые” деньги и “откаты” ревизорам и начальникам, — говорю железнодорожнику.

— И сегодня это есть. Я не скрываю, что в данный момент везу без билета пять человек, — ответ прозвучал сразу и искренне.

— Так чего же вы тогда жаловались? — задаю очередной вопрос.

— Слишком высокую планку “откатов” подняли новые владельцы, — последовал ответ. — Во-вторых, сегодня они сделали так, что мы, к примеру, на свои деньги вынуждены покупать уголь, чтобы в вагонах было тепло. Есть и другие расходы. Вот и приходится брать безбилетников, чтобы не тратить деньги из своей зарплаты.

— Скажите, а как вам в идеале видится работа железной дороги? — спрашиваю напоследок собеседника.

— Только не такой, какая она сегодня, — ответил он. — Понимаете, надоело выискивать “левые” деньги, чтобы затем их передать кому-то. Тем более, что аппетиты у этих людей растут. Хочется просто ехать спокойно, выполняя свой профессиональный долг. Не все же мы жулики.

... Поездка была с пересадками, в южном направлении. Я и раньше наблюдал людей, толпящихся в коридорах вагонов, но после этой беседы стал анализировать их количество. И если теперь кто-то мне скажет, что пассажирские перевозки убыточны, я посоветую ему сесть в поезд и проехать по железным дорогам Казахстана. Он увидит, как по ходу следования поездов в них подсаживаются десятки и сотни людей. Естественно, без билетов, так как в кассах им говорят, что мест в проходящем поезде нет. Но людям-то необходимо ехать по своим житейским делам! И они, в надежде, идут к проводнику. Всё это старо как мир и, наверное, известно с момента рождения первого паровоза. Поэтому и действовала на железной дороге бдительная служба ведомственного контроля. Конечно, и в царское, и в советское время проводники возили необилеченных пассажиров, как-то “разруливая” (если удавалось) с контролёрами-ревизорами, и имели определённый навар. И все об этом на железной дороге знали, выявляли и наказывали. Но сегодня на ней, похоже, параллельно текут два потока денег: те, что официально получены за реализацию билетов, и те, что проводникам удалось выручить от провоза безбилетников для последующей передачи. И неизвестно — какая из этих “рек” полноводнее. Я уже не говорю о перевозке промышленных грузов. Там платить сверх нормы приходится за всё: за подачу вагонов, за разгрузку-погрузку, чтобы уложиться в нормативы и не нарваться на штраф, и ещё за многое другое, что тоже собирается в “многоводный поток”. И за всеми этими манипуляциями с пассажирами и грузами прослеживается чёткая система, где каждому отведена роль.

... Прощаясь, мой собеседник сказал, что как только я вернусь в Павлодар, ко мне обратятся люди, которые дополнят его рассказ более конкретными фактами и фамилиями. Прошло уже предостаточно дней, но никто не позвонил. Но я жду и надеюсь. Не вечно же разные ТОО будут “рулить” на железной дороге.

Р. С. Материал уже готовился к печати, когда в одной из авторитетных павлодарских газет появилось сообщение о том, что “на фирме, обслуживающей железнодорожные пассажирские перевозки, снова стали брать взятки. Проводникам, которые в конце прошлого года уже обвиняли своё руководство в незаконных поборах, теперь устроили “переаттестацию” с выдачей новых удостоверений. За получение последней с работников требуют от 27 до 32 тысяч тенге”. И хотя это было опубликовано в разделе “слухи”, читатели уже знают: многие правдивые, но труднодоказуемые факты редакции помещают в этом разделе.

г. Павлодар.

Елена ЗЕЙФЕРТ

Взаимообмену — больше взаимности

Русская и казахская литературы в Казахстане не могут не пересекаться, потому что у них есть общие источники — мировая литературная классика, мировая современная литература.

Это доказанный факт. Недавно вышла в свет коллективная монография научных сотрудников Института литературы и искусства им. М. О. Ауэзова Министерства образования и науки Республики Казахстан, получившая название “Литературно-художественный диалог”.

В книге нашёл отражение процесс взаимообмена казахской и русской литератур, их контакты друг с другом и с другими литературами. Во вступлении к монографии директор Института литературы и искусства им. М. О. Ауэзова Сеит Каскабасов находит общие для казахов и русских черты — толерантность и открытость, идущую от отмеченной ещё Н. Бердяевым широты, свойственной питомцам просторных земель.

Сборник во многом вдохновлён 2006 годом — Годом Абая в России и Годом Пушкина в Казахстане. Авторам книги было важно увидеть, как новый литературный процесс наследует достижения прежних эпох.

Но литературные пересечения не снимают проблемы изолированного бытования казахской и русской литератур в Казахстане. Ведь эти литературы не столько соприродны, сколько, безусловно, различны, и по многим факторам. Корни у них — соответственно древневосточные и европейские, стиховая природа — силлабическая и тоническая. Принципиально различен жанровый репертуар. Не сходна психология творчества — сравните вариативность, импровизацию у акына и склонность к строгой авторской воле у русского автора.

Казахстанское полиэтническое общество, редчайший пример толерантности, даёт равные права всем литературам, развивающимся на территории РК. Однако какова реальность? Недавно ушедший из жизни критик, доктор филологических наук В. Бадиков с горькой иронией писал о необходимости поставить памятник неизвестному русскому писателю в Казахстане. В чём причина литературного забвения русскоязычных литераторов в РК?

Жизнь произведения — это чтение. Без читателя нет писателя. У русской литературы сфера бытования — русскоязычные толстые литературные журналы и русскоязычный книжный рынок. Оптимальные условия для этого есть только в России.

Важно понимать и то, что казахская и русская (и другие национальные — к примеру, немецкая, корейская) литературы отражают различные этнические картины мира. К тому же русская литература создаётся не этносом, а диаспорой. Бытуя на территории титульного этноса, казахская литература способна передавать ощущения стабильного покоя, чувства родины. Живя внутри “другого”, русская литература не может не отражать спектра ощущений беспокойства, свойственных меньшинствам, и тяги к материнской, российской словесности.

Происходит утечка русских авторов в Россию и другие страны, из которых русскоязычным произведениям опять же прямой путь в Россию.

Периферия литературной казахистики — русская литература — генерирует новую энергию в центр — в казахскую литературу. Взаимообмен здесь неизбежен. Но миграция русскоязычного писательского контингента, закономерно неудовлетворённого условиями творчества на “литературных задворках”, ослабляет эти взаимосвязи.

Русский литератор Казахстана, за редким счастливым исключением, лишён не только казахскоязычного, но и русскоязычного читателя.

Стереотип “Нет пророка в своём Отечестве” заставляет казахстанского читателя искать отдохновение в книгах московских и петербургских авторов, нередко игнорируя новинку, вышедшую из-под пера своего земляка. Важен и внешний вид издания — на фоне полиграфически ладной российской столичной книги, русскоязычная казахистика, нередко изданная авторами за свой счёт, в кустарных условиях, конечно, проигрывает.

Взаимовлияние русской и казахской литератур в Казахстане достигается в первую очередь благодаря литературной и общественной деятельности писателей — русско-казахских билингвов, таких как Герольд Бельгер, Роллан Сейсенбаев и др.

Уровень взаимовлияния литератур относительно невысок, и первая причина — языковой барьер. Недостаточно владея казахским или русским языком, читатель игнорирует малодоступные для понимания книги.

ХОРОШИЙ читатель заинтересован в ХОРОШЕЙ литературе, и язык её создания не важен — был бы доступен и эквивалентен перевод. Изоляцию русской и казахской литератур создаёт крайне малое количество профессиональных переводчиков, в совершенстве владеющих литературными казахским и русским языками.

Лишает возможности взаимопонимания и предельно малое число литературных критиков, читающих и пишущих одновременно на двух, казахском и русском, языках. Герольд Бельгер, в своё время ребёнком депортированный из Поволжья в казахский аул, освоил три языка творчества — казахский, русский и немецкий. Он плодовитый литературный критик, оценивающий сотни новых книг. Но Герольд Бельгер — энтузиаст-одиночка, уникальная творческая личность. Необходим ряд новых литературных критиков, владеющих русским и казахским языками.

Литературные профессии в Казахстане и в целом в СНГ стали малопrestижны, и поэтому, только подняв их статус, можно прогнозировать взаимодействие казахской и русской литератур в РК.

Подпитывая социальный уровень писателей, можно рассчитывать на подъём культурного и ментального потенциала народов Казахстана и их полноценное взаимопонимание.

г. Караганда.

«НИВА»

Адрес редакции: Республика Казахстан, 010000,
г. Астана, пр. Победы, 56 (112), кв. 13.

Телефон/факс: (7172) 39-38-06.

Телефон корпункта в Алматы (7272) 53-51-12.

Сайт: www.niva-kz.narod.ru

E-mail: gundarev@hotmail.ru

Редакция знакомится с письмами читателей, как правило,
не вступая в переписку.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность
за подбор и точность приведённых фактов, цитат,
экономико-статистических данных, имён собственных
и прочих сведений.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Рукописи в редакцию направляются на дисках
или CD-дисках и распечатанные на белой бумаге.

Корректор **Г. К. Байзакова.**

Набор и вёрстка **Е. В. Дмитриевой.**

Технический редактор **В. А. Богданов.**

Собственник:

ТОО «Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».

Журнал основан В. Р. Гундаревым
и впервые зарегистрирован 12.12.1990 г.
Первый номер вышел 17.04.1991 г.

Свидетельство о переучёте № 3518-Ж.
Выдано Министерством культуры, информации и общественного
согласия Республики Казахстан 27.01.2003 г.

Сдано в набор 07.11.2008 г.

Подписано к печати 05.12.2008 г. Формат 70 x 100 1/16.

Уч.- изд. л. 20, 00. Тираж 1000. Цена свободная.
Заказ № 5969.

Номер набран и свёрстан в ТОО
«Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».

Типография ТОО «Жаркын Ко».
010000, г. Астана, пр. Абая, 57/1.